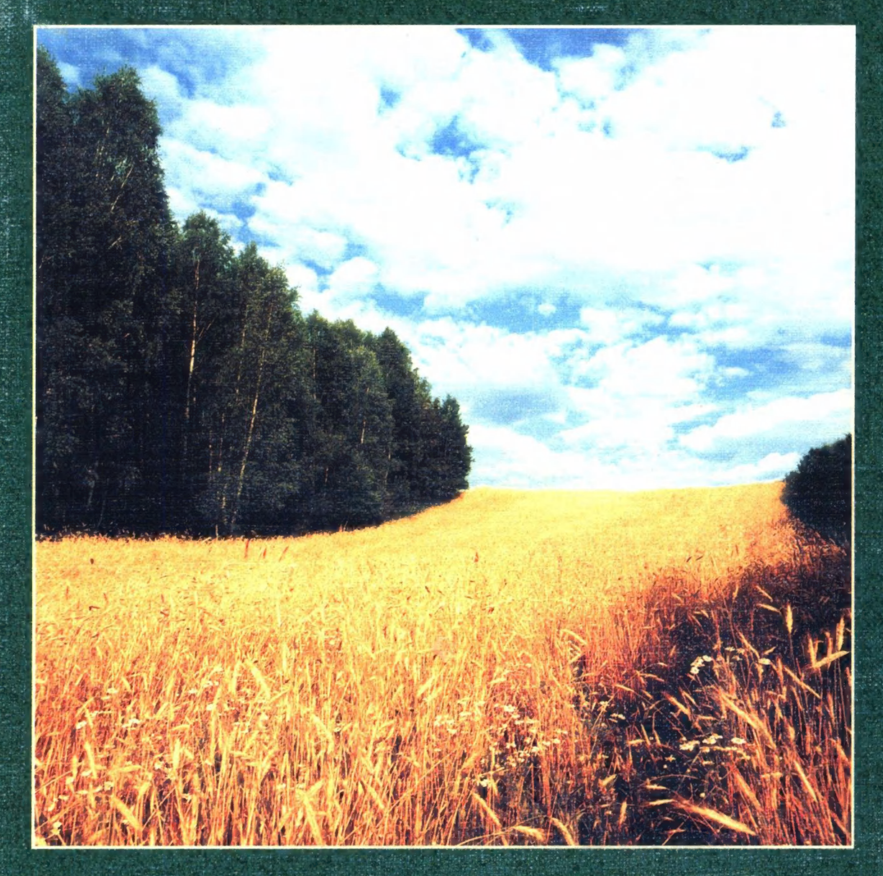

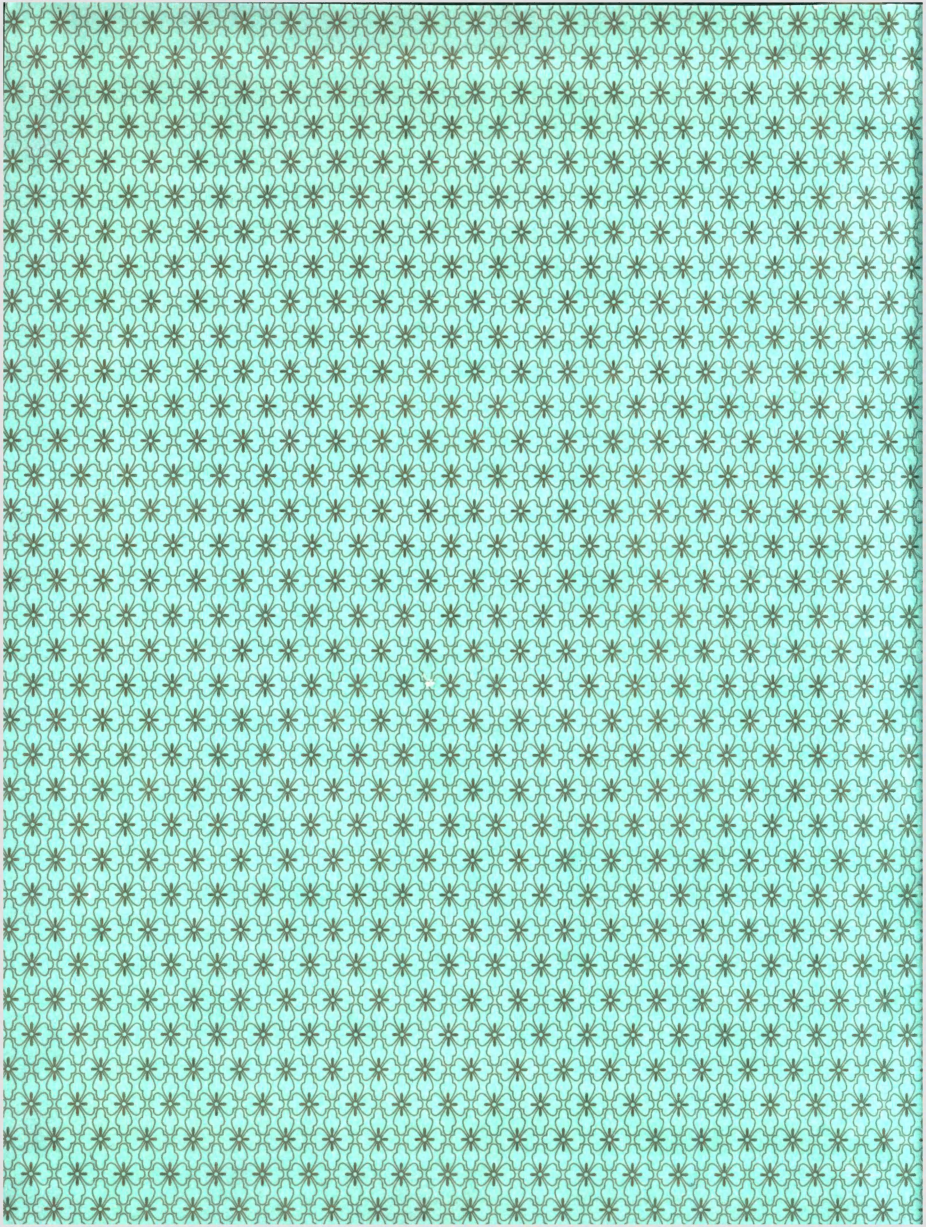
ИЕРОМОНАХ РОМАН

ВНИМАЯ БОЖЬЕМУ ВЕЛЕНЬЮ

В наше тревожное,
неутешительное время
всеобщего хаоса стихи
отца Романа напоминают
о Вечности, помогают
человеку обрести
в себе утерянный
им образ Божий.

Иеромонах Роман

Внимая Божьему веленью

2000 лет
от Рождества
Христова

+ Иеромонах Роман

По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ II

ИЕРОМОНАХ
РОМАН

Стихи
Духовные песнопения

3-е издание

МИНСК • ИЗДАТЕЛЬСТВО БЕЛОРУССКОГО ЭКЗАРХАТА • 2000

УДК 882-1
ББК 84(2Рос-Рус)6
Р69

Иеромонах Роман
Р69 **Внимая Божьему веленью. Стихи. Духовные песнопения.** – Мн.: Издательство Белорусского Экзархата, 2000. – 544 с.
ISBN 985-6503-24-8

В наше тревожное, неутешительное время всеобщего хаоса стихи отца Романа напоминают о Вечности, помогают человеку обрести в себе утерянный им образ Божий.

УДК 882-1
ISBN 985-6503-24-8 ББК 84(2Рос-Рус)6

Такое родное имя

Не знаю, надо ли француза или англичанина склонять к Франции и Англии (они, вероятно, не отпадают так далеко, но и не проникают так близко), но русского к России, к подлинной России, по нашему горемычному времени звать приходится. Это, впрочем, и всегда было настоятельной работой проповедников. На изломе нашей судьбы, изломе земном, который совпал с небесным переходом в третье тысячелетие от Рождества Христова, скорость «вращения» жизни настолько возросла, что, кажется, именно по этой причине многих отрывает от отеческого притяжения и выталкивает в чужую атмосферу. Имеется в виду прежде всего духовный отрыв. С потерей прежних ценностей русский человек полегчал, а войти в вечную Россию, где курс на истину не меняется, часто недостает еще ни духа, ни воли, ни зрения. Вечная Россия, в которой неугасимой свечой теплится Святая Русь, не может, подобно власти, вздымать свой призывный голос с помощью технических и материальных средств. Она лишь указывает на тихие могилы наших великих предков, повторяет в поучение их знаменитые слова и сладостно

тревожит колокольным звоном. И вручает избранникам своим из современников дар выражать ее наиболее полно и точно.

В 70–80-х годах русские «политики» (политзаключенные с русскими сердцами, которых, в отличие от диссидентов, и было немного) в утешение себе повторяли слова: «В России больше нет монастырей, спасение придет из лагерей». Теперь рядом с единицами явились десятки монастырей, и как бы в указание на то, что спасение было и есть там, где звучит слово Божье, очистительный порыв расширился. Оттуда, из монастыря, и услышала Россия голос иеромонаха Романа (в миру Александра Матюшина) – песни его, прозвучавшие в скорбную пору нашей Голгофы так неожиданно и так необходимо, что это походило на *посланное*, явившееся не случайно, заслуженное переменой народного настроения. Но ведь и всякое явление большого и искреннего таланта не бывает случайным, оно есть ответ на духовные отеческие потребности. У иеромонаха Романа, собственно, и не песни, а песнопения особого голоса. Сказать, что это молитвенный и аскетический голос – значит указать только на одну и, пожалуй, не главную краску израненного сердца и мятущейся души человека, продирающегося к свету. В них есть и скорбь, и боль, и безжалостное к себе покаяние, и первые движения пробуждающейся души, и счастливые слезы ее обретения. Как правило, песнопения имеют форму и адрес обращения – к себе, к душе, к русским людям, к Господу и доведены до последней точки искренности и жертвенности. Всего себя

выпевающий, выстанывающий их голос отдает себя во имя желанного преображения и всего себя обретает заново. На меньшее он не согласен. Так и с Россией: он не удовлетворится частью ее посреди бушующего срама, ему нужно, чтобы она восславилась и восстала вся.

Помню, какое сильное впечатление произвели на меня песнопения иеромонаха Романа, когда я услышал их впервые. Они навсегда вошли в то русское духовное и культурное «избранное», в котором искал я утешения и возбуждения, когда требовалось в одиночестве от себя, от своего «Я», перейти к России.

Теперь его песни разошлись широко и далеко, но для того, чтобы это случилось, требовались не просто слова, как для эстрады, а поэзия. Он и начинал как поэт. Вот одно из его ранних стихотворений – бесхитростное и суровое:

Я учился мужеству не у людей,
Я учился мужеству у лошадей.
Знаете, таких задрипанных клячонок!
Им хребты ломают каждый день,
Раздирают губы каждый день,
А они храпят лишь обреченно,
Но идут навстречу борозде.

Истинно, истинно! Такое мог произнести человек не случайного дара, избирающий самую трудную дорогу.

Валентин Распутин

Уже вечер, друзья, уже вечер...

* * *

Жду тебя напрасно я
И в метель, и в дождь.
Солнце мое Ясное,
Скоро ль ты взойдешь?

Душу исцелило бы,
Заглушило б крик.
Солнце мое милое,
Покажись на миг.

Всматриваюсь пристально,
Но просвета нет.
Радость моя чистая,
Невечерний Свет.

Нет, не понапрасну я
Так молил судьбу, –
Встало Солнце Ясное,
Осветило путь.

Так восстань, душе моя,
Умолчи от слез.
С нами Солнце Истины –
Иисус Христос.

1975 г.
с. Рябчёвск

* * *

Если тебя неудача постигла,
Если не в силах развеять тоску,
Осенью мягкой, осенью тихой
Выйди скорей к моему роднику.

За родником – белый храм,
Кладбище старое,
Этот забытый край
Русь нам оставила.

Если глаза затуманились влагой,
Из родника поплещи на глаза.
Можешь поплакать, спокойно поплакать,
Кто разберет, где вода, где слеза?

Видишь, вон там журавли пролетели,
У горизонта растаял их крик?
...Если ты болен, прикован к постели,
Пусть тебе снится целебный родник.

За родником – белый храм,
Кладбище старое.
Этот забытый край
Русь нам оставила.

1975 г.
с. Рябчёвск

* * *

Вьюга ноет, тоскливо так ноет,
Надоела кромешная мгла,
Что от Ноя, библейского Ноя,
Между мной и тобой пролегла!

Я устало к окну приникаю
И, уставясь в вечернюю муть,
Магдалиной прозревшею каюсь,
Что весенней поры не вернуть.

Сознавая, что рано иль поздно
Минет также и осень души,
Я стираю оконные звезды,
Как Господь мою грешную жизнь...

15 марта 1975 г.
г. Элиста

* * *

Горит звезда над силуэтом клена.
Луна повисла каплей над окном.
Но утро — этот розовый теленок —
Ее слизнет шершавым языком.

И я бегу на улицу босой.
В мои глаза созвездия летят.
И звездную отбористую соль
Хочу собрать с зеленого ломтя!

Но я устал. Дрожит моя рука.
В мешок не помещается луна.
И вижу: у теленка с языка
Бежит росы холодная слюна.

21 декабря 1975 г.

* * *

Утонули по макушку ивы,
Словно не купались целый век.
Величавы веснами разливы
В общем-то не величавых рек.

Не могу никак налюбоваться
Голубой водою без оков.
...Помогайте людям разливаться,
Выходить из узких берегов.

6 апреля 1976 г.
г. Элиста

* * *

Я любви к живому не нарушу,
Жизнь свою любовью окрылив,
Обнажаю голову и душу
Перед вашей скорбью, журавли.

Только вам любовь моя излишня.
И стою, отчаявшись понять,
Как же так? Ну как же это вышло,
Что и вы летите от меня?

Я ли вас не ожидал весною?
Я ли дни до встречи не считал?
А теперь несетесь стороною,
Дав понять, что я вам не чета.

Что ж вы так? Не ваши ли рыданья
Душу мне повыделали в кровь?
Бросьте же, хотя бы в подаянье,
На прощанье теплое перо.

9–10 июня 1977 г.
г. Полярный

* * *

Я учился мужеству не у людей.
Я учился мужеству у лошадей.
Знаете, таких задрипанных клячонок!
Им хребты ломают каждый день,
Раздирают губы каждый день,
А они храпят лишь обреченно,
Но идут навстречу борозде!

4 июля 1977 г.
г. Полярный

* * *

Надкушенного яблока не ем,
И падшую листву не поднимаю.
От жизни этой я отстал совсем:
Не понимаю и не принимаю.

Прошу простить, хоть знаю наперед:
Прощенья непрощающий не стоит.
И рана догниет и заживет,
И боль моя окажется пустою.

И ныне, в кровь выделывая стих,
Надеюсь, что года угар разгонят.
И только шрамы на руках моих
Надкушенное яблоко напомнят.

1977 г.
г. Полярный

* * *

Сон мне приснился,
Очень странный сон.
Будто я слышу
Погребальный звон.

Тихо иду
В белой рубахе по полю,
И журавли,
Словно кресты колоколен.

Ноги босые,
За плечом сума.
Люди кося́тся,
Мол, сошел с ума.

Тело устало,
Ноет от вериг.
Где-то под сердцем
Шевелится крик.

Виделась в черном
Моя Родина.
Виделось диво –
Я юродивый.

1978 г.
с. Рябчёвск

* * *

Все перед смертью говорят стихами,
Стихами наивысшей простоты,
Не потому ли, не посмев охаять,
Надменный критик положил цветы?

Мы все уйдем за черные кулисы,
Оставив сцену для других, живых.
Еще никто, никто не уклонился,
Чтоб, поклонившись, не уйти за них.

Все выступленье кажется моментом,
Соединились пекло и мороз.
И до чего ж горьки аплодисменты,
Аплодисменты нефальшивых слез!

Кто мнет платок, кто держится за сердце,
Кто просто отрешенно смотрит вниз.
Как на обычном праздничном концерте...
...Да только здесь не вызовут на бис.

3 января 1979 г.
с. Рябчёвск

* * *

Никто не счастлив в одиночку,
Никто сиротствовать не рад.
Недаром на деревьях почки
Веселой братией сидят.

Природа здраво рассудила,
Премудрость подтвердив свою,
На каждой ветке посадила,
Не по одной, а всю семью.

И если кто рукой жестокой
Перед Весною примет грех,
Той, что застынет одиноко,
Придется зеленеть за всех.

6 января 1979 г.
с. Рябчёвск

* * *

Всю жизнь гостить нехорошо.
Наверно, это каждый знает.
Чужой очаг и есть чужой,
Чужое платье так стесняет.

Попробуй радостью чужой
Себя утешить, если горько.
И сдобный хлеб, коли не свой,
Своей неаппетитней корки.

Чужим умом не проживешь.
И ты давай, не спорь со мною.
Когда-нибудь и сам поймешь,
Чужое небо – не родное.

И не устать мне повторять,
(Так что давай, не спорь со мною):
Чужая женщина – не мать,
Чужое небо – не родное.

20 января 1979 г.
с. Рябчёвск

* * *

Мир до встречи был такой хороший,
Впрочем, что юродить языком,
Просто я сегодня встретил лошадь
С самым заурядным седоком.

Шла она, с усилием кивала,
Помогая кнуту седока.
И машины грязью обдавали
Белые вспотевшие бока.

Мне ее, понятно, стало жалко.
Чем ты хуже неживых машин?
Самой невиновной каторжанке
Я немного хлеба предложил.

...В парне снисходительность проснулась,
Усмехнулся — мол, поерунди.
Лошадь же к ладони потянулась,
Как ребенок тянется к груди.

Я ее легонько так по шее:
– Ничего, мол, милая, держись.
Что поделать, в этом отношеньи
Не живущий выбирает жизнь.

Вот и я... – Но возчик разудалый
Потянул умело по спине.
Лошадь встрепенулась, зашагала,
Размышляя о своей вине.

Весело колеса заскрипели.
Кнут заставил перейти на бег.
...Крошки хлеба рыжею капелью
Со слюною падали на снег.

24 января 1979 г.
с. Рябчёвск

* * *

Человек многолик, это так,
С этой истиной вряд ли поспоришь.
Человек – зоопарк, зоопарк,
Где дежурит рассеянный сторож.

Этот сторож какой-то блажной.
Рассказать, так никто не поверит.
Говорит не с тобой, не со мной,
А заходит беседовать к зверю.

Подымит, посидит просто так,
Просто так ни о чем поболтает.
Все нормально, но старый чудак
Не всегда за собой закрывает.

И, быть может, загадочно тих
Выйдет феникс – волшебная птица.
Ну, а если покажется тигр,
Значит, всякое может случиться.

Сторож дальше бредет посмотреть
На слонов, на тюленей с китами.
...А во мне только белый медведь
Головой от удушья мотает.

31 января 1979 г.
с. Рябчёвск

* * *

Что это было? Сон иль явь?
Помню, неслись облака,
Кто-то затравленный (кажется, я)
Пытался уйти от врага.

Их было много. Целая цепь.
Каждый с отвагой в груди.
Каждый хранил на холеном лице
Чувство, что он не один.

Спереди пули. Сзади поля
С мирно цветущей гречихой.
Но стоит подняться – рванется земля,
Мир для меня затихнет.

Небо светилось водой ключевой,
Небо вещало погоду!
Мне предлагали много чего,
Всё предлагали, кроме свободы.

Мне предлагали руки поднять.
Встал я, в гречиху ступая.
Все залегли, перестали стрелять,
Смерти моей ожидая.

Шаг позади, я иду, не дыша,
И на второй не надеюсь.
Помню – молился, помню – бежал,
Чувствовал, что седею.

Вот под сосною упал, зарыдав,
Та покачала верхушкой.
А где-то вблизи, ничего не видав,
Мне куковала кукушка.

1979 г.
с. Рябчёвск

* * *

Уже вечер, друзья, уже вечер,
И луна свою лампу зажгла.
Так оставим же праздные речи,
Оторвемся на миг от стола.

Белой скатертью стол застелили,
Понаставили яств и вино,
Целый день веселились и пили,
И никто не взглянул за окно.

За окном никакого ненастья,
Листопад не шуршит в этот час,
Словно душу осеннюю настежь
Отворила природа для нас.

И, быть может, не стану пророчить,
Где-то путник в нелегком пути,
Но под светлую исповедь ночи
Он надеется все же дойти.

Благодати исполнены кущи,
Пруд заросший туманом кадит.
– Мир тебе, одиноко идущий,
И тому, кто тебя приютит.

Так давайте ж подымем бокалы,
Своим бытом простым дорожа,
Чтоб его теплотой обласкала
Сердобольная чья-то душа.

Кто же ты, неизвестный прохожий,
Далеко ль путь-дорога лежит?
Почему так меня растревожил
Твой блаженный, задумчивый вид?

В твоем сердце молитва святая
Разгоняет душевную тьму.
Может, скоро и я, все оставив,
Помолясь, посох в руки возьму.

И крестами себя пообвесив,
Побреду неизвестно куда,
Заходя в близлежащие веси,
Стороной обходя города.

1980 г.
с. Рябчёвск

* * *

О доброте бессмысленны слова,
Коль дальше слов не двинулся ни разу.
А ветерок, меня поцеловав,
Целует где-то хворого проказой.

Природа и зверей, и птиц роднит,
И людям о любви своей напомнит.
Один и тот же пилигрим-родник
И праведника, и меня напоит.

Березы плачут от людей лихих,
О людях добрых думая, наверно.
Но тень берез и для сажавших их,
И для того, кто им же режет вены.

А птицы, птицы, только прочь зима,
Уже летят, кричат в полете быстром.
Тому, кто смотрит, шапки поснимав,
Тому, кто подпускает их на выстрел.

Природа-мать, прими меня к себе,
Готов тебе я послужить с любовью.
Но не звездой, глядящею с небес –
Глотком воды для путника любого.

1980 г.
с. Рябчёвск

* * *

А жизнь моя, ни много и ни мало,
Была похожа только на мою.
А жизнь моя из песни состояла,
И не беда, что тоже допою.

Я допою. Никто и не заметит.
Быть может, в этом нашей жизни соль,
Чтоб осторожно опустила ветви
Береза на умолкшее лицо.

Без причитаний, без похвал – шут с ними,
Звенели б как и раньше соловьи,
А просто так, опустит и отнимет,
Когда глаза закроются мои.

И может, я той дивною порою
Услышу, что не слыхано никем:
Как журавли прощаются со мною,
Курлыкая на русском языке!

Блаженный миг, случилось бы такое!
От этакого чуда ошалев,
В последний раз махнул бы им рукою
И смолк бы, ни о чем не пожалев.

О чем жалеть? Уж не о той ли песне,
Которая и громче, и светлей?
Но как ни рвутся птицы в поднебесье,
А умирают все же на земле.

Не ради благ, всеобщего почета
Мои слова стремились из груди.
И если я когда грустил о чем-то,
То ясно, что о Родине грустил...

1980 г.
с. Рябчёвск

* * *

Луна обреченно скиталась,
Не зная, куда себя деть.
Ее вековая усталость
Светилась во мне, как в воде.

Земля от весны заболела.
От сырости – лужи и грязь.
Но птица какая-то пела,
Меж мокрых ветвей затаясь.

И я, это пенье услышав,
Не в силах поверить ушам,
Скорее увериться вышел,
Как чья-то ликует душа.

Мотив незатейливый, милый,
Забытый, немодный, простой...
Но что-то тотчас защемило
В душе моей тяжко-пустой.

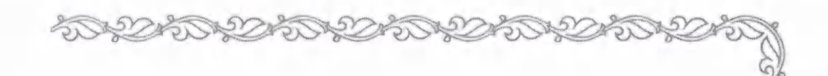
Давно позабытые слезы
Размазали мир голубой,
И вдруг я увидел, что звезды,
Как в детстве, галдят меж собой.

И вмиг от того не осталось,
Что прежде давило тоской.
Луны вековая усталость
Сменилась на ясный покой.

И даже земля отхворала,
Забыла про слякоть и грязь.
И все неизвестной внимало,
Что пела, от всех затаясь.

...Ты что ж натворила, пичуга?
Приникнув к стволу головой,
Рыдал, как последний пьянчуга,
Единственный слушатель твой...

2 августа 1981 г.
Свято-Духов монастырь,
Вильнюс

Молитва

Прозрев необратимо поздно,
Что лето зеленело зря,
Кленовые роняя слезы,
Молилась полночь октября.

Мотив божественный... Мерцая,
Светила развевали тьму.
Ряды деревьев чернецами
Внимали звездному псалму.

Луны блестящее кадило
Курилось дымкой облаков.
И все пустое отходило
Затихнуть где-то далеко.

И я, перебирая листья,
Шептал раскаянья слова:
– Очисти, Господи, очисти!
Душе моя, почто мертва?

И моему настрою слитно
Со всех сторон, со всех концов
Пел „Да исправится молитва..."
Хор придорожных чернецов.

Преображение Господне, 19 августа 1981 г.
Свято-Духов монастырь, Вильнюс

* * *

Все деревья тронулись рассудком,
Хоть рассудка у деревьев нет.
Беспрерывно, уже третьи сутки
Рвут с себя осенний туалет.

Разодрав нарядность одеяний,
Лоскуты под ноги раскидав,
Неуютной моросящей ранью
Побрели неведомо куда.

Побрели без славы и почета,
Босиком, без пищи, налегке,
Отрешенно бормоча о чем-то
На своем древесном языке...

Осень, непогодою карая,
В слякоти утопится сама,
А убогих странников покроет
Ризами, как инеем, зима.

19–23 августа 1981 г.
Свято-Духов монастырь,
Вильнюс

* * *

Красотой октября запорошен,
Лес в высоком порыве затих,
Лишь осина предсмертною дрожью
Нагоняет тоску на других.

Мир от прелести гиблой спасая,
Призывая раскаянья час,
Подымается ветер Исайей
Пышность рощ и лесов обличать.

И природа, в той пышности каясь, –
Истязуя такую красу! –
Окровавленными языками
Устилает пророку стезю.

А к утру, утомясь от пророчеств,
Ветер сделался снова незрим.
...Беззаботно клененок лопочет
Языком предпоследним своим.

26 августа 1981 г.
Свято-Духов монастырь,
Вильнюс

* * *

Пробил мой час. Пора приспела.
Пойду, забыв отца и мать,
Свое нутро рубашкой белой
В воде юродства полоскать.

Пойду в подряснике потертом,
Скуфью надвинув до бровей,
По бездорожью и потемкам
Прельщенной Родины моей.

Усеют ноги густо цыпки,
Лицо и руки – пот и грязь,
И не один прохожий цыкнет,
Заразу подхватить боясь.

И буду я, гонимый всюду,
Повсюду пугалом ходить,
И одураченному люду,
Дурачась, что-то говорить.

Но люд, не слушая особо,
Турнет, спокойствие храня,
И где-то безо всякой злобы
Камнями изобьют меня.

Но, встав, по весям и по градам
Продолжу прерванный свой путь.
Шпицрутены – людские взгляды –
Со всех сторон, не продохнуть.

А в ночь, когда плывет пороша,
Скрывая жухлую траву,
Устану я в полях и рощах
Искать, где приклонить главу.

И буду я, безумно пялясь,
Совать от стужи пальцы в рот.
И то, что люди не распяли,
Мороз декабрьский дораспнет.

Когда ж душа простится с телом,
Исчезнет навсегда тоска.
...Пойду к Христу в рубашке белой,
Что так усердно полоскал.

1981 г.
Свято-Духов монастырь,
Вильнюс

* * *

Хочу в последний раз
Запечатлеть до гроба
И твой собачий лай,
И церковь без креста...
Родная сторона!
Здесь теплится особо
Нетеплая Полярная звезда.

И этот свежий дух
Обобранного сада,
И запах от костров
Картофельной ботвы.
Исповедальный лад
Ночного листопада
Доверен бытию
Опятовой братвы.

Брожу в последний раз
Задворками, полями,
Смотрю на огоньки
Еще не спящих хат.
Березки-близнецы
С поникшими плечами
У дома моего поникшие стоят.

И сам невесел я.
С чего тут веселиться?
Прощайте, лес, поля,
И ты, Десна-река.
...Наверно, с тем же чувством
Подстреленная птица
Глядит из лопухов на облака.

22–23 сентября 1981 г.
с. Рябчёвск

* * *

Ах, оставьте, не нужно тревожить
Эту воду у мокрых обочин,
Лужи спят на раскисшем ложе,
И, конечно, мечтают о большем.

В их мечтах одинокий месяц,
Капли звезд, придорожные кущи.
И никто до утра не месит
Сапогами больные их души.

О, блаженное время покоя,
Одиночества и чистоты.
Холодея в сережках стекольных,
У канавы столпились кусты.

Отстоялись, забылись лужи,
Осторожно, смотри, не задень.
Ведь и так их усталые души
Суетой испохабит день.

И окончится звездный праздник
Под ногами зевак и растяп.
И захаркают лужи грязью,
За раздавленный месяц мстя.

...Спите, лужи. Обиды в прошлом.
Блеск и гладь, хоть неси коньки.
Спите, спите до первой подошвы,
Искалеченные родники.

28 октября 1981 г.
Тракай—Вильнюс

* * *

Не мешайте мне сегодня плакать.
Прочь, друзья, (прошу меня простить,
Может же бездомная собака
Хоть однажды норов проявить).

Кто она с оборкою на шее?
Что ей помешало сытно жить?
Разве лучше страждущей мишенью
Кирпичам и выспяткам служить?

Гавкала б, как все – бурду б лакала.
(Есть ли принцип этого старей?)
Али и для песьей жизни мало
Обладать пропиской в конуре?

Без хвоста, из-за нехватки злости,
Но топор не умалил добра.
И, чтоб даром не глодала кости,
Выперла хозяйка со двора.

Ты лизнуть ей норовила руки,
Понимая, что пощады нет.
Все ж твои порядочные суки
Не тебя ль облаяли вослед?

...Вот лежишь, устав и разуверясь,
Морду в лапы от прохожих глаз.
Что ж мы, люди? Пропадают звери
Оттого лишь, что добрее нас.

...Ветер. Ветер. Осень, рот разинув,
Льет и ждет, когда же мы уйдем.
Слякоть. Холод. Двое, я и псина,
Души свои лечим под дождем.

30 октября 1981 г.
с. Рябчёвск

Псалом 41

Как олени спешат на источники вод,
Так желает душа моя к Богу.
Возжелала душа моя, Боже, к Тебе.
Жаждет к крепкому Богу, Живому.

Когда враг досаждает – прибегну к Тебе
И явлюсь пред лицем Твоим, Боже.
Были слезы мои хлебом мне день и ночь,
Когда мне говорили – где Бог твой?

Вспоминая об этом, до плача скорблю,
Изливая в слезах свою душу.
Я же в место селения дивно пройду,
С гласом радости к дому Господню.

Что прискорбна, душе, что смущаешь меня?
Уповай на единого Бога.
Исповедуй Его, Он Господь мой и Бог,
И лица моего Он спасенье.

Унывает душа, унывает во мне,
Потому от земли Иорданской,
От Ермонской земли вспоминаю Тебя
И от малой горы вспоминаю.

Бездна бездну зовет гласом хлябий Твоих.
Волны, воды прошли надо мною.
В день Господь заповедует милость Свою,
Ночью – песнь моя к Богу живому.

И молитва моя к Богу жизни моей.
Мой Заступник, забыл меня, Боже.
Для чего я хожу, оскорбленный врагом?
Видишь, сетую от поношений.

Сокрушаются кости мои каждый день,
Когда мне говорят – где есть Бог твой?

Что прискорбна, душе, что смущаешь меня?
Уповай на единого Бога.
Исповедуй Его, Он Господь мой и Бог,
И лица моего утвержденье.

23 мая 1982 г.
г. Печоры

* * *

Я лежу на холме,
На холме стоит крест дубовый.
Ой, горе ж мне.

Летит ворон надо мною,
Говорит мне таковы слова...
Ой, горе ж мне.

– Тридцать лет ты жил и три года.
Так поди, взгляни, что ты заслужил.
Ой, горе ж мне.

За слова свои – тьму кромешную,
За дела свои – муку вечную.
Ой, горе ж мне.

Что ты каркаешь, птица черная,
Что пророчишь мне тьму кромешную?
Ой, горе ж мне.

Ты б летел себе к мертвечатине,
Я хоть и лежу, но пока живой.
Ой, горе ж мне.

Может, взыщет нас всех Взыскание,
Матерь Божия, Богородица.
Ой, горе ж мне.

1982 г.
г. Печоры

* * *

Прибит на крест моей неправдой,
Чем оправдаюсь пред Тобой?
Моя поруганная Радость,
Моя распятая Любовь!

В Твоей любви спасенье чаю,
Молясь, прошу только о том,
Чтоб жизнь минутою молчанья
Прошла перед Твоим Крестом.

А на Распятье непрестанно
Глядит Превысшая Небес,
И со скорбящим Иоанном
Сораспинается Тебе.

И я стою, свидетель третий,
Повесив на плечо клобук.
Звонарь вещает, аки петел,
Мою порочную судьбу.

И проклял я свое лукавство,
В котором с колыбели рос.
– Душе моя, душе, покайся,
Да пощадит тебя Христос!

О, Боже мой, я весь – проказа!
Целуя Твой кровавый пот,
Гвоздиные целуя язвы,
Рыдаю горько, аки Петр.

23 мая 1982 г.
Псково-Печерский монастырь

* * *

Всё моя молитва превозможет,
Если к Богу припаду, любя.
Только не остави меня, Боже,
Так, как оставляю я Тебя.

Боже мой! Во мне – ни капли правды!
Весь я – ложь, от головы до пят!
Сколько раз, о, сколько раз я падал!
Сколько раз я предавал Тебя!

Помышленьем, языком и делом –
Всем, чем только можно, согрешал.
Что, душе, того ли восхотела?
Кайся ж, окаянная душа!

Плачь, душе, уже пора приспела,
О, безумье, ты рождаешь смерть!
Свою душу променял на тело,
Тело ж уготовал червям в снедь...

Знаю, что простишь мои неправды.
Вот я весь стою перед Тобой.
Для любви нет никакой преграды,
Потому что Сам Господь – Любовь.

Ради нас одет был в багряницу,
Ради нас распят, как человек.
Мытаря, разбойника, блудницу –
Никого Ты, Боже, не отверг.

Всех простил, на древе умирая,
Праведник за грешных умирал.
Господи, с Тобой не надо рая,
Тесный ад с Тобою мне, как рай.

Плачь, душе, в содеянном покайся,
Сокрушайся, об одном мечтай:
– Если уж за нас Христос распялся –
Нам ли не распяться за Христа?

Молит сердце, молит Твоей чаши.
Не отринь же Своего раба.
Кто даст смерть вместо Тебя, Сладчайший?
Иисусе, я вместо Тебя...

Дай испить мне за Тебя мученья,
Только укрепи и призови.
...Тает сердце туком всесожженья
В пламени Божественной любви.

26 мая 1982 г.
Псково-Печерский монастырь

Пресвятая Богородице, спаси нас!

Пускай по мне злорадствуют в аду,
И жар геенны душу обжигает.
К Святей Твоей иконе припаду,
Моя Отроковице Преблагая!

О, Цвете несказанной чистоты!
Душа моя к Тебе взывает стоном:
Заступнице моя, когда б не Ты,
К кому б еще прибегнул, недостойный?

Мой верный Ангел, далеко стоя,
Скорбит и плачет о моем лукавстве.
Не оттолкни ж, Владычице моя,
Когда пойду, убогий, по мытарствам.

О, как предстану я пред Судией?
(Замри, душе, заранее рыдая).
О, Дево, будь поддержкою моей,
Пред Ним – моим последним Оправданьем.

Рыдай, душе, покуда время есть,
Откуда ложь, откуда зло – не знаю.
За Сына Твоего готов на крест,
И сам же, окаянный, распинаю.

Моя Царице, Радосте моя,
Хоть Ты меня не осуди, настави.
И пусть мне ад – и из геенны я
Тебя благословлю, о, Пресвятая.

19 июня 1982 г.
г. Печоры

Когда пойду на суд душой...

* * *

Когда пойду на суд душой,
Прошу я всех усиленно,
В могилу, занятую мной,
Забейте кол осиновый.

Что заслужил, то получил,
Что пользы в отпевании,
Когда и часу я не жил
В любви и покаянии?

Носил одежды чернеца,
Имея норов аховский,
Неправде не было конца
Под одеяньем ангельским.

Не вспомнится такого дня,
Прожитого по-Божьему.
Прости ж, мой Ангеле, меня,
За все мое хорошее!

Друзья мои! Молю в слезах,
Составьте надпись частную:
„Здесь похоронен лжемонах,
Увы ему, несчастному!

Он был второй Искариот,
Обеты не исполнивший.
Ему награда, всяк поймет,
В утробе преисподнейшей...“

Спаси вас Господи, друзья!
Вы все прекрасно поняли
И надпись, под которой я,
С любовию исполнили.

Мной ваша преданность по гроб
Навеки в сердце впишется,
И от осиновых чащоб
Она мне эхом слышится.

Без вас мне будет нелегко
Тащиться тьмой кромешною,
Но видя, как вы прете кол,
Я умирать помешкаю.

Вгоните в угол топоры,
Опять прошу усиленно.
Пусть зеленеет до поры
Мой памятник осиновый.

1983 г.
с. Дуброво, Смоленщина

* * *

Что, Адам, сидишь ты против Рая
Птицей обреченною в сетях?
И, на место чудное взирая,
Руки простираешь, как дитя.
– Раю, мой Раю,
Раю, мой Раю.

Птицы забились в гнезда,
Мир в этот миг не дышал.
Плачь же, пока не поздно,
Вместе с Адамом, душа.
– Раю, мой Раю,
Раю, мой Раю.

Все живое, тем словам внимая,
Плакало, Адам, вместе с тобой.
О, душе, унылая и злая,
Если б ты постигла эту боль.
– Раю, мой Раю,
Раю, мой Раю.

Ныне на что надеюсь?
Весь уж в геенне горю!
На небо взирать не смею,
Только Адаму вторю.
– Раю, мой Раю,
Раю, мой Раю.

Ангеле, хранитель, не отрини,
Что склоняешь скорбную главу?
Иль меня Господь из Книги жизни
Вычеркнул, как сорную траву?
– Раю, мой Раю,
Раю, мой Раю.

Слезы, струясь потоком,
Смойте всю скверну с меня!
Не был в аду потопа,
Видно, рожден для огня!
– Раю, мой Раю,
Раю, мой Раю.

24 января 1985 г.
г. Печоры

* * *

Отложим попечение,
Покаяния пора наста.
Послушаем, братие, пение
Дней Великого Поста.

«Да исправится молитва моя,
Яко кадило пред Тобою,
Воздеяние руку моею,
Жертва вечерняя».

Пела братия простая,
Как в обители поют.
И мелодия святая
Утешала скорбный люд.

Вздохи слышатся и стоны:
– Боже, не оставь меня!
И юродивый поклоны
Бьет, веригами звеня.

– Эту скорбь не измерить, –
Тяжко сетуют басы.
– Покаяния отверзи ми двери, –
Горько плачет блудный сын.

А звонарь знаменитый
Навевает звоном грусть.
Разве ты была убита,
О, моя Святая Русь?

«Да исправится молитва моя,
Яко кадило пред Тобою,
Воздеяние руку моею,
Жертва вечерняя».

27 января 1985 г.
г. Печоры

Раскрою я Псалтырь Святую...

* * *

Раскрою я Псалтырь Святую,
Свечой лампаду затеплю,
Наброшу мантию худую,
С Давидом вместе воспою:

Господи, Господь наш,
Яко чудно Имя Твое.

В окно глядит, не наглядится,
В морозном ободе луна,
На пожелтелые страницы
Вливает чистый свет она.

Царю Царей, Одежда нищих,
Ты миру дал на помощь Мать.
Ее, Взыскание погибших,
Быть может и меня взыскать.

Душа подстреленною птицей,
Как жизнь, впивает словеса,
И воском от свечи струится
В ладонь горячая слеза.

На каждой славе бью поклоны
За тех, кто друг и недруг мне,
А на душе светло, покойно,
Как этой ночью при луне.

Никто молитвы не отымет,
Лишь только зазвучит Псалтырь.
Горит крестами золотыми
Псково-Печерский монастырь.

1985 г.
г. Печоры

* * *

Бом, бом, бом – утро растревожено,
Бом, бом, бом – глушит птичий гвалт.
Бом, бом, бом – спешите в храмы Божии,
Бом, бом, бом – пока еще, пока еще звонят.

Русь Святая зовет,
Звон плывет, как встарь.
Русь Святая живет,
Пока звонит звонарь.

Бом, бом, бом – где ж вы, сыны русские,
Бом, бом, бом – почто забыли Мать?
Бом, бом, бом – не вы ль под эту музыку
Шли парадным шагом умирать?!

Шли вы за Отечество без выстрела единого
И под пулеметами выравнивали ряд...
...Выклевали птицы очи вам, родимые,
Павшие за Веру, за Царя.

1985 г.
г. Печоры

* * *

Всё на земле для нас живущих
Творцом сотворено не зря.
О, посмотри, оратор лгущий,
На эти краски октября.

Зарю кленовую встречая,
Покров снимаю с головы.
И кто же может, не печалясь,
Стоять у гибнущей листвы?

Ах, кто же этот искуситель,
Что вам наделал столько зла?
Куда, куда же вы летите,
Отпав навеки от Ствола?

Не Он ли вас растил с любовью,
От всех напастей ограждал?
Не Он ли вас питал Собою
И ничего взамен не ждал?

А вы... Неужто в самом деле,
Забыты добрые дела?
Ведь жили вы и зеленели
Пока питались от Ствола.

Но эти гибельные краски
Добились все же своего,
И вы отпали без опаски
(Ах, если б знали, от Кого!)

И вами преданные клены
Глядят, куда вас гонит вихрь.
О, верность листьев незеленых,
Да не погубишь дней моих!

И это гордое паренье
В октябрьской мертвой синеве,
Ах, это все-таки паденье,
И смерть на неживой траве.

Куда вы, гибельные чада,
По чьей оторваны вине?
Преступная свобода падать,
Да не отыщешься во мне!

Всё на земле для нас живущих
Творцом сотворено не зря.
О, посмотри, оратор лгущий,
На эти краски октября.

Январь 1987 г.
с. Родовое

* * *

В этот час, полночный час
Заунывной вьюги,
Отойдите от меня,
Недруги и други.

То ль метель метет в ночи,
То ли воют волки.
Ни лампады, ни свечи,
И в душе – потемки.

Горе мне, о, горе мне, горе мне великое.

Ни дороги, ни следа,
Край людьми заброшен.
Потопиша мя вода,
До души внидоша.

Ветер в стекла сыплет соль,
Что так расходился?
И, царапая лицо,
Каюсь, что родился.

Горе мне, о, горе мне, горе мне великое.

Воды, воды надо мной,
До души внидоша.
И шепчу под волчий вой:
– Пощади мя, Боже!

Ночь совсем с ума сошла,
Вьюжит, вьюжит, вьюжит.
Серых певчих наняла,
Панихиду служит.

Горе мне, о, горе мне, горе мне великое.

Не назвать тоску мою
Вовсе беспричинной.
Понял я, по ком поют
Погребальным чином.

Ветер вновь под волчий вой
В стекла соль швыряет,
А меня, хоть я живой,
Вьюга отпевает.

Горе мне, о, горе мне, горе мне великое.

Что, душе, плохи дела?
Нет в тебе просвета.
Хорошо же ты жила,
Коль живой отпета.

Так давай под этот вой
Слезы лить потоком,
Заслужили мы с тобой
Волчий хор и только.

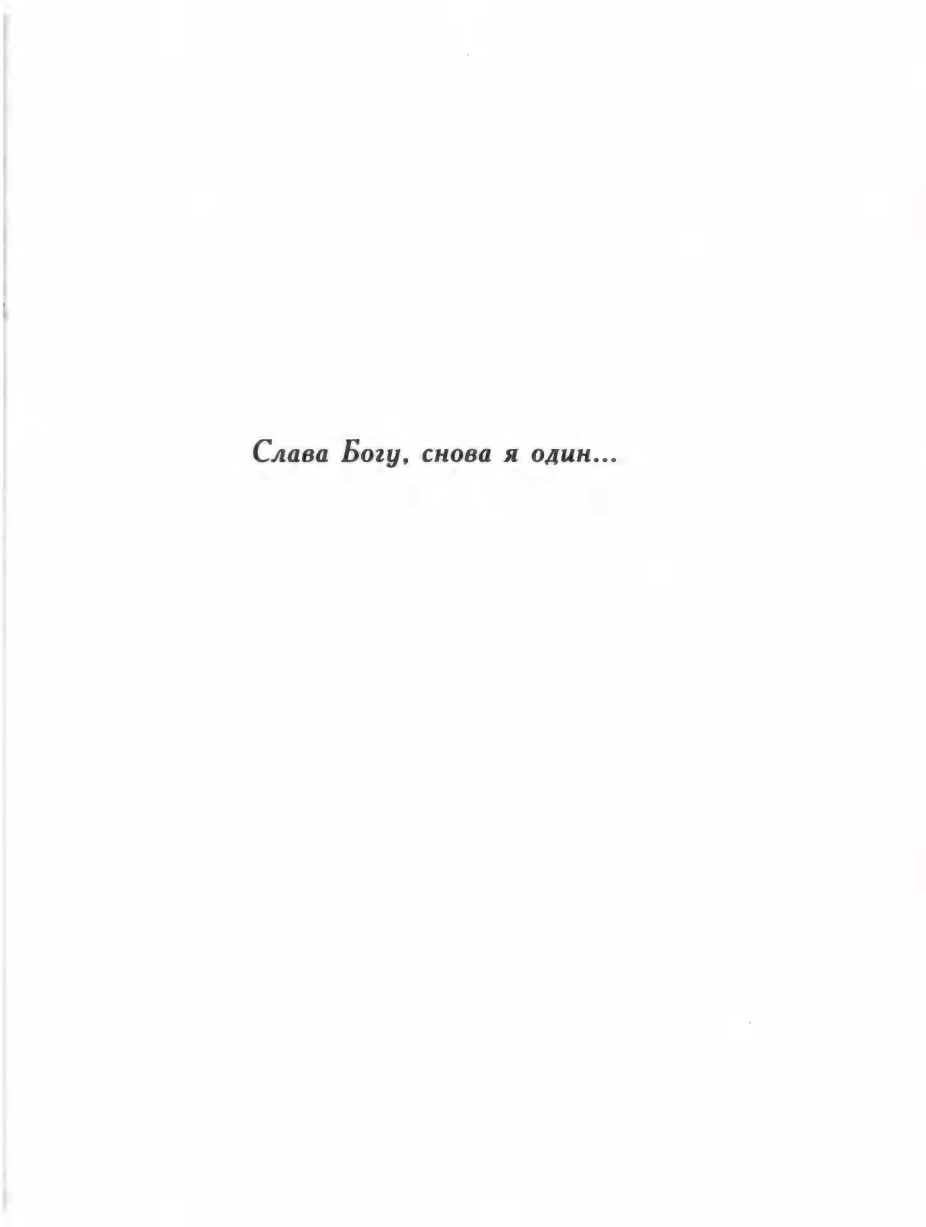
Горе мне, о, горе мне, горе мне великое.

Но уже не так темно
И в душе, и в келье.
Посмотрел я на окно –
Кончилось веселье.

От мороза вензеля
В свете проступают.
Мы отпеты, а земля
Нас не принимает.

Горе мне, о, горе мне, горе мне великое.

15–16 февраля 1987 г.
с. Родовое

Слава Богу, снова я один...

* * *

Слава Богу, снова я один,
Снова я лампадку затеплю,
Суету оставив позади,
Господу молитву пролию.

В эту ночь в сиянии луны
Хорошо тебе, душе, одной
Воззывать к Нему из глубины:
– Господи, услыши голос мой.

За окном морозится январь,
Млечный путь без края и конца.
Всякое дыхание и тварь
Славит, славит своего Творца.

Стекла в украшениях резных,
Замер под сугробами погост.
На верхушке стынущей сосны
Птицами таится стайка звезд.

Сосны клонят головы свои,
Совершая воздеянье рук,
И перебирают в забытьи
Четки ледяные на ветру.

И земля, не зная суеты,
Дышит чистотою голубой.
Деревá, дороги и кусты –
Все кругом исполнено Тобой.

Служит Богу весь подлунный мир,
Тихий лес над спящею рекой.
О, места, забытые людьми,
Лобызаю дивный ваш покой.

Все внимает Богу не дыша,
Господи, дела Твои святы.
Что ж ты плачешь, глупая душа,
Иль и ты коснулась чистоты?

Слава Богу, снова я один,
Снова я лампадку затеплю,
Суету оставив позади,
Господу молитву пролию.

16 марта 1987 г.
с. Родовое

* * *

Пост с молитвой сердце отогреет,
Над землею колокольный звон.
Преподобне отче наш Андрее,
Горько читаю твой святой канон.

Что, душе, откуда плакать станем
О прошедших окаянных днях?
Возопий и сердцем, и устами:
– Боже, помилуй, не отринь меня!

О Адаме, первый человече,
Пал в раю и плакал без конца.
Плачь, душе, и ты стоишь далече
От своего Владыки и Творца.

О душе, доколе окаянна?
Уподобясь Еве, впала в грех.
Принеси же ныне покаянье
Господу Богу и Владыке всех.

Был изгнан достойно из Эдема
За одну лишь заповедь Адам.
О, душе, с тобою будем где мы,
Все преступая многие года?

О, душе, на что твоя надежда?
Пост и плач оружием возьми,
Облеклась в раздранные одежды,
В те, что исткал советом древний змий.

О, душе, конец уж недалече,
Воспряни, при дверех Судия.
Нам с тобою оправдаться нечем,
Что ж ты мятешься, о душе моя?!

Надо мной опять сомкнулись воды,
Жизнь проходит, как кадильный дым.
Был Иосиф братиею продан,
Ты же, душе, продалася злым.

Устрелен стрелой прелюбодейства
Пал Давид, но покаяньем встал.
Ты ж, душе, жила лукаво с детства,
Делала злое, позабыв Христа.

О, душе, душе моя, восстани,
Близ конец, и не имеешь слез.
Воззови и сердцем, и устами,
Да пощадит тя Иисус Христос!

Припаду к Нескверной Голубице,
Весь в грехах к Пречистой припаду.
Не оставь, Всепетая Царице,
Зришь нашу скорбь и нашу беду.

О, Андрее, отче преблаженне,
Пастырь Критский, я тебе пою.
Да избегнут новых прегрешений
Чтущии верно память твою.

24 марта 1987 г.
г. Печоры

* * *

Ликует Рим в языческом веселье,
Заполнены трибуны неспроста.
Выводят на арену Колизея
Служителей распятого Христа.

Патриции, изяществом блистая,
Не драли горло в непотребном „бис“,
Не тыкали в страдающих перстами,
Достойно опускали пальцы вниз.

Наверное, большое наслажденье
Испытывал народ от этих встреч.
И тех, кто обречен на усеченье,
Согласно знаку поядает меч.

О, воины, почто забыта слава,
Вчера герои, нынче палачи.
Всех потешая зрелищем кровавым,
О беззащитных тупите мечи.

И вновь ведут на новое мученье
Того, кто стар, и кто кричаще юн.
И всех приговоренных на съеденье
По одному бросают ко зверью.

Но тихий отрок, сам идя на муки,
Перекрестился, слыша грозный рык,
Прижал к груди крестообразно руки,
На небо поднял просветленный лик.

И царь зверей, подняв завесу пыли,
Раскинулся, рыча, у детских ног.
И, точно гром, трибуны возгласили:
– Велик и Славен Христианский Бог!

Блаженны Вы, невинные страдальцы,
Молитесь Богу день и ночь за нас.
Наверняка опущенные пальцы
Готовит нам уже грядущий час.

Святая Русь, Расеюшка, Расея,
Сидишь над вавилонскою рекой,
А впереди – застенки колизеев,
До них осталось нам подать рукой.

Когда, душе, придет пора мучений,
И призовет тебя Господь на крест,
Любители кровавых развлечений,
Благословляю ваш безмолвный жест.

Да укрепит тебя, душе, Всевышний,
Когда настанет наш с тобою срок,
Одно бы только нам тогда услышать:
– Велик и Славен Христианский Бог!

Ликует Рим в языческом веселье,
Заполнены трибуны неспроста.
Выводят на арену Колизея
Служителей Воскресшего Христа.

17 июля 1987 г.
г. Печоры

* * *

У меня мечта велия,
С каждым днем сильней:
Сделаю себе я келию
И закроюсь в ней.
Ржавый гвоздь удержит мантию
И епитрахиль.
Помолюсь пред Божией Матерью,
Попишу стихи.

Келия моя ветхая,
Четки на стене.
Радада́ зеленой веткою
Просится ко мне.
Выйду за водою полночью
К горнему ключу.
Воротясь, надену поручи,
Помолюсь чуть-чуть.

Тишина вокруг велия,
Тишина внутри.
О, моя пустынная келия,
Ты мой Третий Рим.
Отойдите, чуждые странники,
Помыслы, слова.
Пусть душа живет в празднике
Одиночества.

Келия моя тесная,
Сквозняки от дыр.
За порогом темень известная,
За порогом – мир.
Помоги вам Господи, братия,
Подвизаясь там,
По мольбам Всепетой Матери
Возлюбить Христа.

Догнивает мир в гордости,
Суета сует.
Все быстрей, быстрей к пропасти
Человечий род.
Что ж вы, ослепясь, ищете
Своего конца?
Он гораздо ближе, слышите,
Чем вам кажется!

О душе моя, о душе,
Не забудь Христа.
Не страшись упасть в будущем,
А страшись не встать.
Ну, а если, бесов радуя,
Попадешь в беду,
Поревнуй упасть, падая,
Головой к Христу.

У меня мечта велия,
С каждым днем сильней:
Сделаю себе я келию
И закроюсь в ней.
Келия моя бедная,
Ничего в ней нет.
За окном хребты белые
Смотрят в белый свет.

31 июля 1987 г.
с. Родовое

* * *

Это знают все наверняка,
Как во времена поры земной
Наш Сладчайший Иисус, взалкав,
Подошел к смоковнице одной.
Не найдя среди листвы плода,
Таковое слово Он изрек:
– Да не вкусит больше никогда
От тебя плодов никто вовек.

Горы, падите на меня!
Слышишь приговор, душе моя?
Видно, рождено для огня
Проклятое дерево – я.

Дерево покрылось желтизной,
Показало наготу свою.
О, душе, в смоковнице сухой
Нашу наготу я узнаю.
Только с нас гораздо больший спрос,
Мы с тобой лишь для добра сухи.
За бесплодность осудил Христос,
Как Он нас осудит за грехи?

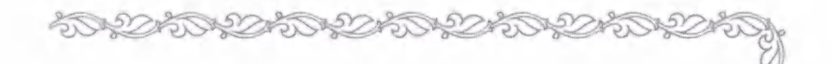
О, душе, оставим прежний нрав,
Сколько раз сходили мы с Креста?
Заповеди Божии поправ,
Оставляли алчущим Христа.
Для чего забыли смертный час
И не проливаем горьких слез?
Иль насытит оправданьем нас
Нами не насыщенный Христос?

Август 1987 г.
с. Родовое

* * *

Матушка Добрынюшке наказывала,
Государыня Добрынюшке наговаривала:
– Ой ты, сын мой любезный, свет Дементьевич,
Что повесил, кручинясь, буйну голову?
Ты бы взял в свои ручки белые
Гусли звонкие, сладкогласные.
Стал бы петь да потряхивать кудрями,
Да меня потешать, матерь старую.

Матушке Добрынюшка наказывал,
Государыне Добрынюшка наговаривал:
– Ты прости, государыня-матушка,
Не поется мне, не играется,
Не пощипывать мне струн серебряных,
Не потряхивать весело кудрями.
Я вчера скакал по Святой Руси,
Я стрелой летел ниже облака,
На высоком холме свой раскинул шатер
Поглядеть орлом землю русскую.
Поглядел вокруг и на землю пал,
И лежал, как труп, на сырой земле,
Об одном просил, об одном молил:

– Расступись, земля, приюти меня!
Видел я на Руси оскудение,
Видел мерзость кругом запустения,
Церкви белые оскверненные,
Басурманами разоренные,
Басурмане те не из тартара,
А своих кровей, лыком шитые.
И любой холоп, шут гороховый
Над рабами Христовыми тешится.
Сатана восстал на Святую Русь,
Понаставил бесовские капища,
Поклоняются люди идолам,
Как один спешат на позорища.
Стар и мал равны, все с ума сошли,
Отреклись от Бога, безумные,
Православную веру забросили
И живут, жуют, будто вечные.
Отдают детей обучать уму,
Обучают их жить без Господа,
А князья одну думку думают,
Как без Бога им миром правити.

Скоморохам житье – лучше некуда,
Приосанилось племя вертлявое,
Позабыли напевы родимые,
И гудят гудцы непотребное.
Из заморских стран едут нехристи
И с собой везут нравы срамные,
Всем заморским Русь заполонили,
Так что духу нет православного.
То, что срамом слыло, стало славою,
То, что славою было – оплевано.
А князья одну думку думают,
Как без Бога им миром правити.
Эх, князья, князья, доля горькая,
Вам придется жать то, что сеете.

Матушка Добрынюшке наказывала,
Государыня Добрынюшке наговаривала:
– Ох и глупый ты, сын, свет Дементьевич,
Не набрался, поди, уму-разуму.
Не пришла еще ночка темная,
Ночка темная, тьма кромешная.
Есть еще на земле сыны русские,
Православную веру хранящие.
Сколько мучеников, исповедников
Пред Престолом стоят Вседержителя,
День и ночь умоляют с Пречистою
О родной стороне, об Отечестве.
И пока в Церквах Божиих молятся,
Панихиду не правь по Святой Руси.
Матушка Добрынюшке наказывала,
Государыня Добрынюшке наговаривала.

15 августа 1987 г.
с. Родовое

* * *

Окутывает ночь дороги мраком,
Хотя недавно было так светло.
А я уже хочу молчать и плакать,
Устав от суеты ненужных слов.
Растаяла во тьме живая зелень
И превратилась в черное пятно.
Спустилась ночь, спустилась ночь на землю
И смотрит торжествующе в окно.

Луну закрыли облачные клочья,
Плывут, плывут, глядят в свою же тень.
А я уже хочу молиться ночью,
Перебирая четки в темноте.
Зажгу свечу и мантию наброшу,
Лампаду пред иконой затеплю.
– Измый меня от беззаконий, Боже,
И я Тебя вовек благословлю.

О тишина, о чистота святая,
Горит свеча и разгоняет тьму.
В моей утробе сердце воском тает,
Прильпе язык гортани моему.
А за окном великое затишье,
Дрожит из-за клоков созвездий сыпь.
И эту ночь нам даровал Всевышний
Как лучшие молебные часы.

Душе моя, не устрашайся ночи,
Зажги свечу и просто помолчи.
Язык огня, как и язык пророчий, –
Чем гуще тьма, тем он светлей в ночи.
Окутывает ночь дороги мраком,
Хотя недавно было так светло.
А я уже хочу молчать и плакать,
Устав от суеты ненужных слов.

15 августа 1987 г.
с. Родовое

* * *

Оглядывая прожитую жизнь,
Все чаще ухожу в уединенье.
Канон молебный на исход души –
Мое излюбленное чтенье.

Подобно каплям дождевым
Проходят дни мои бесследно,
Уже помалу исчезают,
Владычице, спаси мене.
Да не исчезну аз в огне.

Благоутробием Твоим,
Щедротами Твоими, Мати,
Помощницей необоримой
В ужасный час предстани ми.
Вонми мольбе моей, вонми.

Содержит ныне страх велик
Мою болезненную душу,
Внегда изыти ей от тела,
Пречистая, утеши ю.
Не вспомни молодость мою.

Смиренным грешникам Покров,
Покрый меня, моя Надеждо.
Бесовские руки избави:
Уже как пси теснят меня.
На склоне жизненного дня.

Се время помощи Твоей,
Се, Пресвятая Дево, время,
О немже день и нощь припадах,
Моляхся тепле пред Тобой.
Воззри на мя, утиши боль.

Угас словесный мой орган,
Язык змеи навеки связан.
Молю Тя в сердце сокрушенном,
Заступнице, спаси, спаси!
Взываю из последних сил.

О Мати Господа Христа,
От высоты премногой Славы
Мое стенание услыши
И руку помощи подай.
Да не изыду в мрачный край.

Не отврати Своих щедрот,
Не затвори Свою утробу,
Предстани ныне ми, Благая,
И помяни в час судный мя.
Скорбит душа моя, томясь.

1987 г.
с. Родовое

Радость моя,
наступает пора покаянная...

* * *

Радость моя, наступает пора покаянная,
Радость моя, запожарилась осень вокруг.
Нет ничего на земле постоянного,
Радость моя, мой единственный друг.

Желтое, красное – все разноцветное,
Золотом, золотом устланы рвы.
Прямо в лицо роднику безответному
Ветер повыбросил мелочь листвы.

Затосковали деревья бесправные,
В ризах растерзанных гибели ждут.
Лишь золотые Кресты Православные,
Радость моя, нас в бессмертье зовут.

Радость моя, эта суетность грешная
Даже на паперть швыряет листы.
Но возжелали покоя нездешнего
Белые Церкви, Святые Кресты.

Их не прельщают купюры фальшивые,
Не привлекает поток золотой.
Нужно ли Вам это золото лживое,
Вам, лобызающим вечный покой?

Белые Церкви светлеются издали,
Благовествуя о мире ином,
Живы еще Проповедники Истины,
Радость моя, не скорби ни о чем.

Белые Церкви исполнены кротости,
Ими доднесь освящается свет.
Радость моя, что кручинишься попусту?
Белым Церквам нынче тысяча лет.

Выжили Вы, бессловесные Зрители,
Бури прошли, расточились врази.
Сколько всего за века перевидели
Белые Церкви, осколки Руси?

Белые Церкви плывут в Бесконечности,
О, Кладенцы неземной Чистоты!
Непокоренные Граждане Вечности,
Белые Церкви, Святые Кресты.

Вас не касаются запахи тленные,
Этот октябрьский отчаянный пир.
Белые Церкви – Твердыни Вселенныя,
Не устоите – развалится мир.

Звон колокольный летит сквозь столетия,
Встретим же в Храме молитвенный час.
Радость моя, мы с тобой не заметили:
Осень уже за порогом у нас.

Сентябрь 1987 г.
с. Родовое

* * *

Станем пред Царицею Небесною
В скорби неутешные своей.
Радуйся, Невесто Неневестная,
Радуйтесь, молящиеся Ей.

Радуйся, нам радость Подающая,
Верных благодатью осияй.
Никого еще к Тебе грядущего
Не отвергла, Радосте моя.

Радуйся, Земле обетования,
Слышишь, как Тебе народ поет.
Радуйся, погибшим всем Взыскание,
Радуйся, Взыскание мое.

Радуйся, Владычице Державная,
Церковь Православная, взыграй.
Радуйся, Надеждо Православная,
Не остави мой погибший край.

Слушая акафистное пение,
Вспомнил, чем дышал и как я жил...
Радуйся, души моей Спасение,
Да не получу, что заслужил.

Чем Тебя я, Госпоже, порадую,
Видишь, как изъязвлена душа?
Странно ли, что я отвержен Правдою,
Коль всю жизнь неправдою дышал!

Гибельные тропы поздно понял я,
Кайся ж, о, душе, себя виня!
Ждет меня утроба преисподняя,
Если Ты не вымолишь меня.

Бьется, осужденное, в груди моей.
Вот я пред Тобою весь стою.
Радуйся, Звездо Незаходимая,
Просветиши Сыном тьму мою.

Будь благословенна, Милосердная,
Даже если мне гореть в огне.
Радуйся, Заступнице Усердная,
За Свои молитвы обо мне.

1987 г.
г. Печоры

* * *

Пресвятая Богородице,
Всем скорбящим Утешение.
Ты избави землю Русскую
От напасти и погибели,
Церковь нашу Православную
Сохрани от всяких ересей,
Архипастырям и пастырям
Даруй, Дево, дерзновение,
Чтоб могли со всею стойкостью,
Ради правды Православия,
Обличать сынов погибели
И дела отца их – дьявола.

Пресвятая Богородице!
Ты Покровом покрываеши
Русь мою многострадальную,
Русь мою многораспятую...
О, Владычице Державная,
Херувимов Пречестнейшая,
Мати Господа Всевышнего,
Погибающим Взыскание!
Умоли за землю Русскую
Сына Своего Сладчайшего,
Да воздаст Он нам по милости,
Не по нашему неверию.

Вижу – тучи собираются,
Слышу – воронье раскаркалось.
Только б Ты нас не оставила
В час великий испытания.
О, Заступнице Усердная,
Даруй грешным покаяние,
Мне же, о Благословенная,
Даруй благо наивысшее:
Жить, как Сын Твой заповедовал,
Боль людскую за свою считать.

1987 г.
с. Родовое

Сестра печали

О, матери, бессонными ночами
Молитесь за наследие свое.
Аминь, аминь, война – сестра печали,
Горька вода в источниках ее.
О, матери, о, матери,
Молитва ваша – тихий плач без слов.
О, матери, о, матери,
Не дай Бог пережить своих сынов.

„Враг вырастил мощных коней, колесницы его крепки, воины умеют убивать. Города падают пред ним, как шатры пред лицем бури... Вот брат твой упал, кровь его брызжет на ноги твои, но не ты уврачуешь раны его. И смеявшийся утром возрыдает к ночи. И зачавший не увидит родившегося. И многие из вас не вернутся под кров свой. Но идите, ибо кто, кроме вас, оградит землю эту.“

О, матери, беду сынам вещает
Летящее за ними воронье.
Аминь, аминь, война – сестра печали,
Горька вода в источниках ее.
О, матери, о, матери,
Молитва ваша – тихий плач без слов.
О, матери, о, матери,
Не дай Бог пережить своих сынов.

„Кружатся птицы черные, будет им сегодня чем поживиться. Многие венцы плетутся на небе. Колышутся на ветру хоругви, суровы лица идущих на смерть. Еще немного, и меч решит, быть или не быть Земле Русской.“

О, матери, о, матери,
Молитва ваша – тихий плач без слов.
О, матери, о, матери,
Не дай Бог пережить своих сынов.

„И побежали поганые, и устояла Земля Русская. Веселись, Русь Православная. Красуйся и ликуй, Церковь Русская. Днесь бо чада Твоя во славе предстоят, радующеся. О, Божественный полче, Русь Святая, храни и ныне Веру Православную, в ней же тебе утверждение.“

О, матери, о, матери,
Услышана молитва ваша Богом
О, матери, о, матери,
Идут сыны к родимому порогу.

1987 г.
с. Родовое

* * *

Благорастворение воздухов,
Благодать под небом, благодать.
Лунная ущербная краюха
Выплыла просторы оглядать.

Старая накидка греет плечи,
Молча за околицей стою,
Что ж вы, думы, в этот чудный вечер
Душу растревожили мою?

Предо мною дальняя дорога –
Перекресток – быть или не быть?
Есть ли мне призвание от Бога
От юродства горькую испить?

Может, скоро, как в забытом детстве,
Растворюсь в тебе, Святая Русь.
И, оставив суету суетствий,
В белую рубаху облекусь.

Буду я пресыщенному люду
Языком полынным говорить,
На углах, на площадях – повсюду
Ересь и безбожие клеймить.

Обличать налево и направо,
Тыча пальцем в силуэты тел.
– Сыны лжи и дочери неправды,
Что худого вы нашли в Христе?

Слушайте, у правды нет секретов,
Не смотрите, что сошел с ума,
Срезанный цветок не любит Света,
Потому вам так приятна тьма!

Ваша жизнь – греховная услада,
Грех скрывает жало в темноте.
Если б в вас была хоть капля правды,
Вы б познали истину в Христе!

Старая накидка греет плечи,
Молча за околицей стою.
Что ж вы, думы, в этот чудный вечер
Душу растревожили мою?

1987 г.
с. Родовое

* * *

Много думал я о судьбе своей,
Только думы все невеселые,
Вот иду один, воронье кружит
Над деревьями да над селами.

Что раскаркались, раскричалися,
Иль вещаете тьму кромешную?
Что, душе моя, так печалишься
И о чем твоя боль сердечная?

Люди добрые, с миром к вам пришел,
Чем вы дышите, как спасаемся?
Жив ли в вас Господь, живы ли душой?
Как мы молимся, как мы каемся?

Что поют у вас, православный люд,
Песни рабские иль господские?
Родники у вас, как и раньше, бьют?
Иль хлебаете воду скотскую?

Режет уши мне неродной мотив.
Ритмы чуждые, где вы взяли их?
Кто сады свои под топор пустил,
Тот питается от плодов чужих.

Я сыграл бы вам, если б только смог,
Но напевы те вам негожие,
И в чужой земле, как сказал пророк,
Никому не петь песни Божии!

На мои слова раздается скрип,
И выходит хозяин взъерошенный,
Издает свой хрип сквозь собачий хрип:
– Ты, наверно, пьян, гость непрошеный!

Родники твои мы засыпали,
И святым твоим мы не молимся,
И твой хлеб жевать – зубы выпали,
Потому блевотиной кормимся.

Пусть в грехах живу, пусть грехом пропах,
Что за радость тому, кто молится?
Хоть из лужи пьем, но зато в котлах
Никогда мясцо не выводится!

От воды иной наш народ отвык,
И не нужно нам вод иных!
Даже если есть твой живой родник,
Кто пойдет к нему от котлов мясных?

Забирай свой мир, убирайся прочь,
Проходимцев я разных видывал,
О живой воде – нищете пророчь.
Да помогут нам наши идолы!

И услышал я тот же самый скрип,
Те же самые крычут вороны.
А вдогонку мне тот же самый хрип,
Тот же самый лай стража черного.

Сторона моя, лик ужасен твой,
Припади к Христу с плачем, грешница!
Чужеземец я на земле родной
И рыдаю я, не утешиться.

Так оставь, душе, думы вздорные,
Видно, мной еще мало пройдено.
Мысли черные, люди черные,
Птицы черные по-над Родиной.

1987 г.
с. Родовое

Что ты спишь,
восстань, душе моя...

* * *

Что ты спишь, восстань, душе моя,
Иль самой себя не вынести?
Так открой Псалтырь Давидову
И покайся Судие.
„Боже, Боже мой, помилуй мя
По велицей Твоей милости
И по множеству щедрот очисть
Беззаконие мое“.

Вспомнил жизнь свою прошедшую –
Нерожденным позавидовал.
Отойдите, воды бурные,
Убегай, душе, от злых.
Дай же, Господи душе моей
Покаяние Давидово,
По молитвам Богородицы,
По молитвам всех Святых.

Открываю книгу старую,
Покрываю плечи мантией,
И словами покаянными
Пред иконами молюсь:
„В беззакониях зачался я,
Во грехах рожден я матерью,
Окропиши мя, очищуся,
Паче снега убелюсь!“

Велика ты, скорбь Давидова,
Велико и утешение.
Ты покаялся пред Господом,
И тебя Господь простил.
„Сердце чисто сотвори во мне,
Боже моего спасения,
Отврати лице от грех моих,
От мене не отврати“.

1987 г.
г. Печоры

* * *

Земля от света повернет во тьму,
И ветер северный меняется на южный.
Я ничего с собою не возьму,
И потому мне ничего не нужно.

Что было прежде, будет и потом,
Что было сотворенным – сотворится.
Сегодня смех, веселья полон дом,
А завтра всплачет тот, кто веселится.

В моря из рек текут потоки вод,
Чтоб облаками возвратиться в реки.
Приходит род, и вновь проходит род
И только Ты господствуешь вовеки.

Восходит солнце и зайдет опять,
Чтоб воссиять по-новому над тьмою.
Мне ничего не страшно потерять,
Будь только Ты, Царю царей, со мною.

Всему под небесами свой черед,
Своя пора и время всякой вещи.
Блажен, кто эту истину поймет,
Но преблаженнее обретший Вечность.

Людская память – вешняя вода,
Она умрет, как город осажденный.
Блажен, кто никого не осуждал,
Но преблажен за Правду осужденный.

Безумию под солнцем нет конца.
И мир на Бога возвеличил слово.
Восстала тварь на своего Творца,
И это тоже на земле не ново.

Нечестию живущих нет границ,
И люди жить и умирать устали.
О, семя любодеев и блудниц,
Когда б вы знали, на Кого восстали!

Не возноситесь, Судия воздаст,
И это будет бедствием из бедствий.
Святы твои слова, Екклесиаст:
– Все, что без Бога, – суета суетствий!

Но верю я, что Истина Сама
Вовек восторжествует над землею.
И будет свет, и посрамится тьма,
И сокрушится всяк, творящий злое!

1987 г.
г. Печоры

Колокольный звон

* * *

Колокольный звон
Над землей плывет,
А в монастыре
Братский хор поет:
– Господи, помилуй.

Инок-канонарх
Положил поклон.
И тотчас затих
Колокольный звон.
– Господи, помилуй.

– Господи, воззвах, –
Тенор возгласил,
Канонарху хор
Слаженно вторил:
– Господи, помилуй.

Свечи, образа,
Мантии, кресты.
Братия поет
Грустный глас шестый.
– Господи, помилуй.

Странники стоят,
Молится народ.
Русь еще жива,
Русь еще поет:
– Господи, помилуй.

Схимники в крестах,
Бороды, как снег,
Потупив глаза,
Молятся за всех:
– Господи, помилуй.

Братский хор умолк,
Снова перезвон.
Только слышно мне
Как со всех сторон:
– Господи, помилуй.

Твой черед настал,
Молодой звонарь,
Пробуди простор,
Посильней ударь.
– Господи, помилуй.

С музыкой такой
Хоть иди на смерть!
Много ли тебе,
Русь Святая, петь?

1987 г.
г. Печоры

* * *

Это песня плененных, гонимых врагом,
Преисполнена горя и стона.
На реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом,
Внегда помянути нам Сиона.

И рыдают сидящие у чужих берегов:
– Путь, которым ведут, как ты страшен!
И в молчаньи на вербиих посреде его
Обесихом органы наша.

Но отчаянье пленных не радует глаз,
И чтоб путь этот был интересней,
Вопросиша ны тамо пленшии нас
О словесех песней.

О, ведущие в плен, о, служители тьмы,
Что глумитесь над болью людей?
Како воспоем песнь Господню мы,
Находясь на земли чуждей?

Мы молитвою к Богу боль утолим,
И в чужих необжитых краях
Аще забуду тебе, Иерусалим,
Забвена буди десница моя!

О, ведущие в плен, притупите мечи,
Богу нашему мы и без вас воспоем.
Окаянная дочь, вавилонская дщи,
Да воздастся тебе воздаянье твое.

Так возьми же органы, плененный народ,
Зазвучи, серебро, под руками.
Вавилонская дочь, наш Господь разобьет
Младенцы твоя о камень.

24 декабря 1987 г.
с. Родовое

* * *

Гора Голгофа. Вижу три креста.
(Замри, душе, доколе окаянна?)
А посреди – распятого Христа.
У ног – Святая Дева с Иоанном.

И тот, что слева, над Христом глумясь,
В своих неправдах Бога обвиняя,
Сказал, с богоубийцами сроднясь,
– Коль Ты – Христос, спаси Себе и наю.

Но тот, что справа, запретил ему:
– Или твоя душа Творца не знает?
За наше зло нам мало этих мук,
А Этот же, скажи, за что страдает?

О, бывший тать, о, нынешний святой,
Все зло свое перечеркнул немногим:
Перед безумной воющей толпой
Ты исповедал Страждущего – Богом.

О ты, который с Господом терпел,
О, покаяньем вырванный из ада!
Одна лишь правда ожила в тебе,
Что полон был ты всяческой неправды.

И в этот миг, последний крестный миг,
Ты оправдал поруганного Бога,
И капля правды, перевесив мир,
Ввела под своды райского чертога.

О, Боже мой, распятый как злодей,
Тебе, Тебе с Отцем и Духом Слава!
Своим Крестом Ты разделил людей
На тех, кто слева, и на тех, кто справа.

Гора Голгофа, Пасхи Колыбель,
Шепчу одно неверными устами:
– Душе моя, помысли о себе,
Душе моя, душе, куда мы станем?

О Мати Света, не остави нас,
Взыщи мене, Единая Отрадо.
Да оживет во мне хоть в смертный час
Разбойничья спасительная правда.

25 декабря 1987 г.
с. Родовое

* * *

Полночью, лунной полночью
Шорохи в саду, старом саду.
Речка застыла беспомощно,
В прорубь глядит на звезду.

Руки деревья подняли
В праздничных кружевах.
Служится служба Господняя,
Слышите эти слова?

„Христос рождается, славите,
Христос с небес, срящите,
Христос на земли, возноситеся,
Пойте Господеви вся земля!“

И отражает деревце
Светлые часы пред Рождеством.
Ветка со мной поделится
Белым своим торжеством.

Светом исполнясь внутренним,
Светится Млечный мост.
Правит Святую Утреню
Хор православных звезд.

„Христос рождается, славите,
Христос с небес, срящите,
Христос на земли, возноситеся,
Пойте Господеви вся земля!“

25 декабря 1987 г.
с. Родовое

* * *

Боже мой, Боже мой,
Свете, Преумная Сило!
Тьмой непростой, несусветною тьмой
Полночь мой дом полонила.

А за порогом не видно ни зги,
Воет полночная вьюга.
Душу мою обступиша враги,
Слышится хохот и ругань.

За окном смех и стон,
То ли зверье, то ли люди.
Юность моя могильным крестом
Видится мне в этой мути.

Слышатся мне за порогом слова,
Голос недобрый, нездешний:
– Аще и правый спасется едва,
Где же ты явишься, грешный?

Царь Небес и земли,
Слове Живый, Безначальный,
Духом Своим Святым исцели
Душу мою от печали.

Сердце мое смятеся от зла,
Ближнии сташа далече,
Аз же смирихся постом до зела,
Боже мой, Боже Превечный.

Боже мой, Боже мой,
Свете, Преумная Сило.
Тьмой непростой, несусветною тьмой
Полночь мой дом полонила.

29 декабря 1987 г.
с. Родовое

* * *

Я сказал, что где-то
Журавли курлыкают.
Я сказал, что где-то –
Ветер, облака.
Пыльные пустырники
Пахнут повиликою,
И в траве смеется
Капля василька.

Я сказал, что где-то –
Половодье осени,
Клен собой засыпал
Рыжую траву,
Я сказал, что где-то
Над пустынной росстанью
Показался лунный
Золотой кавун.

Я сказал, что где-то,
С монастырской звонницы,
Звуки православные
Над землей плывут.
Я сказал, что где-то
Образ Богородицы
Утешает страждущий
Богомольный люд.

Я сказал что где-то
Огоньки колышутся,
Свечи восковые
И кадильный дым.
Я сказал, что где-то –
Край, где вольно дышится,
Край, где все пропитано
Воздухом святым.

Я сказал, что где-то –
Клобуки и мантии,
Канонарх уверенно
Возглашает стих.
Я сказал, что где-то
Служит Богу братия.
И еще сказал я:
– Я – один из них.

31 декабря 1987 г.
с. Родовое

* * *

Принимай гостей, Москва, хлебом-солию,
Вспомни звание достойное свое.
Звонари, вам начинать богомолие,
Разгоните с куполов воронье.

Свят, Свят, Свят еси, Боже,
Богородицею помилуй нас.

Так лети же над землей, радость велия,
Славу Божию вещают Небеса.
На Святой Руси Святое веселие,
Как один поют голоса.

Свят, Свят, Свят еси, Боже,
Богородицею помилуй нас.

Приидите, Православия любители,
Песньми воспоим Родившую нам Свет.
Торжествуйте, храмы и обители,
Нашей Церкви нынче тысяча лет.

Свят, Свят, Свят еси, Боже,
Богородицею помилуй нас.

Веселися о Христе, Русь Крещеная,
Свечи, образа, кресты, куда ни глянь.
Православной верой просвещенная,
Ты еще жива, моя земля?

Свят, Свят, Свят еси, Боже,
Богородицею помилуй нас.

Так красуйся и ликуй, Церковь Русская,
Лик Твой и величествен, и строг.
Воронье, вам не стерпеть этой музыки.
О, языцы, яко с нами Бог.

Свят, Свят, Свят еси, Боже,
Богородицею помилуй нас.

Нынче память всех святых наших сродников,
Днесь Вам я с упованием молюсь.
Не оставьте нас, Христовы угодники,
Да не сгинет от безбожия Русь.

Свят, Свят, свят еси Боже,
Богородицею помилуй нас.

4 января 1988 г.
с. Родовое

* * *

О, Всепетая Мати! О, Всепетая Мати!

Пред иконой чудною слагаю
Словеса хвалебные сии.
Радуйся, Царице Преблагая,
Презри прегрешения мои.

О, Всепетая Мати! О, Всепетая Мати!

На кого воззрю аз, недостойный,
И к кому прибегну в скорбный час?
Призываю Имя Пресвятое,
Мати Света, не остави нас!

О, Всепетая Мати! О, Всепетая Мати!

Ад по мне злорадствует кромешный,
Воды, волны надо мной шумят.
Не остави мя, Надеждо грешных.
Призову Тебя, услыши мя.

О, Всепетая Мати! О, Всепетая Мати!

Питие слезами растворяю,
Пепел, яко хлеб, снедаю аз.
Радуйся, Царице Преблагая,
Только Ты еще взыскуешь нас.

О, Всепетая Мати! О, Всепетая Мати!

Воронье одну беду пророчит,
Ископаша чуждии нам ров.
Только б Ты Гефсиманийской ночью
От Руси не отняла Покров.

О, Всепетая Мати! О, Всепетая Мати!

О, Отроковице, Мати Света,
Нету силы отступленье зреть.
Что еще просить мне в жизни этой –
Дай мне православным умереть.

О, Всепетая Мати! О, Всепетая Мати!

4 января 1988 г.
с. Родовое

Исчезну я с лица земли...

* * *

Исчезну я с лица земли,
Оставлю белый свет.
Ликуйте, недруги мои,
Меня уж больше нет.
Но, указуя в гроб перстом,
Не изливайте яд,
И вы исчезнете потом
С лица земли, как я.

Без отпевания зарыт,
Лежу не под крестом,
В могилу кол с фанеркой вбит,
Спасибо и за то.
А на фанерке номерок,
Мое второе я.
Но, Слава Богу, вышел срок
Земного бытия.

И вот теперь один бреду,
Чтоб Господу сказать:
– Спаситель мой, я был в аду,
Пошлешь ли в ад опять?
Не посрами надежд моих
Перед врагом моим.
Я не искал богов чужих,
Не поклонялся им.

На свете том Тобою жил,
Дышал одним Тобой.
За что и был сынами лжи
Отослан в ад земной.
От всех обетов отступя,
Все время падал в грех,
Но не отрекся от Тебя,
Поруганный за всех!

Душа моя перед Тобой,
Живого места нет.
На свете том одну лишь боль
Носил я много лет.
И ныне ранами покрыт
От головы до пят.
Но боле всех кровоточит, –
Что мир отверг Тебя.

Не помяни ж, не помяни ж
Грехов моих в сей час,
Услыши, Господи, услышь
Скорбящую о нас.
И я уже, припав к Тебе,
Не о себе молю, –
Избави от грядущих бед
Святую Русь мою.

11 января 1988 г.
с. Родовое

* * *

Теплится лампада, свет свечи веселый,
Старый инок шепчет, голову клоня:
– Милостивый Боже, я познал глаголы:
„Симоне Ионин, любиши ли Мя?“

Катятся беззвучно слезы восковые,
Воздыхает старец, всей душой томясь.
Что сказать на эти словеса живые –
„Симоне Ионин, любиши ли Мя?“

Тихо шепчет старец, не подымет взора.
Волны, воды снова надо мной шумят.
– Дай мне покаянье, Рекший без укора:
„Симоне Ионин, любиши ли Мя?“

Молится подвижник, лик и строг, и светел.
Плач коснулся сердца, теплотой щемя.
Оскорбе же Симон, что услышал в третий:
„Симоне Ионин, любиши ли Мя?“

О Святый Апостол, ты свое паденье
Вон исшед оплакал, помяну глагол.
Но до самой смерти в петушином пеньи
Слышалось средь ночи: „Аз не вем Его“.

Плачет старый инок: – О, моя Отрадо!
Мати Пресвятая, я Тебе молю.
Дай сказать от сердца с тем, кто трижды падал:
„Господи, Ти веси, яко Тя люблю“.

Теплится лампада, свет свечи веселый,
Старый инок шепчет, голову клоня:
– Милостивый Боже, я познал глаголы:
„Симоне Ионин, любиши ли Мя?“

12 января 1988 г.
с. Родовое

* * *

Пел слепой заученное с детства,
Руки на котомку положив,
И невольно западала в сердце
То ли песня, то ли боль души.

„Плачь всегда, душе моя,
Пропадает жизнь твоя.
Боже мой, Боже мой, Боже мой,
Создателю мой“.

Облаками покрывая небо,
Ветер над деревьями кружил.
Пел слепой, прося немного хлеба,
Хлеб иной прохожим предложив.

Но прохожий, сытый и беспечный,
Этот хлеб не захотел вкушать.
Пел слепой, и всматривалась в вечность
Зрячая слепецкая душа.

Пел слепой, душа томилась в плаче,
Люди проходили без конца.
Так ли вы, мои родные, зрячи,
Не слепей ли этого слепца?

„Плачь всегда, душе моя,
Пропадает жизнь твоя.
Боже мой, Боже мой, Боже мой,
Создателю мой".

13 января 1988 г.
с. Родовое

* * *

Поят Пилат Христа и би Его,
И воини, венец от терний сплетши,
Украсили главу Творца веков,
Хламидою, глумясь покрыли плечи.

И, – Радуйся, – глаголаше Ему,
Бияху по ланитома без страха.
Но вопль народа громче этих мук.
– Распни Его! – отвсюду вопияху.

Изыде паки убо вон Пилат,
Глагола им: – Се извожду Его вам,
Да разумев, что Он не виноват,
Измените о Нем свои глаголы.

Изыде Иисус. Венец тернов.
Оплевана багряная препряда.
– Се Человек, – Пилат глаголал вновь.
(Се, о Пилат, поруганная Правда).

Но паки возопил безумный мир,
Воюющий на Бога неустанно:
– Распни Его, распни Его, возьми! –
Вопили те, кто вопиял, – Осанна!

И седе на судищи в час шестый
На месте, что Гаввафа по-еврейски,
Рече Пилат: – Се Царь ваш, Царь Святый.
Царя ли вашего распну злодейски?

Но пред собою Праведника зря,
Игемону рекли архиереи:
– Мы вемы токмо кесаря царя,
Сей враг царю, распни Сего, злодея!

Душе моя, отстани далеко
Благонадежных воплей иудеев.
Цена благонадежности такой –
Пропятие Христа среди злодеев.

Взирай же, мир, взирай от рода в род
Туда, туда, к судилищу Гаввафы,
Где этот верноподданный народ
Простер благонадежность до Голгофы!

Так повелось, таков удел чужих,
Им распинать, народы ужасая.
Но предавать – отличие своих,
И предают, не только лобызая.

Евангелие – Книга всех веков,
Одна и та же суть, как и когда-то.
Ушел Пилат и заступил другой,
Чтоб уступить теперешним пилатам.

И тот же мир, безумный тот же мир
На Господа воюет, как и прежде.
И тот же вой: – Распни Его, возьми! –
Вой иудеев, но в иной одежде.

И тот же сонм, архиерейский сонм
И ныне пред пилатами толпится.
И вновь благонадежность налицо.
Душе моя, куда тебе сокрыться?

Куда бежать? Наверно, неспроста
Вынашивал в себе я непрестанно,
Что цепи и темницы за Христа
Дороже мне епископского сана.

15–16 января 1988 г.
с. Родовое

* * *

Евангелист божественной рукой
Запечатлел о милости Мессии:
„Моляше некий фарисей Его,
Дабы ял с ним и вшед в дом фарисеов.

И се, жена во граде яже бе –
Одна из грешниц, услыхав о Бозе,
Припав к Христу, рыдая о себе,
Начат слезами омывати нозе.

И маза миром, и власы главы
От слез святые нозе отираше,
И не боясь ни взглядов, ни молвы,
Святые нозе, плача, лобызаше.

И, видев, фарисей рече в себе,
На Господа воззрев лукавым оком:
– Ужель бы стал какой пророк терпеть
Уста блудницы, льнущие к пророку?

И, отвещав, Христос рече к нему:
– Два должника заимодавцу беста.
Простил пятьсот динарий одному,
Простил другому пятьдесят безмездно.

Отдал обоим, с миром отпустив.
Который убо, рцы, возлюбит паче?
И отвещав наш Симон, рассудив:
– Чей вящий долг остался неоплачен.

Рече Господь: – Правы твои суды.
(Хоть эта правость Бога осудила).
Внидох в твой дом, не дал для ног воды,
Сия слезами нозе Ми омыла.

Не дал лобзанья, а сия жена
Стопы лобзаше, не престав ни разу.
И маслом не помазал, а она,
Рыдая, нозе миром Ми помаза.

И потому внимай, глаголю ти:
Простится много возлюбившей много.
Восстани, жено, Бог тебя простил.
Изыди в мире, любящая Бога...“

...Целую пожелтелые листы,
Святые покаянные страницы.
Душе моя, блудница – это ты.
Да даст тебе Господь любовь блудницы!

14 апреля 1989 г.
п. Кярово

* * *

Белый храм над рекою –
Алавастр чистоты.
Благодатным покоем
Утешают кресты.

Улови мгновенье,
Капли на кустах,
Помолись под пенье
Беззаботных птах.

Ночью звезды пророчат,
Утром росы горят,
И ушедшие молча
С фотографий глядят.

На гранитных плитах
Сквозь то мох, то грязь,
Чту слова молитвы
И пиитов вязь.

До чего же знакома
Безответность в словах:
– Я теперь уже дома,
Ты, прохожий, в гостях.

Не прочтет писатель
Свой нехитрый труд.
Упокой, Создатель,
Зде лежащий люд.

Солнце в каплях играет,
Лик пернатый поет.
И хожу, выбирая,
Где тут место мое.

И стою порою
Меж сырых кустов
И меня зароют,
Дай Бог, под крестом.

Суббота перед Вербным,
14–22 апреля 1989 г.
п. Кярово

Я нарисую старый дом...

* * *

Я нарисую старый дом,
Березки, палисадник ветхий,
Огромный вяз (его уж нет),
Отца, глядящего мне вслед,
Окно лобзающие ветки.

Я нарисую старый дом,
Певцов пернатых на скворечне,
Две тонких яблони в саду,
Кусты черемухи в цвету,
Храм белокаменный, конечно.

Я нарисую старый дом,
Поля с картофельной ботвою,
А вдалеке – холмы и рвы,
Деревья в зелени листвы,
Все позабытое, живое.

Я нарисую старый дом,
Десну и лес, простор обжитый.
Большеголовое дитя
Сидит на лавочке, свистя
В свою свистульку из ракиты.

Но время не вернуть назад.
И не бежать босым по лужам.
Отец, глядящий мне вослед,
Недавно мною был отпет,
А храм отхожим местом служит!

...Споткнулся, замер карандаш,
Не по своей, наверно, воле.
Гляжу в окно на белый свет –
И дома нет, и храма нет...
Бумага, чистая до боли.

22 апреля 1989 г.
п. Кярово

* * *

В эту ночь, в эту ночь не уснуть, не уснуть:
Старый дом, старый дом ходит ходором.
Что ж вы, думы мои, заполóнили грудь,
В голове разгулялись до одури?

Сегодня мне так весело,
Метелит, просто страх.
И в этом мутном месиве
Сижу один впотьмах.
Душа моя заходится,
Хоть впору умирать.
И впереди, как водится,
Просвета не видать.

А в трубе, а в трубе только вой да скулеж.
Кто-то смотрит в затылок убийственно.
Всю-то жизнь, всю-то жизнь я служил тебе, ложь,
Подойдя под конец к этой истине.

На белом свете, кажется,
Ни звука, ни души.
Печаль, как снег, уляжется,
Кружи, метель, кружи!
Под вой да причитания
Гляжу, гляжу во тьму,
И в целом мироздании
Не нужен никому.

Неспроста, неспроста ветер ломится в дверь,
Сотрясая невидимо келию.
Что, душе, что, душе, нам осталось теперь
Пожинать то, что в юности сеяли.

Открою дверь скрипящую,
Хвачу морозца в грудь
И полночью свистящею
Пойду куда-нибудь.
Куда, куда, не ведая,
Шепча, впадая в раж.
И ты, и ты, мой преданный,
И ты меня предашь.

Вскую, Боже, оставил на радость врагу?
Без Тебя все дороги к погибели.
Без Тебя ни идти, ни стоять не могу,
Точно наст из-под валенок выбили.

Печаль – тоска повальная,
Ни друга, ни врага.
Готовь мне погребальное,
Полночная пурга.
Мети, такая славная,
Продолжи свой концерт,
Чтоб снегу, словно савану,
Не таять на лице.

Но Тобою, Христе, в поруганье врагу
Оживает и колос подкошенный.
Слава, Боже, Тебе и за эту пургу,
И встаю, до скуфьи запорошенный.

Вернусь обратно в келию
С надеждою в груди.
Кромешное веселие
Теперь уж позади.
Лампадку пред Пречистою
Зажгу, псалмы поя.
И в эту ночь я выстоял
По милости Ея.

4 мая 1989 г.
п. Кярово

* * *

Звон погребальный. Диакон кадит безучастно.
Старый псаломщик выводит мотивом несложным.
„Кая житейская сладость печали мирской непричастна?
Кая ли слава стоит на земли непреложна?“

Желтые руки сжимают свечу восковую,
Словно соломинку держат в надежде спасенья.
Вот и застыли, забыв суету вековую,
Что собирали, ушло во едино мгновенье.

Эти глаза пятаками заботливо скрыты,
Взор неживой запечатан дешевою медью,
Сколько всего перевидели вы – все забыто.
Сколько всего для того, чтоб увидеться с смертью!

Спутаны ноги. Всегда ли вы к Правде спешили?
Сжаты уста. Отлюбили свое, отлобзали.
Все тлен и прах. Вы хозяину верно служили,
Только в последний момент подвели, отказали.

Женщина в черном припала к покойнику, стонет.
Хмурят сурово мужчины пропитые лица.
Ваша печаль от могилы пройдет до застолья,
После второй неизвестно куда удалится.

Так и стою я, случайный всему очевидец.
Старый псаломщик вздыхает со мной покаянно.
„Где твое счастье, лежащий во гробе счастливец?
Где твои други, любитель пиров бездыханный?"

8 мая 1989 г.
п. Кярово

В келии лампаду затеплю...

* * *

В келии лампаду затеплю,
Положу Псалтырь на аналой.
Господи, Ты видишь, я скорблю,
Господи, услыши голос мой.

Полночь. Ни звезды нет, ни луны.
Птицы затаились, не поют.
Господи, воззвах из глубины,
Просветиши светом тьму мою.

Обступиша мя со всех сторон.
Где Ты, где Ты, Крепосте моя?
Видящие мя бежаша вон,
Ближние далече отстоят.

Пред тобою, Боже, согреших,
Милосердный Господи, прости!
От моей страдающей души
Своего лица не отврати!

Человеколюбче, укрепи,
Благодатью Духа отогрей.
Долготерпеливе, потерпи
Ради чудной Матери Своей.

Не отрини, Радосте моя,
Разгони стужащих, яко дым.
Нелицеприятный Судия,
Да не внидешь в Суд с рабом Твоим.

Если б смертью своего раба
Ты коснулся чьей-нибудь души,
Жизнь свою, к ногам Твоим припав,
Лептою вдовицы б положил.

12 мая 1989 г.
п. Кярово

* * *

Вижу я себя седым-седым во сне.
Зеркало держу перед собой.
Волосы мои белы-белы как снег,
А в глазах одна боль, боль, боль.

Впереди меня – хоть глаза коли.
Позади меня – тьма, тьма, тьма!
Очертанья мрачные вдали –
То ли лагеря́, то ли дурдома́.

Так о чем твоя боль, мой седой двойник?
Иль и ты не так жизнь свою прожил?
Отчего с тоской к зеркалу приник,
Всматриваясь в боль своей-моей души?

Отвечает мне старое лицо.
Чуть слышны слова пересохших губ:
– Хорошо, хоть смог перед концом
На себя взглянуть, лгун, лгун, лгун!

Срамота твоя на твоих стопах,
Пропитался весь до волос!
Вспомни, как ты жил, чем пропах,
А теперь в святых, пес, пес, пес!

Слушаю, бледнея даже во сне,
И не проглотить подступивший ком.
– Зэковскую робу, ту, что на мне,
Наяву оденешь потом.

Замолчал двойник, трет у виска.
Так же тру и я, говоря в ответ:
– Сапоги носить – мне не привыкать,
А хэ-бэ и ряса – один черный цвет.

Опустил двойник усталые глаза.
Круглое стекло сотрясает дрожь.
Что хотел сказать – все сказал.
Так о чем сейчас слезы молча льешь?

А кругом толпа – некуда упасть.
Сорвана скуфья под хохот и вой.
Рясу отобрали – что ж, ваша власть.
Ну, а крест нательный – вместе с головой!

Вижу я себя седым-седым во сне,
Зеркало держу перед собой.
Волосы мои белы-белы как снег,
А в глазах одна боль, боль, боль!

14 мая 1989 г.
п. Кярово

* * *

Заночую в стогу, по-звериному вырою нору,
От больших городов отбежав далеко-далеко.
Полночь Млечным Путем опояшется, как омофором,
И луной покадив, наклубит паруса облаков.

Отовсюду плывет тонкий запах сиреневой пены.
Благодать, благодать, наполняется грудь чистотой.
В изголовье взобью прошлогоднее слегшее сено.
Отыщу на прощанье созвездье с Полярной звездой.

О святые часы! Лобызаю отверстую вечность,
Протираю глаза, поразмазав, как в детстве, звезду.
Нет, не хлебом единым живится душа человеча,
Все Тобою живет, Сотворивый сию красоту.

И забуду тогда, и никто, пожалев, не напомнит
О погоне в ночи, что идет за моею пятой.
Опрокинутый ковш где-то землю дождями напоит,
Чтобы утром припасть к океану за свежей водой.

И внимает Творцу мир земной с необъятным Небесным,
Ни друзей не видать, ни идущих по следу врагов.
И туман, мой туман, дымовой невесомой завесой
Оградит беглеца от взыскующих душу его.

Дышит вольная ночь. Завтра будет гораздо все проще.
Разойдется туман, до росинки свое отслужив.
Соловьями поет, славя Бога, забытая роща.
И кругом никого, не считая пропащей души.

15 мая 1989 г.
п. Кярово

* * *

Оставив дом, родных, свое наследство,
Покинул мир в благословенный час.
Афонский инок по веленью сердца,
Сложил молитву, плача по ночам.

„Скоро я умру,
И окаянная душа моя
Снидет в тесный мрачный ад.
И там буду один я томиться
И плакать о Господе.
– Где Ты, где Ты, Свет души моей?
Почто оставил меня,
Я не могу жить без Тебя“.

Живущий грех нещадно обличая,
Себя он в ад живого ниспослал.
Струились слезы, душу облегчая,
Когда он пред Спасителем взывал.

„Скоро я умру,
И окаянная душа моя
Снидет в тесный мрачный ад.
И там буду один я томиться
И плакать о Господе.
– Где Ты, где Ты, Свет души моей?
Почто оставил меня,
Я не могу жить без Тебя“.

Я заучил молитвенные строки,
Простые покаянные слова.
Стою один, совсем не одинокий.
Душе моя, жива ли ты? Жива!

Скоро и я умру,
И окаянная душа моя
Снидет в тесный мрачный ад.
И там буду один я томиться
И плакать о Господе.
– Где Ты, где Ты, Свет души моей?
Почто оставил меня,
Я не могу жить без Тебя.

16 мая 1989 г.
п. Кярово

* * *

От самого рассвета до рассвета
Шумит вода по лужам и ручьям.
Осенними дождями плачет лето,
Предчувствуя последняя своя.

И я гляжу бездумно и бездушно
На тающие стекла, как во сне.
Темна вода во облацех воздушных,
Черна вода моих прошедших дней.

О воды, вы сомкнулись надо мною,
Закрыли солнце, зазывную даль,
Зависли непроглядною стеною,
Ни неба, ни земли – одна вода.

Хоть это предосеннее смятенье
Отыдет после в дальние края –
Душа моя, душа скорбит смертельно,
Предчувствуя последняя своя.

21 июля 1989 г.
п. Кярово

* * *

А мне уже стучат, стучат в который раз,
И я в который раз врасплох захвачен.
Молю повременить, не подымая глаз,
Но снова тот же стук – он однозначен.

Прости меня, Царю царей, за то,
Что даром прожил жизнь рожденный даром.
Пришла пора, и тьма покрыла дом
И келию, и душу, как угаром.

Невыносимый миг – последний в жизни час.
Последний лист березы облетелой
Дрожит перед концом, а мне опять стучат.
(Душе моя, того ли восхотела?)

Зловеща темнота, и не дождаться дня,
Душа моя заходится от крика:
– Спаси меня, спаси, Создатель, от меня,
Услыши мя безгласного, Владыко!

О, Цвете Чистоты, Скорбящая о нас,
Превысшая небесных воинств высших.
Не оттолкни мене, шепчу повинный аз,
Взыщи мене, Взыскание погибших.

Душе моя, благослови Христа,
Мы живы по мольбам Отроковицы.
Забрезжил день, сокрылась темнота,
И за окном поют, ликуя, птицы.

21 июля 1989 г.
п. Кярово

* * *

„Приидите, ублажим Иосифа
приснопамятнаго...“

Одеяйся светом, яко ризою,
Наг стояше на судилище,
И в ланиту ударение
Воcприят от рук, Создателю.
Беззаконные же людие
Бога Славы ко Кресту приби,
И завеса вмиг церковная
Разодрася сверху донизу,
И померче солнце, не терпя,
Зрети Бога досаждаема.

Иисусе, Свете Истины,
Поклоняемся Страстем Твоим,
Твоему долготерпению.

„...В нощи к Пилату пришедшаго
и Живота всех испросившаго...“

Днесь на древе висит Праведный,
Землю на водах повесивый,
И венцем, венцем от терния,
Облагается Царю царей.
В багряницу одевается,
Одеваяй небо облаки.
Принимает заушение
Свободивый человечий род.
Пригвоздися вольной волею,
Прободеся копием Жених.

Иисусе, Свете Истины,
Поклоняемся Страстем Твоим,
Твоему долготерпению.

„...Даждь ми Сего Страннаго,
иже не имать, где Главы подклонити...“

Ныне плачет Церковь Божия,
Жениха во гробе видяще,
Днесь Невесте не утешиться
Словесами утешения.
Возрыдай и ты, душе моя,
Осуди себя заранее.
Сам Спаситель по земле ходил,
Не имея где Главы склонить,
И в тебе, треокаянная,
Не нашел упокоения.

Иисусе, Свете Истины,
Поклоняемся Страстем Твоим,
Твоему долготерпению.

„...Даждь ми Сего Странного,
Его же ученик лукавый
на смерть предаде...“

Онемела человеча плоть,
Суету не помышляюще.
Где вы, ищущие Истину?
Днесь во гробе полагается.
Правда Божия поругана
Человеческою правдою.
Пеленами повивается
Умерщвленный целованием.
О, душе моя, душе моя,
Бегай льстивого лобзания.

Иисусе, Свете Истины,
Поклоняемся Страстем Твоим,
Твоему долготерпению.

22 июля 1989 г.
п. Кярово

Камни святых алтарей

Оскверниша Завет возлюбившие роскошь.
Изолгались пророки, ублажая царей,
И в безумьи бреду, на углах-перекрестках
Спотыкаясь о камни Святых Алтарей.

О, поруганный град, ты погиб не сего дня.
Где твой праздничный шум, твой возвышенный вид?
Уклонялся весь день от свидений Господних,
Потому и лежишь, только ворон кружит.

О, низложенный град, обиталище ветра,
Где былая пора прежней славы земной?
Взяты в пóлон князья, возвеличися недруг,
Кто ходил в багряницах – одеялся в гной.

Просят смерти себе истомленные гладом,
Руце жен милосердных свариша детей.
И огонь пояде основания града,
А спасенных от пламени меч пояде.

Где ты, мати моя, не твоя ли утроба
Воскормила меня для юдоли земной?
Лучше б мне нерожденному сделалась гробом,
Чем на пепел взирать, что плывет надо мной.

Онемела душа, от печали ослепла,
И рыдаю рыданьем, поникнув главой.
Напоиша мя скорбью, насытиша пеплом,
Пощади отступивших, Создателю мой.

От лица Твоего сердце таяше воском.
Умоляю за всех, не взирая горе́,
И в безумьи бреду, на углах-перекрестках
Спотыкаясь о камни Святых Алтарей.

27 июля 1989 г.
п. Кярово

В минуту скорбную сию...

Погребальное

Упокой, Господи, всех от века
скончавшихся православных христиан.
Упокой, Господи, и мою окаянную душу,
когда я оставлю этот мир,
ибо некому будет за меня молиться.

В минуту скорбную сию
Прости меня, Господь,
Что я сегодня отпою
Свою живую плоть.
И да не будет мне виной
Безумие мое.
В местах, где лечь мне суждено,
Никто не отпоет.

Не завезут из этих мест
В церковные врата.
Ведь там один лишь только крест –
Созвездие Креста.
Ну, а пока я расчешусь,
Умоюсь в роднике,
Соборным маслом освящусь,
Зажгу свечу в руке.

Поклон глубокий положив,
Расстанусь с суетой,
Открою на исход души
Канон ко Пресвятой.
Тоской предсмертною объят,
Твержу, твержу, как стих –
Избави, Радосте моя,
От прежних дней моих.

Я все обеты преступил,
Неправде послужив,
Одну лишь истину открыл,
Что даром жизнь прожил.
И даже истины одной
И той не понести –
Прости меня, Создатель мой,
За все меня прости...

Ночь развела густую тушь,
Сосною заскрипев,
Мою последнюю мечту
Исполнив на себе.
Никто у Бога не забыт,
Никто не сирота.
Всех неотпетых озарит
Созвездие Креста.

27–28 июля 1988 г.
п. Кярово

* * *

Что нужно для спасения? Немного.
Блажен, кто в этом малом преуспел,
Чтоб ты, душе, не забывала Бога
И к людям относилась, как к себе.

Возможно ли сие без покаянья,
Возможно ль покаянье в суете?
Благословим же ныне расстоянье
От близких и неблизких – всех людей,

Я видел: даже псы склоняют главы,
Забыв на время долг собачий свой,
Отыскивая нужные им травы,
Чтоб исцелиться этою травой.

Они уходят молча, воровато,
В леса, поля – подальше от людей,
Чтоб после, появляясь виновато,
В глаза хозяйкам весело глядеть.

Душе моя, и мы на расстояньи
От городов и деревень живем,
Отыскивая травы покаянья
В уединеньи пёсием своем.

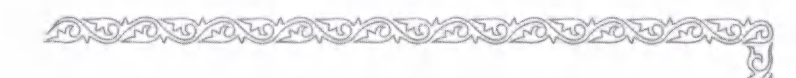
Наденет лес ночное одеянье.
Душе моя, нам хорошо вдвоем,
И я благословляю расставанье,
Лобзая одиночество свое.

28 июля 1989 г.
п. Кярово

* * *

„Несть свят, яко же Ты,
Господи Боже мой...“
Днесь приступих аз грешный
К Владыце моему.
Не смею взирати,
Токмо молюсь, глаголя:
„Даруй ми, Боже, разум,
Да плачуся дел моих горько“.

О человече,
Что спишь, бездумне?
В лености время губишь,
Помысли житие,
Но обратися
К Богу с покаяньем
И возрыдай
О делех твоих горько.

О Мати Света,
Божия Мати.
В час моея молитвы
Голос услыши мой,
Дьявольской сети
Не предай мене,
На покаянье настави,
Да возрыдаю горько.

„Христос моя сила,
Бог и Господь“.
Путь зде лежит широкий,
Угодный творити сласти,
Но горько будет
В той последний день,
Егда от тел
Души разлучатся.
О человече,
Сохранись от сих,
Царствия ради
Твоего Владыки.

Како не имам
Плакать, рыдаше,
Смерть помышляя злую,
Плоти госпожу.
Видев во гробе брата
Моего лежаща,
Что убо чаю
И на что надеюсь?
Токмо подай ми, Боже,
Прежде конца покаянье.

30 июля 1989 г.
п. Кярово

* * *

Наброшу мантию свою,
Свечой лампаду затеплю я,
И воздохну, как воспою:
Аллилуйя.

Взывайте Богу моему,
Уединение целуя.
Свеча разгонит в келье тьму.
Аллилуйя.

Слова святые, как печать.
И я шепчу у аналоя:
– Спаситель, зри мою печаль.
Аллилуйя.

Ночная птица за окном
Кричит тревожно, гибель чуя,
Но я твержу, твержу одно:
Аллилуйя.

Душе моя, душе моя,
Не возропщи в годину злую.
Да пощадит нас Судия.
Аллилуйя.

31 июля 1989 г.
п. Кярово

Припади, душе, к Отроковице...

* * *

Припади, душе, к Отроковице,
Пред Ея иконой воздохни.
Тобой душа моя живится,
Вонми, не оттолкни.

Пред иконой кроткая лампада
Напояет душу тишиной.
Моя Нечаянная Радость,
Услыши голос мой.

Радуйся, Надеждо безнадежных,
Радуйся, Рожденная сиять.
Тобой да оправдится грешный,
Да оправдаюсь я.

Смотришь молчаливо, без укора,
Благодарно пред Тобой стою.
Покрый пречистым омофором
Святую Русь мою.

31 июля 1989 г.
п. Кярово

* * *

О смерть! Невыносим твой зрак,
Душа мятется в исступленьи,
Предчувствуя кромешный мрак,
И тщетно молит – дай мгновенье.

Увы! Мгновенья не дано.
Последний вздох, последний выдох.
О смерть, кому не суждено
Оставить все свои обиды?

И побрести. Куда, куда?
Навстречу пламени иль стуже?
И велий плач и теснота
Обымут трепетную душу.

И злые бесове, тесня,
Несут грехов рукописанье.
О Боже, сохрани меня,
Дай пред кончиной покаянье.

Когда безжалостной рукой
Смерть не подаст и мне мгновенья,
Пусть „со святыми упокой"
Мне пропоют не в осужденье.

31 июля 1989 г.
п. Кярово

* * *

Во многом знаньи – многая печаль.
Ветхозаветной мудрости не внемля,
Оставил я свой радостный очаг,
Чтоб оглядеть нерадостную землю.

О, хрупкость человеческого я!
Всё с рождества стремится к умиранью,
Познал я ныне бренность бытия
И изнемог от этого познанья.

О, горечь запрещенного плода,
Ты сердце отравила ненароком.
Кого винить, когда мои уста
Тебя впитали ароматным соком.

И понял я, что людям не взлететь,
Что мир обволокла иная сила,
И пожелал тогда увидеть смерть,
Но смерть меня тогда не посетила.

И я лежал, взывая в темноте,
В прохожей тени ожидая друга.
...И плюнул кто-то, проклиная темь,
Споткнувшись о протянутую руку.

25 марта 1990 г.
п. Кярово

* * *

Отошли от меня, отошли от меня до единого,
Говорящие мне... впрочем, что поминать их слова?
И плыву в никуда обреченною, рыхлою льдиною,
Обгоняя в пути торжествующие дерева.

Ледоход, ледоход, наконец-то оковы разрушены,
Замутнели ручьи, полноводней река, что ни день.
И застряну в кустах, чтобы ночью под звездное крошево,
Схоронясь ото всех, растворяться в холодной воде.

И не станет меня, и река не замедлит движения,
Разольется вовсю, затопляя чужие края.
Одинокий олень, лобызая свое отражение,
На коленях губами коснется души моея.

12 мая 1990 г.
п. Кярово

* * *

На чужой сторонушке
Рад своей воронушке.
Сторона постылая,
Все кругом не так.
Сяду я на бревнышко,
Опустив головушку,
Ну, покаркай, милая,
О родных местах.

Крах, крах – слышу в ответ,
Крах, крах – Родины нет.
О родной стороне
Больше песен не петь,
О родной стороне
Только каркать-хрипеть.
Я в дырявом ватнике.
Сапоги – кирза.
И крыло стервятника
Стегает по глазам.

Выйдя за околицу,
Мать вдогонку молится.
Сколько мною пройдено,
Впрочем, что о том?
Вспоминая давнее,
Слушаю подавленно
Словно голос Родины –
Голос из кустов.

Каркает воронушка
О моей сторонушке.
Тяжесть несусветная
Пению под стать.
Где ты, детство славное,
Что дало мне главное:
Словеса заветные –
Бог, Россия, мать.

Крах, крах – слышу в ответ,
Крах, крах – Родины нет.
О родной стороне
Больше песен не петь,
О родной стороне
Только каркать-хрипеть.
Я в дырявом ватнике,
Сапоги – кирза,
И крыло стервятника
Закрыло мне глаза.

Май 1990 г.
п. Кярово

* * *

И снова я один, как дерево зимой,
Метель кусты сугробами завалит.
Пока еще дрожит листок последний мой,
Но знаю я: и он меня оставит.

Ну что ж, лети, лети на белый мех,
Быть может, хоть себя от дум избавишь.
Отныне я познал, что ты вернее всех,
Но что мне от того, коль отпадаешь?

Оставит ночь к утру звериные следы,
И волчий вой замрет перед рассветом.
Нет и листа на мне, какие уж плоды,
Душа, как в иней, саваном одета.

И той порой, холодною порой,
Еще студеней будет от разлуки.
И ты, и ты, и ты уж не со мной,
К кому теперь протягивать мне руки?

Но как бы я не мерз, но как бы я не стыл,
Весенний дух коснется, оживляя.
И отряхну тоску, и новые листы
Зашелестят, отпавших поминая.

8 июня 1990 г.
п. Кярово

* * *

И коснется меня боль обмана,
Все на свете собою затмит.
И откроются старые раны,
И душа зазнобит, зазнобит.

Я не стану искать утешенья,
Зачеркну и друзей, и мечты.
И мои неземные мученья
Не отымет никто, даже ты.

Затворю я певучие ставни
И зажгу восковую свечу,
С этой болью пред Господом встану,
Мытаревы слова прошепчу.

Боже, милостив буди ми, Боже,
Всепрощенье Свое помяни,
В скорбный час, непомерно тревожный,
Чуждый дух от меня отжени.

И отыдет тогда боль обмана,
Будет вечер и светел, и тих.
И закроются старые раны,
Словно ставни на окнах моих.

13 июня 1990 г.
п. Кярово

* * *

Пел соловей, ах, как он пел,
И тишина ему внимала.
Как я хотел, чтоб он допел
О том, что не начать сначала.

А он свистал весь день и ночь,
А он выделывал коленца,
Как будто мне хотел помочь
Хотя б немного отогреться.

И плыл туман живой водой,
Стога, стога в тумане плыли.
И даже звезды песне той
Небесным отраженьем были.

А воздух травами пропах,
И я стоял в преддверьи рая,
А он трещал в своих кустах,
Людскую славу отвергая.

Я понимал: настанет тишь,
Луна застынет горьким комом.
Ты улетишь и прилетишь,
Но пропоешь уже другому.

14 июня 1990 г.
п. Кярово

* * *

Белая ночь приготовила ложе на Псковщине,
Белая ночь соловьям не дает отдохнуть.
Белая ночь поглядела на луг недокошенный,
Чтоб и самой, разметавшись на травах, уснуть.

Белая ночь воскурила туманами легкими,
Клочья тумана, паря, с облаками слились.
Белая ночь отпустила в пределы далекие
Думушки горькие; стой, созерцай и молись.

Из-за тумана деревья как будто подвешены,
Белая церковь особым напевом звучит.
Все под луною великим затишьем утешено,
Все под луною Творца прославляет в ночи.

18 июня 1990 г.
п. Кярово

* * *

Я пойду по земле, оскверненной обманом,
По росистой траве прямо в облачный дым,
Остужая головушку в горьких туманах,
За собой оставляя пустые следы.

А к полудню роса, как всегда, испарится,
И следы, уходящие вдаль, пропадут.
На рассвете вскричит одинокая птица
И напьется холодной росы на лету.

Я не стану взывать к торопливым прохожим,
Чуждый мир в невеселых глазах усмотрев.
Вечерами порой тишину потревожит
Светлой грустью своей колокольный напев.

И застанет гроза где-то в поле под стогом,
Засверкает вовсю, загремит в парной день.
И, крестом осенясь, помолчу я пред Богом,
Подставляя лицо леденящей воде.

И промокну насквозь, и отыдет усталость,
И просохну потом от объятий грозы.
Слава Богу, за все, за блаженную малость:
Солнце видел и я в отраженьи росы.

22 июня 1990 г.
п. Кярово

* * *

А к сырой земле не прижаться мне:
Мать сыра земля в гари-копоти.
И сижу один меж седых камней
Рядом с гибелью, возле пропасти.
Надо мной кружит одинокий гриф,
Видно, хочет попробовать падали.
Птица черная, проглоти свой хрип.
Скоро-скоро тебя я порадую.

По мне уже прокаркали
Вороны, вороны,
И за спиною шаркает
С косою гостья скорая.

Погляжу вперед – холодеет лоб,
Под моей стопой – воды рваные,
Оглянусь назад, и тотчас озноб:
– Ох ты, гостьюшка нежеланная.
Что-то я хотел, что́ теперь о том?
И зовет к себе пропасть-хищница,
И хватаю воздух я жадным ртом,
Впрочем, кто пред смертью надышится?

По мне уже прокаркали
Вороны, вороны.
И за спиною шаркает
С косою гостья скорая.

Как могильный крест распластался гриф,
Высоко взлетел, даль окидывая.
Ради падали в небесах парит, –
Высота твоя незавидная.
Облака плывут, в облаках покой,
Над хребтами забылись мечтательно.
Отчего ж, душе, в красоте такой
Ощутил себя мертвечатиной?

По мне уже прокаркали
Вороны, вороны.
И за спиною шаркает
С косою гостья скорая.

Похоронщик мой на валун слетел,
Чуть крылом меня не касается.
За спиной моей набелилась в мел
Ненасытная раскрасавица.
Я за все свое получил сполна,
И у пропасти взял за правило:
Не глядеть на дно, а испить до дна.
Укрепи меня, Боже Праведный.

Напрасно, знать, прокаркали
Вороны, вороны.
И за спиной не шаркает –
Ушла в другую сторону.

26 июля 1990 г.
п. Кярово–Лисьё

* * *

И так всегда. Под шорох листопада
Несет листву студеная вода.
И вот уже осенняя прохлада
Готовит землю к зимним холодам.

Застыл октябрь, прощаясь и прощая.
И этой невеселою порой
Своим нутром повсюду ощущаю
Твое кровоточащее нутро.

Не уберечь и даже не исправить,
Не понести страданья без вины.
Опомнись, осень, можно ли кровавить
Себя за легкомысленность весны?

Умерь свою карающую совесть,
Не кайся до последнего листа.
Но ты идешь, идешь ногой босою
По лезвию изломанного льда.

6 августа 1990 г.
п. Кярово

* * *

Осенний день окутала дремота,
Плывет листва у самых берегов.
Закат коснулся бритвы горизонта
И окровавил пену облаков.

Да разве только небо окровавил?
Заполыхал, зарделся мир земной.
И сосны, состраданья не скрывая,
Закату вто́рят кровью смоляной.

Моя пора, погибель золотая!
Ты и меня засыпала собой.
Стою один и молча наблюдаю,
Как ты листвой отряхиваешь боль.

Потом дождями прошлое оплачешь,
Покажешь покаянья глубину.
И безответно, полностью оплатишь
За лето и далекую весну.

И даже оправдаться не посмеешь,
Пойдешь босой с залатанной сумой.
А для себя оставишь только мелочь
На саван, приготовленный зимой.

7 августа 1990 г.
п. Кярово

* * *

Ты говоришь, скривив лицо в страданьи,
Что мир погиб в неправде и во зле.
Но если уж Христа, Христа продали,
То что не продается на земле?

От панагий до разовых салфеток,
От украшений до могильных плит.
Всем под луною вертят так и этак,
И только покаянье устоит.

Со всех сторон одни и те же фразы,
С амвонов и трибун похожий стиль,
Проказа же останется проказой,
На чьем бы теле ни пришлось цвести.

И берег левый вряд ли станет правым,
А берег правый... впрочем, суть ясна.
Зачем мудрить, зачеркивая здравость?
Что общего – за исключеньем дна?

И пусть толпою лжепророки бродят,
В погонах или рясах – все равно.
На дне соединенье происходит,
Но горе вам, спешащие на дно.

8 августа 1990 г.
п. Кярово

* * *

Без Бога нация – толпа,
Объединенная пороком,
Или слепа, или глупа,
Иль, что еще страшней, жестока.

И пусть на трон взойдет любой,
Глаголющий высоким слогом.
Толпа останется толпой,
Пока не обратится к Богу!

8 августа 1990 г.
п. Кярово

Колыбельная

Осенний месяц, тих и ласков,
Нас до утра постережет.
Дитя мое, закрой же глазки,
Поспи покуда без забот.

Я сказки сказывать не мастер,
И убаюкать не смогу.
Так пусть тебе приснится счастье
На том, на взрослом берегу.

Ты скоро станешь понемногу
Учиться топать по земле.
И, может быть, познаешь Бога,
И то, что мир лежит во зле.

Отыдет месяц, ты проснешься,
Ну, а пока прильни к груди.
Не раз падешь и разобьешься,
Все впереди, все впереди.

И в кровь разбитыми устами
Не умоляй прохожий люд.
Ты встанешь, непременно встанешь,
Иначе по тебе пройдут.

Нет-нет, мой ангел, спи спокойно,
Да сохранит Господь в пути.
Горит лампада пред иконой,
И только счастье впереди.

Ты подрастешь, ты возмужаешь,
Лицом – хоть на стену приклей.
И не увидишь, не узнаешь
Ни дурдомо́в, ни лагерей.

И верный верностью до гроба
Друг руку помощи подаст.
Твоя веселая зазноба
Тебя, конечно, не предаст.

Ты никогда не станешь плакать,
Не повстречаешь грязь и ложь,
И потому, не зная мрака,
Ни разу бритву не возьмешь.

И так до самого погоста
Пройдешь, душой и телом здрав,
В уединении коросту
Не будешь отдирать от ран...

...Куда-то месяц закатился,
Оставив звездочку одну,
Прости, мой милый, я забылся,
Я сказку новую начну.

...Ты бросил мир и стал духовным,
Чтоб умолять за свой народ.
Но знай, духовное с греховным
По жизни рядышком идет.

Давай, с пеленок разбирайся,
Не то до облак вознесут.
И белым клобуком украсят,
И в депутаты изберут.

Так почивай же до рассвета,
Греха не знающий малыш.
Всего достигнешь в жизни этой,
Но в Правде вряд ли устоишь.

Все будет пущено на ветер,
В душе – мамона и тоска.
Дитя мое, нет хуже смерти
От жажды возле родника...

...Кусты царапают о стекла,
Усни, дитя мое, усни
И наша звездочка поблекла,
И мы теперь совсем одни,

14 августа 1990 г.
п. Кярово

* * *

Мой белый храм. Прискорбен час прощанья.
В последний раз, перекрестясь на Крест,
Почту тебя минутою молчанья
И навсегда уйду из этих мест.

Блаженный край. Покой и утешенье.
Я выжил в одиночестве твоем,
Где все мои потери и лишенья
Ты заглушил уменьем соловьев.

Отшельникам и аистам отраду,
Я обойду, забыв скуфью в руке,
Бревенчатую келью за оградой,
Сторожку, что стоит невдалеке.

За кладбищем по доскам обветшалым
Шумящую речушку перейду.
Спущусь правее, постою устало,
К источнику святому припаду.

Журчи, журчи, не знающий печали,
С самозабвеньем славящий Творца.
Омой скорей, разлуку облегчая,
И голову, и руки чернеца.

...Ну вот и все. Я оглядел дубравы,
Луга, поля – забытый всеми край.
И в тон листвы (случайно ли кровавой?)
Шепчу одно: – Прощай. Прощай. Прощай.

24 августа 1990 г.
п. Кярово

* * *

Я умру, но только б не сейчас:
Не готов, хотя довольно пожил.
Вот и гибель сзади у плеча,
Но пока еще помилуй, Боже.

Я умру, но только бы не здесь,
Не в больничных суетных палатах.
Для меня, надеюсь, место есть
Средь берез в медсестринских халатах.

Я умру, но только бы не так,
Тотчас став мишенью многословья.
Упаду в заброшенных местах,
Положив накидку в изголовье.

Светлые, склонитесь надо мной,
Восшумите, с ветрами отпойте,
Золоченым саваном-листвой
На прощанье путника покройте.

И глаза не парой пятаков –
Тою же листвою освежите.
Благодать, неведомый покой...
Мир тебе, последняя обитель!

Ничего еще не попрошу,
Никого во зло не помяну я.
Буду слышать отрешенный шум,
Облетелой рощи Аллилуйя.

12 января 1991 г.
Санкт-Петербург—Лисьё

* * *

Пожалей, дорогой, пожалей
Все кругом, до последней былинки.
Мудрость Божия здесь, на земле,
Познается не только в великом.

Ничего не растет просто так,
Потому не сломай без потребы
Одиноко торчащий сорняк,
Прославляющий землю и небо.

Лунный воздух и млечную сыпь
Вобрала, засветясь золоченым,
Обреченная капля росы
На последнем листе обреченном.

Листопада сокрытая боль,
Под покровом зимы затихает...
За тебя, дорогой, и с тобой
Все живое, томясь, воздыхает.

И грустит под Полярной звездой
Дольний мир, и в погибель несется...
„Первый мир был потоплен водой,
А второй для огня бережется".

Так склонись, молчаливо склонись,
Пред судами Творца в покаяньи.
Помолись, дорогой, помолись,
Да замедлит Господь с воздаяньем.

23 января 1991 г.
Лисьё–Печоры

Дом печали

Врачам ВМА

Дом печали, дом печали,
У Невы стоящий дом,
Поместили, откачали
Впрочем, что теперь о том?

Помню чаек, помню купол,
И еще, как в полутьме –
Вечера снежили скупо,
Возвещая о зиме.

В зарешеченном проеме,
По простому – у окна,
В темном, дымном водоеме
Стыла полная луна.

Там изрядно подлечился –
Тишина, покой, режим,
Там я кровушкой умылся –
Что поделать – заслужил.

Там чуть было не отчалил,
Да взмолился – не готов.
Дом печали, дом печали,
У Невы стоящий дом.

Доктора, шприцы, таблетки...
Горе-память, отвяжись.
Дом печали. Небо в клетку...
И такое тоже – жизнь.

2 марта 1991 г.
Лисьё

* * *

Не разрывайте Истину на мнения.
Вы скажете, – отчасти правы все?
Но это полнолуние осеннее
Не отразить мерцающей росе.

Ах, это отражение отчасти,
Мерцанье, не колеблющее тьму.
Отчасти кем-то познанное счастье
Не даст Блаженства в вечности ему.

Святая Вечность – Богооткровенье...
Безвременность. Бескрайность. Полнота.
Мы и Тебя меняем на мгновенье,
На жизнь, на миг летящего листа.

Как жаждет изнывающий от солнца
Водою освежиться за труды.
Но брызгам долгожданного колодца
Не заменить колодезной воды.

Нет ничего на свете окаянней
Неполной правды, в ней всегда обман,
А капля оживает в океане,
И гибнет, оставляя океан.

О, неделимость Истины Превечной,
Премудрость и Препростость бытия,
Почто дробит Тебя дух человечий
Безумством человеческого я?

Любое отраженье – искажение,
Любое осуждение – не суд...
Не разрывайте Истину на мнения,
Взгляните на дрожащую росу.

15 марта 1991 г.
Санкт-Петербург

* * *

Э, дорогой! А мы уже приехали.
Стеною снег, дороги замело.
Спешили, вишь, отмеренными вехами,
Надеялись, а все ж не пронесло.

Недаром отговаривал с поклонами
Хозяин постоялого двора.
Лежали бы на лавках, под иконами,
Иль самовар меняли б, как вчера.

Ну, ничего, авось к утру уляжется –
Хотя нам до утра не дотянуть,
В такую пору вряд ли кто отважится,
Разыскивая нас, пуститься в путь.

Родные есть? Жена, детишки малые?
Вдова, конечно, горюшка хлебнет.
Я, слава Богу, ни на что не жалуюсь,
Меня давно никто уже не ждет.

Не пропивать меня друзьям-товарищам,
Не выть жене, глаза понаслюня.
И детям у последнего пристанища
Гурьбою не оплакивать меня.

Оно, конечно, кто там виноватее,
Но, просто так судача, не во зло,
Любую бабу не поставлю с матерью...
Прости, коль и тебе не повезло.

Ты не гляди, я завистью не маялся,
Обижен не был Богом и людьми.
Жил, как умел, а ежели не справился –
Продашь коней, а деньги – на помин.

Лошадушки самой судьбой подарены,
Не подводили, только и всего.
Я ладил и с евреем, и с татарином,
И не стыдился Бога своего.

На жен чужих с гармоникой не зарился,
У шинкаря рубахи не пропил.
Чтил седину и первым в пояс кланялся,
Социалистов, правда, не любил.

Эх, завертелась юность верхтормашняя,
Как этот снег, аж душу леденит.
Прости, Господь, за все мое вчерашнее,
Прости и ты, и Бог тебя простит.

Ну и погодка, светопреставление!
Так отродясь в России не мело.
Лошадки загрустили без движения,
Стоят и только дышат тяжело.

Возьми тулуп, устройся поудобнее,
Молись, родимый, чтоб буран затих.
А если ждет кого-то место лобное,
Уж лучше мне, покаявшись, взойти.

Э, дорогой! А мы уже приехали.
Стеною снег, дороги замело.
Спешили, вишь, отмеренными вехами,
Надеялись, а все ж не пронесло.

21 марта 1991 г.
г. Печоры

* * *

Страх Господень – авва воздержания,
Воздержанье дарит исцеление.
Лучшая поэзия – молчание,
Лучшее молчание – моление.

Лучшая молитва – покаяние,
Покаянье тщетно без прощения.
Лучшее пред Богом предстояние –
В глубине высокого смирения.

Я забудусь в таинстве молчания
Пред иконой чудной – УМИЛЕНИЕ.
Да очистят слезы покаяния
Высшую поэзию – моление.

28 марта 1991 г.
г. Печоры

* * *

Прелесть – уклонение от Правды
В помышленьях и делах – во всем.
Прелесть в этой жизни ходит рядом –
С фарисеем, но не с мытарем.

Прелесть по наружности святая,
Но смиренья ей не понести.
Из одной в другую попадаем,
Чтобы третью встретить на пути.

Если ты уже в ее тенетах,
В прелести себя не сознаешь.
Прелесть, как земля у горизонта,
И рукой коснешься – не дойдешь.

Прелесть не скупится на причуды,
Все в чужом обличье предстает.
Если ж кто признал себя прельщенным,
Тот обрел свободу от нее.

30 марта 1991 г.
г. Печоры

* * *

Возжада́ла душа приобщиться из Чаши моления,
Затворилась от всех, от непрошеных помыслов, чувств.
Затаилась во тьме, испросила слезами прощения,
И, смирясь до зела, приступила к Искусству искусств.

И в священном безмолвьи, узнав приближенье
Желанного,
Позабыла мольбы, чем готовилась Гостя принять.
Воспарила душа, ощущая в себе Несказанное,
И истаяла в Нем, не успев даже слова сказать.

1 апреля 1991 г.
г. Печоры

* * *

Сомненье – чадо маловерья.
Оно искусно в словопреньи,
Оно внушает велегласно,
Что все старания напрасны...
Зачем стучать? Никто не примет.
Зачем искать, терпя лишенья?
Идущему грозит паденье.
Куда идти, и кто подымет?
Совсем не падает лежащий,
И вообще безгрешен спящий...

Остановись, пророче лгущий!
Одна есть Правда – Правда свыше...

И отверзается толкущим,
И обретает тот, кто ищет.
Почто злорадствует лежащий,
Он – постоянное паденье.
И где проснется ныне спящий,
Уж не во сне ль его спасенье?
Страданья скорби – каждый знает –
Терпеньем душу очищают...

И я шепчу, теряя силы,
Кровавя скользкую дорогу:
Вода стоячая – трясина.
Благословен, идущий к Богу.

4–5 апреля 1991 г.
г. Печоры

* * *

Как я стремился к иноческой доле!
Увы, увы! Подъять ея не смог.
Попрал обеты вольно иль неволей.
Да судит Бог.

Меня всегда влекло уединенье,
Но жил в миру, который не отверг.
И это раздиранье-раздвоенье
Вещало мне: – Ты ветхий человек.

Я и не тек в заоблачные выси –
И на земле не всякий устоит,
Шел напрямик, а ежели разбился,
Надеюсь, что Господь меня простит.

И верится, что по молитвам Старца
Изгладит не одну мою вину.
И слышится: – Реки, чтоб оправдаться,
И Я грехов твоих не помяну.

6 апреля 1991 г.
г. Печоры

* * *

Когда вода самозамкнется,
Прервав с источником общенье,
То вырождается в болотце,
Не замечая вырожденья.

Когда листва с дерев спадает
(Сия пора воспета музой),
Ее метелкою сметают
И величают словом „мусор“.

Когда пророк захочет сбиться
С пути, указанного свыше, –
Пророка обличит ослица
За то, что Бога не услышал.

О, Древо Вечное, Живое!
Источник мой, дышу мольбой,
Чтоб отпадающей листвою
Не оказаться пред Тобой.

6 апреля 1991 г.
г. Печоры

* * *

Земля – приют несовершенства.
Повсюду зрак неполноты.
Душе, взыскующей Блаженства,
Опасны здешние сады.

И потому она томится,
Изведав прелести мирской,
Желая тщетно прилепиться
К тому, что принесет покой.

Она забыла Назначенье,
Ниспала с чудной высоты,
Меняя Вечность на мгновенья,
Стирая Царские черты...

Не упокоиться Бессмертью
В сосудах смертных бытия.
...И мчит она в подлунном свете
Мечтой в небесные края.

7 апреля 1991 г.
г. Печоры

* * *

Ах, как я долго плыл
Без Кормчего и весел,
Болталась по волнам
Разбитая ладья.
Ни щепки под рукой,
И я́коря не бросить,
До дна, наверняка,
Достать мог только я.

Ах, как она ждала,
Холодная пучина.
Ах, как она звала,
Ласкаяся к бортам,
Но я с пеленок был
Великий самочинник,
Взирал на облака,
Ища спасенья там.

Вода прощала мне
Мое остервененье,
Когда пригоршней брал,
Вычерпывая вон.
Но я не принимал
Пучинного смиренья:
Не окажись ладьи –
И смерть со всех сторон.

Молился ли тогда?
Наверное, не помню.
Глядел за горизонт –
Бездумно, просто так.
Но Парусник пришел,
И я тогда не помер.
Пристанем ли теперь?
...И снег, и шторм, и мрак.

10 апреля 1991 г.
г. Печоры

* * *

День скорби моея! День очищенья!
Ты поразил собой иные дни,
Оставив мне взывать в уединеньи –
Илú, илú, лимá савахфанú![1]

Ты обнажил, наставниче суровый,
Ложь человечу, бренность бытия.
И на суде молчание Христово
Явил душе, день Скорби моея!

26 апреля 1991 г.
г. Печоры

[1] Мф 27:46

* * *

Не судите о древе по листьям, отпадшим от древа.
Знать, не вовремя вам захотелось отведать плодов.
Если б каждый садовник зимой, руководствуясь
гневом,
Порубил дерева – мы б остались тогда без
садов.

1991 г.
г. Киев

* * *

Если б я не познал тайну Богообщения,
Повторил бы теперь, что не раз говорил, –
Я на этой земле не нашел утешения,
Знать, ее не для этого Бог сотворил.

Отовсюду печаль, отовсюду томление,
И рождается в муках дитя, вопия.
О, земная юдоль, о, купель очищения,
Смертоносна без Господа горечь твоя!

10 мая 1991 г.
г. Киев

Капля правды

Хотя и рядом, да не вместе
И грех, и святость столько лет.
Но капля Правды перевесит
Греховный мир – прельщенный свет.

А ложь над новым поколеньем
Восходит истиной, как встарь.
И хулит Бога в ослепленье
Из праха созданная тварь.

Увы, неправда не престанет
Собой вселенную питать...
И все же капля перетянет –
Пречудной силою Креста.

11 мая 1991 г.
Корецкий монастырь

Девятый вал

Кто не тонул, тот не молился.
Блажен, кто Господа призвал,
И в смертный час не усомнился,
Что Бог смирит девятый вал.

Ах, в синем море-океане
Смешались с пеной облака.
Одна бескрайность, все в тумане,
Ни маяка, ни островка.

Мой белый парусник-красавец
Был, как всегда, послушен мне
И, океана не касаясь,
Летел к желанной стороне.

И видел я, в полупареньи,
И здесь, и там, со всех концов,
Невдалеке и в отдаленьи
Самонадеянных гребцов.

Одни меня куда-то звали,
Маня с собой, входили в раж.
Другие в спину мне плевали
И говорили: – Он не наш.

Кто танцевал, кого тошнило,
Кто умирал, кто прикорнул.
А бесноватый у кормила
Куда-то руку протянул.

Он говорил, в себя поверив,
От страшной власти запьянев:
– Земля – она не только берег,
Земля не там, она на дне.

И так иное направленье
Провозгласил в безумьи он.
И мачту-Крест в одно мгновенье
Срубили, выбросили вон.

И воззывал – заре навстречу –
Тираном вскормленный певец,
Дырой пяти-шестиконечной
Пробили днище наконец.

И вот пробоиной-звездою
Потоком хлынула вода.
И этой гибельной водою
Расперло гибельно борта.

А муж, чей разум не был пропит,
Кричал напрасно, сквозь „ура“:
– Заткнем звезду! Она потопит!
И нас погубит, и корабль!

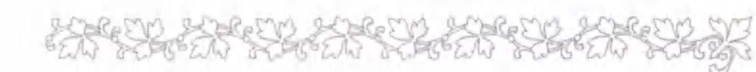
Ему, понятно дело, вняли,
Но, чтоб отбить охоту впредь,
Единодушно раскачали
И за борт бросили. На смерть.

Потом сбежались, наклонились
Увидеть, как пойдет ко дну...
Да не о том они молились:
На радость мне – не утонул.

Он у Креста застыл с надеждой,
Что кто-нибудь спасет от мук.
Вперед, мой парус белоснежный,
На помощь брату моему.

А вслед орали прямодушно:
Мол, кто не с нами – значит, враг.
Лети, мой парусник послушный,
Мне под звездой нельзя никак.

Но кто-то сзади изловчился,
И грянул выстрел мне в протест.
И я отчаянно вцепился
За ту же мачту, тот же Крест.

Погиб мой парусник нежданно,
Но речь теперь уж не о нем.
Мы оба в пене океана,
Держась за мачту-Крест, плывем.

Я ослабел, поник в невзгоде,
В полусознаньи клянчил пить.
А он шептал: – С Креста не сходят,
С Креста снимают, потерпи.

И я терпел с невнятным стоном,
Стремясь душой от этих мест,
И знал, и верил – не потонем,
Пока мы держимся за Крест...

Кто не тонул – тот не молился.
Блажен, кто Господа призвал,
И в смертный час не усомнился,
Что Бог смирит девятый вал.

18 мая 1991 г.
с. Лисьё

* * *

И обошли стороною
Некогда верные, что ж,
Разве замечено мною –
„Всяк человек – ложь?“

Правда сия сдавила
Словно венец тернов.
Впрочем, и *Это* было, –
Нет, этот мир не нов.

Он разделен на жертвы,
На палачей и зевак.
И ублажаю мертвых:
Их не предать никак.

Горечь сего ублаженья
Немощь мою выдает:
Кто не отверг утешенья,
Тот не для Бога живет.

И опускаю руки
В невыносимый час,
Да, дорогие други,
Я не святее вас.

Мне б затвориться, каясь,
Не отвечать на стук,
Но, никого не впуская,
Вдруг не открою Христу?

...Воды, взыдоша воды,
Мрак над моей главой...
Больно, душе? Да что ты!
Будто тебе впервой!

Боль растопчи и выбрось,
Следуй путем утрат.
(Много садов, но выбрал
Он Гефсиманский сад).

Не упивайся болью –
Прошлого не вернешь.
Был бы Господь с тобою,
Все остальное – ложь!

20 мая 1991 г.
г. Киев, Феофания

* * *

А Церковь – нечто более, чем мы.
Не высказать Ее надмирной сути.
Она – Источник, неподвластный мути,
Она – Надежда посреде чумы.

Единая Святая Церковь-Мать.
Род человечь забы о покаяньи.
Ликует враг. Напрасно ликованье:
Тебе одной Сиять и Побеждать.

5 ноября 1991 г.
д. Боровик

* * *

Ах, сеновал, мой сеновал,
Чердак, набитый до отказа.
Кто здесь ни разу не бывал,
Тот не блаженствовал ни разу!

Я залезал в душистый мрак,
Бросал сирень у изголовья,
Смотрел на небо просто так,
В минуты чудного безмолвья.

И там, далёко-далеко,
Обозревал огни Вселенной,
И было так легко-легко
Дышать и сеном, и сиренью.

Созвездья кроткие мои
И Млечный Путь в дрожащих блестках,
О, как вам пели соловьи –
Уста весеннего Рябчёвска!

И я восторженно внимал
Благообразию творенья...
Ах, сеновал, мой сеновал,
Мой первый скит благодаренья!

1991 г.
г. Печоры

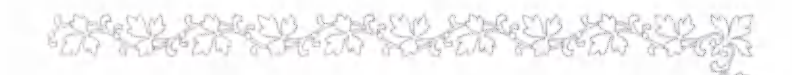
* * *

Тридцать семь – хорошее число.
До него не дотяну немного.
Впрочем, и за это Слава Богу.
Что грустить, хорошее число.

Изрекли светила приговор –
Медицина все на свете знает,
Но живу, однако, до сих пор,
Может быть, земля не принимает?

Пожил я, чего греха таить,
И такую истину взлелеял:
Умирать не в радость, да и жить
Тоже не намного веселее.

Слишком рано выстрадал ответ,
Не изгнав мучительную жажду,
И кромешный мрак, и Чистый Свет
Довелось увидеть не однажды.

И лукавых старцев лицезреть
Во святых обителях случалось.
Где была тогда подруга-смерть,
Что ж тогда некстати затерялась?

Утешенье! На кругу земном
Сквозь мои просачивалось пальцы.
Дом печали, мой желанный дом,
Принимал меня, как постояльца.

Жизнь моя! И грех и благодать!
Жизнь моя! Паденья и восстанья!
Слава Богу, я пришел страдать,
Находя отраду в покаяньи.

Тридцать семь – хорошее число.
До него не дотяну немного.
Впрочем, и за это Слава Богу,
Что грустить, хорошее число.

1991 г.
Санкт-Петербург

* * *

Прослыву на миру нелюдимым, угрюмым и гордым,
Схоронясь ото всех в заповедных пустынных местах.
Коль нельзя без молвы, именуйте меня кем угодно,
Оправданья излишни, зачем, все понятно и так.

Вы, конечно же, пра́вы – вы были такими и прежде,
Постоянство сие похвалю, но не в данный момент...
За окном листопад пред зимой расстилает одежды.
Я один... И темна под дождем облетелая ветвь.

1991 г.
г. Печоры

* * *

Я родился в ночь осеннюю,
Ежели не вру.
И ноябрь листву последнюю
Сыпал по двору.
Я лежал, орал по-страшному,
Показуя прыть.
Кто меня, скажите, спрашивал:
Быть мне иль не быть?

Как не плакал в своей люльке я,
Все не то в ответ.
Ну, к чему стоял, люлюкая,
Посторонний дед?
Отойди, тоска болезная,
Хватит, насмешил.
Лучше б что сказал полезное
Для моей души.

Что ж лампаду не заправили,
Руки коротки?
Помолились бы о здравии,
Бабы, мужики.
Так губенками синюшными
Умолял я сход.
Но заботами сивушными
Занят был народ.

Непонятливые родичи
Звякали стеклом,
И кривили ртами с горечи
За хмельным столом.
Ни лампады нет, ни ладана,
Свечи воск не льют.
Ах, изба моя неладная,
Ах, родимый люд.

Так познал еще с пеленок я
Горечь бытия.
Понял я, печаль зеленая –
Спутница моя.
Невеселое веселие,
Перегар и дым.
Ох ты, ночь моя осенняя,
Мокрые листы.

10 октября 1992 г.
Вихти, Финляндия

* * *

И Млечный Путь, и кроткий полумесяц,
И звезды, и вода, и эта тишь.
Все хорошо, что ж кормчий наш невесел?
Душе моя, душе, и ты молчишь.

Забыв о веслах, погрузился в думы,
Головушку руками обхватив.
В дорожке лунной челн застыл бесшумно,
Знать, не к кому и незачем грести.

Иль не тебе сейчас зазывно светит
Огнями одинокое жилье?
Но он глядит не на красоты эти,
А в отраженье черное свое.

А без надежды суетно движенье,
И прошлого никак не понести.
И наша жизнь – не только отраженье...
Греби, родимый! Есть куда грести.

Гони кручину, призывая Бога,
Остави отражение-тоску,
Под небом звездным лунною дорогой
Плыви к тому живому огоньку.

22 октября 1992 г.
Вихти–Каменец

Иерусалим

Иерусалим, Иерусалим,
Светлая моя мечта,
Иерусалим, Иерусалим –
Город моего Христа.

Он к тебе пришел, Богочеловек,
Исцеляя кротостью уст.
Не признав Христа – Господа отверг,
Потому твой дом пуст.

Иерусалим, Иерусалим,
Горькая моя мечта,
Иерусалим, Иерусалим –
Город моего Христа.

Иерусалим, не познал свой час,
Чая паче Истины ложь.
Коль Царя царей тернием венчал,
Так кого ж теперь ждешь?

Ночь зажгла огни, шум затих почти,
В ожиданьи дремлют холмы...
Он к тебе грядет, он уже в пути,
Богоборный князь тьмы.

Иерусалим, Город городов,
Колыбель былых слав.
Припади к Христу, Он приять готов,
Не помянет язв, зла.

Иерусалим, Иерусалим,
Горькая моя мечта,
Иерусалим, Иерусалим –
Город моего Христа.

23 ноября 1992 г.
г. Печоры

* * *

Вложил Грядущее в куплет,
Напел себе, наплакал.
Не напророчествовал, нет, –
Накликал и накаркал.

Бараки в нежилом краю,
В колючем огражденьи.
Я вспоминаю, узнаю
Места из сновидений,

И эти вышки, этот люд.
О, боль без состраданья!
И грязь, и мрак, насильный труд,
И грех без покаянья.

Зловеща будущая тьма.
Да сохранит Всевышний!
Тюрьма, дорожная сума,
И посошок нелишний...

Старинный русский городок.
Промозглой дымной ранью
Сидит у храма дурачок,
Канюча подаянье.

Нелепый вид, безумный взор,
Застыл, как бы в раздумьи.
Обманщик, льстец, блудник и вор.
Он заслужил безумье.

Смердит мочой и чесноком
Замызганная ряса.
(Читатель мой, ты не таков,
Пройди, не замарайся.)

Но, может, Бог его простит.
Бедняга поболеет
И, не закончив лучший стих,
В канаве околеет.

А люди, как всегда у нас,
Посудят, посмеются.
Но примет Милостивый Спас
Блаженного безумца.

Вложил Грядущее в куплет,
Напел себе, наплакал,
Не напророчествовал, нет,
Накликал и накаркал.

20 декабря 1992 г.
г. Каменец

* * *

Что за шум стоит? Далеко слыхать.
То ли чья-то казнь, то ль гуляние,
То ль заморский гость, то ли просто тать, –
Все волнуется в ожидании.

Вдруг раздался крик: – Осади назад!
Но стена зевак, как прикована,
И выходит Муж из темничных врат,
Все лицо в крови и исплевано.

Ноги спутаны цепью медною,
Руки скручены вкрест оборкою.
Повели Его, безответного,
К месту Лобному, месту горькому.

Скоморох прилип, как запечный клоп,
Грудь выпячивал забиякою,
Примерял колпак на разбитый лоб,
Корчил рожицы, в бубен звякая.

Благородный люд свысока глядел,
Чернь бежала следом и харкала.
А у Лобного судия сидел,
А у Лобного девка плакала.

– Ах, народ-народ, далеко зверью,
Что за радость вам в изгалянии?
Он мне душу спас, пролил в жизнь мою
Свет спасительный покаяния.

Но ее взашей: – Убирайся вон!
О себе реви, шелудивая!
И шипел народ с четырех сторон:
– Пожалела пса, тварь блудливая!

Купола во всю плавились огнем,
Но на них никто и не взглядывал.
Ведь такой помост, хоть пляши на нем,
И палач стоял, душу радовал.

И вели Того Мужа светлого
Даровать при всех долю черную,
И звенела цепь тяжко-медная,
И рыдала вслух тварь позорная...

Вот и все, мой друг, песня кончена,
Разве ж я напел что-то новое?
И слетела вмиг красным кочетом
Голова Того, непутевого.

С кем ты был сейчас, в ком себя узнал?
Иль с зеваками, аль с охраною?
Иль с блудницею голосил, рыдал,
Али в бубен бил мордой срамною?

Может, это ты шел за Правду-мать?
Ничего, что быль – дело давнее...
...Что за шум стоит, далеко слыхать.
Все волнуется в ожидании.

22 декабря 1992 г.
г. Каменец

* * *

Прощаюсь, не успев обресть.
Не странно ли? Не странно.
И, Слава Богу, время есть –
Не поздно и не рано.

Я и теперь не отыскал
Того, к чему стремился.
Стезя моя без родника,
Знать, плохо я молился.

Ах, этот путь, кого винить?
Одни коряги, ямы.
Не отдохнуть, не приклонить
Головушки упрямой.

И снова говорю – прощай,
Не простирая речи.
Благословляю Белый Край,
И тех, кого не встречу.

22 декабря 1992 г.
г. Каменец

* * *

Идем на смерть. И стар и мал,
С рожденья и до гроба,
Сходя по-разному с ума,
И каждый раз – особо.

Кому-то дальше, а кому
Уже совсем немного.
Кому удобней одному,
Кому с колонной в ногу.

Кто скоморошит, кто молчит,
Кто просто спит беспечно,
Кто изгибает спину, льстит,
И так шагаем в Вечность.

Кто упивается вином,
Кто тщетно ищет счастье,
Кто забавляется сребром,
Кто митрою, кто властью.

Мы дети странного пути,
Его конец – начало.
Идем на смерть, стремясь дойти
Во что бы то ни стало.

Любая даль – не самоцель.
Идут, чтобы добраться.
Так для того ли, чтоб в конце
В небытие сорваться?

Тому ж, кто смог перешагнуть
Земные утешенья,
И во Христе окончил путь
И смерть – приобретенье.

22 декабря 1992 г.
г. Каменец.

* * *

Какая ширь, и некуда бежать,
Повсюду ждут, и не к кому податься.
За все свое, несытая душа,
Я обречен, как Вечный Жид, скитаться.

Как холодно! И нечего одеть.
Пронизывают ветры – не укрыться.
И впереди – неужто только смерть
И эти злые неземные лица?

Иного я, увы, не заслужил.
Своею жизнью зачеркнул иное.
Прости, Господь, что так постыдно жил,
Простите все, обманутые мною.

Какие неуютные края!
Язычество и каинова гордость.
Земля моя, ты, как душа моя,
Таишь и благодать, и безысходность.

Осталось мне – скитаться по Руси
Без племени, без роду и без званья,
На папертях Пречистую просить
Испить от вод покойных покаянья.

24 декабря 1992 г.
г. Каменец

* * *

Наполняется скорбью душа, как вода темнотою
полночною,
Одинокой звезде так понятна моя неизбывная скорбь.
И сижу, и гляжу в черный омут порой неурочною,
И звезда подо мной над моей головой высоко-глубоко.

И лобзаю лобзаньем тебя, грусть-печаль несусветная,
И хлебаю взахлеб, то, что в юности сам замешал.
И камыш не шумит, и деревья стоят неприметные,
И до этой звезды лишь один только шаг.

Опускаю ладонь, размываю свое отражение,
И отходят круги, и волнуется свет голубой.
И в святые часы одиночества, изнеможения
Принимаю и пью, все, что послано свыше Тобой.

24 декабря 1992 г.
г. Каменец

* * *

В отчем доме, старом и заброшенном,
Сяду у окна, уединюсь,
Напитаю душу словом Божиим,
Предрассветной тишиной напьюсь.

Желтая смородина потянется
Ветками в раскрытое окно.
Все худое где-то там останется,
Светлое останется со мной.

Мать моя затопит печку русскую,
Заиграют блики на стене.
Треск поленьев деревенской музыкой
Отзовется с дремою во мне.

Заскрипят полозья деревянные,
Выбегу навстречу, наконец,
И краюху хлеба, долгожданную,
Топором отрубит мне отец.

И на ней, попыхивая искрами,
Оживут снежинки под луной.
Радость детства, чистую и близкую,
Я увижу в отчее окно.

Ледоход. Шумит, гудит Десна моя,
Крыги льда несет безумство вод.
Детвора, отчаянная самая,
От восторга прыгает на лед.

Следом я. И понесло стремительно...
Слава Богу, вытащил сосед.
Так познал я: не всегда спасительно
Безрассудно действовать, как все.

Много раз, и в юности, и смолоду,
Повторялся страшный ледоход.
Дно пихал и, обжигаясь холодом,
Натыкался теменем на лед.

Спас Господь! Не похоронен заживо,
Лед сошел, и отпустило дно.
И сижу, переживая заново
Жизнь свою сквозь отчее окно.

26 декабря 1992 г.
г. Каменец

* * *

А первый снег, а первый снег потает,
А снег второй, а снег второй сойдет.
А третий снег, а третий снег оставит
В душе моей нерадостный полет.

А первый дом согреет и отправит,
Мать перекрестит с отчего крыльца.
А дом казенный болью напитает,
А в третьем – коридоры без конца.

А первый друг о верности забудет,
А друг второй, увы, не так поймет.
А третий друг, конечно, не осудит,
Он просто не узнает и пройдет.

26 декабря 1992 г.
г. Каменец

* * *

Я к вам приду от северных земель
Запыленным, неузнанным скитальцем.
Ничто мне не напомнит о зиме,
В которой я не захотел остаться.

Вы слышите, мой говор непохож
На ваш язык певучий иль гортанный.
Я не таков, наверное, и что ж?
Я ненадолго, если и останусь.

Мети, мети, российская пурга,
Следы мои зализывая рьяно.
Земля иная под весенний гам
Покроет холм полынью и бурьяном.

Чужбинушка! Кто выдумал тебя?
И все же мне одно в тебе по нраву:
Не будут плакать родичи, толпясь,
У гроба, иль могилы, иль канавы.

Нет-нет, я не любитель куража,
Что за потеха выставлять проказу?
Напьется скорби, оживет душа,
Оберегаясь от чужого глаза.

Мети, пурга, освободи от дум,
Знать от себя уж никуда не деться.
Приду ли к вам? Наверно, не приду,
Под вашим солнцем мне не отогреться.

29 декабря 1992 г.
г. Каменец

* * *

Столько боли кругом, столько боли!
Горькородна вода бытия.
Только радости – вольная воля,
Да сомнительна радость сия.

И уже, как не думай, не охай,
Беспросветность не станет светлей...
...Я назвал бы Россию Голгофой,
Но Голгофа одна на земле.

29 декабря 1992 г.
Брест–Санкт-Петербург

Дому отца Леонида

Старый дом, хозяйка молодая.
Дерева полны вороньих гнезд.
Из окна, когда уже светает,
Купола, кресты в мерцаньи звезд.

Огород, река, луга – просторы.
Снег и лед – рождественский покров.
Все давно забытое, простое,
Словно в детстве оказался вновь.

Отлежусь, и снова в путь-дорогу,
Осенюсь крестом, и в добрый час.
И хозяйку, оставляя с Богом,
На молитве помяну не раз.

30 декабря 1992 г.
Брест–Санкт-Петербург

* * *

И посетил я град большой,
Безумный край.
Хотя для тех, кто мертв душой,
Он просто рай.

Асфальтом залита земля,
Куда ни кинь.
Одни бетонные поля,
Помрешь с тоски.

Ах, этот край, со всех сторон
Кромешный сон.
Но не почту я ваш бетон
Ногой босой.

Я старомоден, устарел,
Считать привык:
Любой асфальт за счет дерев,
За счет травы.

Сие открытие познав.
Я обомлел:
Идет последняя война –
Война земле.

Все начинается с травы,
И жизнь, и смерть.
Ах, если бы, ах, если б вы...
Но не успеть.

1992 г.
Санкт-Петербург

* * *

Отойди, отойди, грусть-печаль,
Не тревожь, не тревожь, я не твой.
Мне теперь в самый раз замолчать,
Не качая седой головой.

Улетучились думы мои,
И омылась душа тишиной.
Пусть о чем-то поют соловьи,
Я приветствую голос иной.

И сирень для меня отцвела.
Не волнует, как давеча, грудь.
Я свое на земле отжелал,
Утешенья не жажду ничуть.

Погребальное в цвете фаты
Старый сад неспроста усмотрел.
Все обман! Даже эти цветы.
Слава Богу, хоть к ночи прозрел.

Соловьи, умолчите на миг,
Что свистеть до утра без конца?
Я смирился, к утратам привык,
Обретаю в утратах Творца.

Улетучились думы мои,
И омылась душа тишиной.
Пусть о чем-то поют соловьи,
Я приветствую голос иной.

1 января 1993 г.
Санкт-Петербург

* * *

Еще не все объезжены места,
Не до последней выплаканы строфы.
И всюду – Лик Распятого Христа,
И всюду – продолжение Голгофы.

7 января 1993 г.
д. Боровик

* * *

И я любил. И был любим когда-то.
Но это слово без Христа мертво.
И чувствую пред теми виноватым,
Кого назвал отпадшею листвой.

О, годы! Врачеватели и судьи!
О, память – обличающий архив.
Приходят люди, и уходят люди,
И с ними добродетель и грехи.

И я любил... Что говорить... Повинен.
Но пламя чувств не расточило тьму.
О, годы-судьи, изреките ныне
Желанный приговор: – Быть одному!

7 января 1993 г.
д. Боровик

* * *

С малолетства я, как помнится,
К волюшке привык.
Уходил, аж за околицу,
Далеко во рвы.
Обходя жилье сторонкою,
Дымное жилье.
Полюбил я травы горькие —
Каждому свое.

О, края мои пустынные!
Ширь — куда ни кинь.
О, трава моя постылая,
Лебеда, полынь.
Я сидел в уединении,
Босиком, в пыли,
И дышал до опьянения
Горечью земли.

Знамо дело, черным по белу –
Пагубная страсть.
Жизнь потом меня сподобила,
Надышался всласть.
О, края мои пустынные, –
Некого винить.
О, трава моя полынная, –
Горечи не смыть.

9 января 1993 г.
д. Боровик

* * *

Уже не жажду исцеленья,
Хотя надежды не отверг.
Свои молебные прошенья
В молчанье скорбное облек.

И в храме, пред иконой строгой,
Склоняюсь, позабыв слова...
И вновь я не отринут Богом,
И вновь душа моя жива.

И, постигая смысл науки,
Не смею ни о чем просить.
...Учусь благодарить за муки,
А значит – Человеком быть.

10 января 1993 г.
д. Боровик

А мне в России места не нашлось...

* * *

А мне в России места не нашлось.
Такое, впрочем, не с одним бывало.
Не со времен ли óно повелось,
Не многих ли чужбинушка смиряла?

О Родина! Ты, как и мать, одна!
И потому не требую отчета
За ту свободу, что даешь сынам –
Свободу восходить на эшафоты.

Распятая! Ужели это ты?
Стою, на все взирая изумленно,
И узнаю в знаменах – лоскуты
Хламиды Иисусовой червленой.

Страна моя! Туда ли ты глядишь?
В земное тычут капризные пальцы.
И ты к земному – на погост спешишь,
В поводыри призвав христопродавцев.

Почто, от неба лик отворотив,
Позарилась на западные блестки,
И все свое родное осудив,
Рядишься в лилипутские обноски?

И потешая скопище раззяв,
Иное избираешь направленье...
Стезя чужая – не твоя стезя!
Чужой и не вместить твое стремленье.

О время! О смятенье без конца!
И стыд, и честь! Позорища и храмы.
Все выше, выше пьедестал тельца,
Все четче зрак насильника и хама!

И многие у гроба твоего
Хотят застыть в почетном карауле.
И злобствуют, не ведая того,
Что в слепоте на Божье посягнули.

Да судит Бог! Не указую нань.
Речь не о них. Не об иудах слово.
Кто пышет злобой – пожинает брань.
Все было ране, ничего не ново.

Россия-Русь! Куда б ты не неслась
Оборванной, поруганной, убогой, –
Ты не погибнешь! Ты уже спаслась,
Имея столько праведных у Бога.

11 января 1993 г.
д. Боровик

* * *

Я омою руки в Десне, в Десне,
Омочу свое лицо, лицо.
И, что было со мной не во сне,
Буду вспоминать потом, как сон.

Припаду к воде, на миг замру,
Будет солнце со дна играть, слепить.
Все как прежде, во мне и вокруг,
Только пену с висков не смыть.

11 января 1993 г.
г. Печоры

Рябчёвск

Рябчёвск! Рябчёвск! Безбожная дыра,
Одно в тебе достоинство – природа:
Холмы и рвы, мой захолустный край,
Где по весне до горизонта воды.

Десна-река! Я оживал в разлив,
И ты себя едва ли узнавала.
Когда б не лес, темнеющий вдали,
Наверняка бы в небеса впадала.

Так отчего, откуда эта боль –
Забытый храм без купола и свода?
Не потому ли мат и мордобой,
И перегар в любое время года!

Но самогоном не залить тоски,
Ей пребывать с тобою до издоха,
Пока твое богатство – бураки,
Да погреба, набитые картохой.

Кого винить? Ты сам себя попрал,
Оставил то, к чему всегда стремился,
И твой народ, дав испоганить храм,
В придаток огородам превратился.

Рябчёвск, Рябчёвск! Поруганная Русь,
Перечеркни свои грехопаденья,
И колокольным звоном поутру
Благовествуй земле о Возрожденьи.

16 января 1993 г.
Санкт-Петербург

Туман

Туман, туман, туман меня окутал,
Да только не дано ему согреть.
Туман, туман, туман все перепутал,
И без тебя дорог не рассмотреть.

Туман, туман, туман, плыву по полю,
Рукою раздвигая облака.
И травы тихо кланяются в пояс,
Когда к ним прикасается рука.

Туман, туман, туман покрыл просторы,
С лица земли стер отчий старый дом.
И на кресте могильном черный ворон
Глядится благородным сизарем.

Туман, туман, туман, и ты не вечен,
Еще чуть-чуть, растаешь, отдымишь.
Не потому ли в благодатный вечер
Росой живою на листах дрожишь.

20 января 1993 г.
Санкт-Петербург

* * *

Я сегодня уже не усну,
Разве это с тобой не бывает?
Мокрый ясень глядит на луну,
Под луною чему-то внимает.

Утомился и он на ветру
Различать невеселые лица,
И ему нелегко на миру,
Отрешаясь, в молитве забыться.

Было время, и он зеленел,
Слушал птиц, принимал хороводы,
А когда облетел-оскудел –
Усмотрел письмена Небосвода.

Без листвы он смертельно озяб,
Но обрел откровенье столетий.
И скользит, запоздало слезя,
Пятерней по стихирам созвездий.

Мне сегодня никак не уснуть,
Всколыхнула пора оскуденья...
Мокрый ясень глядит на луну,
Правит Богу всенощное бденье.

29 января 1993 г.
г. Каменец

* * *

За все приходится платить.
Блажен, кто здесь свое оплатит.
Все должники, кого винить
За маету в темницах плоти?

Никто Творцом не позабыт,
И я помянут в мирозданьи:
Все чаще в келии гостит
Ее Величество Страданье.

Иных гостей не жду, не вем:
Боюсь, не верю, недостоин,
Не отверзаю двери всем
Зевакам, ищущим застолий.

А эту – призываю сам
В глухом своем уединеньи,
К Распятью устремив глаза,
Благодарю за посещенье.

Особа Царская моя!
Прискорбно мне твое молчанье,
Но мнится втайне – Судия
Прислал тебя для оправданья.

И жаждет дух благодарить
За утешение в немногом:
Могу и я еще платить,
Приемля посланную Богом.

30 января 1993 г.
г. Каменец

* * *

Сеем рожь, а косим лебеду,
Непрестанно ищем виноватых.
Строим рай, а вертимся в аду,
Узнавая в ближнем супостата.

Словоблудьем залита земля,
Каждый норовит в Евангелисты
И к кормушке, дабы опосля
Самому свернуть с тропы тернистой.

Плоть ликует. Дух уничижен,
Суета перечеркнула Вечность.
И страну десницею чужой
Волокут злорадно на увечья.

Наши души, от тоскливых дум
Обессилев, примирились с ложью...
Потому и сеем лебеду,
Называя всеянное рожью.

31 января 1993 г.
г. Каменец

* * *

На кладбище покойно и привольно,
Не будит думы отрешенный звук:
Осколок лунный возле колокольни
Стрижет на землю жухлую листву.

Одна природа в Боге устояла –
Увы, род человечь ей не чета,
Она всегда Сотворшему внимала,
И в этом смысл летящего листа.

В торжественную пору увяданья –
Величие безгрешности кругом...
И, постигая тайны мирозданья,
Склоняюсь перед замершим листом.

31 января 1993 г.
г. Каменец

* * *

Не верьте говорящим: – Здесь Христос,
Пред Ним склонились и Восток, и Запад,
Целит народы, тих, длинноволос...
Господь придет, как молния, внезапно.

Вы слышали, восстанут лжехристы?
О них уже глашают лжепророки.
Безумцев воспевая, как святых,
Безумию торят пути-дороги.

О, человек! Каких высот достиг,
Христово заменив своим ученьем?
Коль Заповедь не в силах понести –
Не заменяй, – напьешься обольщенья!

Целителей сейчас – хоть пруд пруди,
Волхвуют над водою баснотворцы...
И только мнится: снова Он один,
Приемлет эту воду, словно оцет.

1 февраля 1993 г.
г. Каменец

* * *

Величье рек – в покое вод.
Покой – высокое отличье.
Несет река – не шелохнет
Свое глубинное величье.

И в этой полной тишине
Сквозит торжественная сила,
Что полумесяц в полусне
И Млечный Путь в ночи носила.

Не всем подобное дано,
Есть мелководные речушки,
Они за рябью прячут дно,
Скрывая тину и ракушки.

И люди гонят тишину
И призывают беспогодье,
Боясь узреть не глубину,
А собственное мелководье.

2 февраля 1993 г.
г. Каменец

* * *

Затворюсь, закроюсь, замолчу
В старом доме у речной излуки.
Упокоюсь от молвы чуть-чуть,
Напитаюсь досыта разлукой.

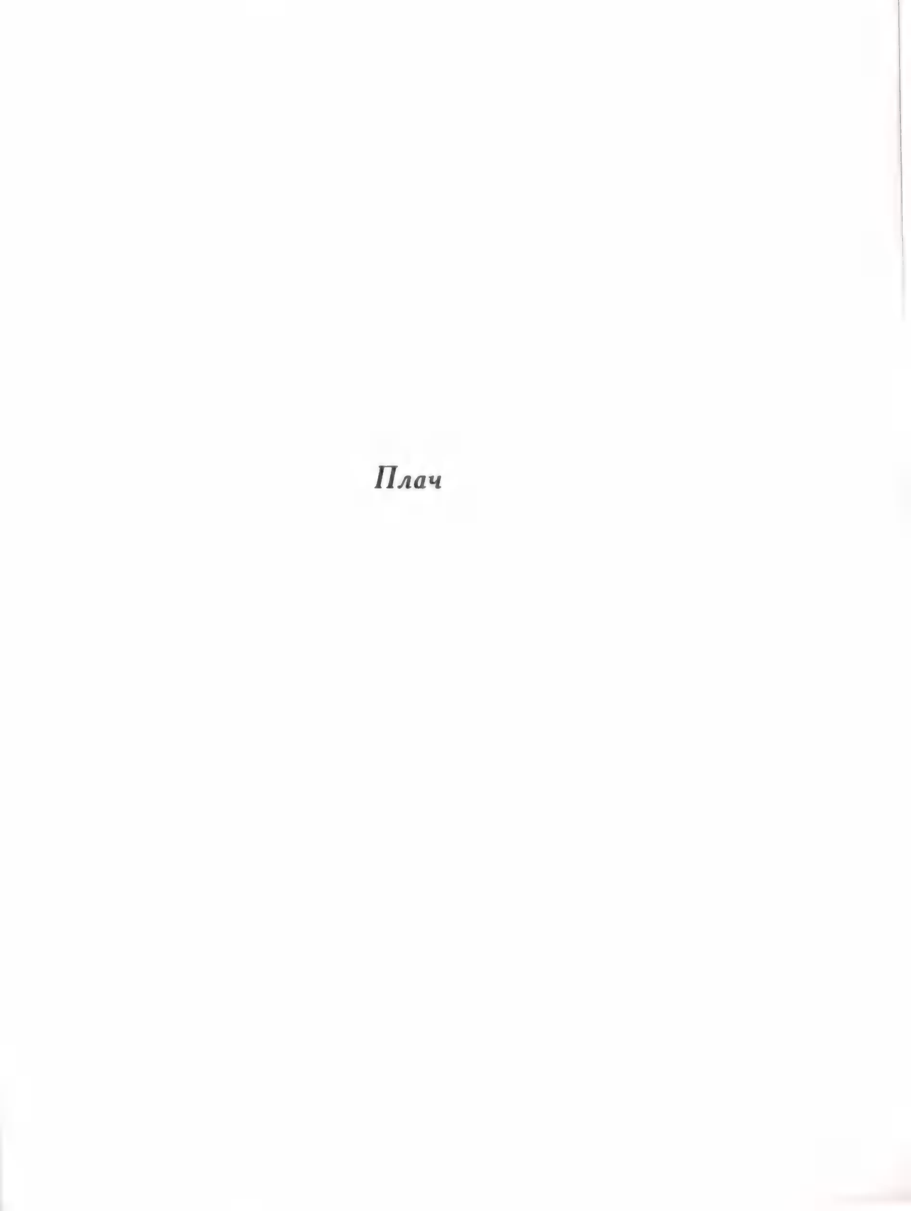
Нет меня. Забудьте обо мне.
Умер я! Кому какое дело?
Видно, вам пригрезилось во сне,
Что я жил и пел на свете белом.

Белый свет! Так отчего ж ты бел?
От висков, тобою убеленных?
Или есть еще мрачней удел –
Мир иной, геенной опаленный?

О сравненье – по сердцу ножом!
И в безмолвьи нет отдохновенья.
Белое и в белом не нашел,
Что ж за гробом жаждать просветленья?

О язык мой! Ропотом давлюсь,
Падаю крестом перед божницей.
Замолчу, закроюсь, затворюсь...
Только б со Христом не разлучиться.

9 февраля 1993 г.
поезд „Псков–Москва“

Плач

Плач

Ах ти тошненько, ох ти тошненько,
Белый свет мне совсем не мил.
Я осталась одна-одинешенька
Посреди крестов и могил.

Горе горькое повстречалося,
Ручки сложены на груди.
Я давно туда собиралася,
Что ж меня ты опередил?

Чем же я тебя так обидела –
Мать родимую позабыл?
Я бы все смогла, все бы вынесла, –
Пережить тебя нету сил.

Сыплет ветер в могилу листьями...
И меня покрой, забросай.
Ясноглазый мой, мой единственный,
Кто же мне закроет глаза?

19 февраля 1993 г.
г. Каменец

* * *

Ублажаю постигших разумение Правды.
Нет иного исхода за столько веков.
Вот и я на земле ничего уж не жажду:
Только в Боге нет боли, только в Боге покой.

Сколько раз я лежал на виду у прохожих,
Обмирал, в исступленьи взывая – *Прости!*
И тогда осознал, не кляня бездорожье,
Что *Найти* – полспасения, нужно *Дойти.*

Я кровавил тоской, постоянно теряя,
В ров отчаяния, неключимый, впадал.
Я еще не дошел. И дойду ли? Не знаю.
Но Надежды своей никому не отдам.

22 февраля 1993 г.
г. Брест

* * *

А жатвы много. Делателей мало,
Но кто же ты, стоящий у межи?
Иль своего душа не принимала,
Что ищешь зёрна в терниях чужих?

Тебе свое давно уже не мило,
Забыл о том, что все на нас войной,
И к той земле, которая вскормила,
Оборотился гордою спиной.

Да не умрешь голодной смертью, друже.
Остави нрав неверного раба...
Тот богослов, кто Православью служит!
Смирись – и ограждай свои хлеба.

25–26 октября 1993 г.
д. Боровик

* * *

Цвет голубой и цвет зеленый,
Что боле радости виной?
Иль тот небесный, отдаленный,
Иль этот близкий нам, земной?

Я разрывался в раздвоеньи,
В непостоянстве, как во зле,
Искал порою утешенье
То в небесах, то на земле.

Цвета, любимые доселе,
Причина тишины и бурь, –
Жизнеликующая зелень
И духоносная лазурь.

Душе! Едино на потребу!
Мимоходящим отболей!
...И снова радуемся небу,
Не забывая о земле.

13 февраля 1994 г.
Скит Ветрово

* * *

Надменный разум к Истине стремится,
Сомненье не вменяя ни во грош,
И то, что не вмещается в границы,
Немедля отвергает, яко ложь.

Определенье выше всяких Истин?
Оборотись, прельщенный, на сады.
Цена садам – не бормотанье листьев,
А дерева́ гнетущие плоды.

Но он не внемлет. Сам себе дивится,
Опять в мечтах куда-то унесло.
И жалкий луч, пронзающий темницу,
Слепи́т его безумное чело.

Надменный разум к Истине стремится,
Но без смиренья он – самоубийца.

14 февраля 1994 г.
Скит Ветрово

Святая ночь

* * *

Святая ночь! Блаженство и покой!
Стою один под куполом бездонным.
И Млечный Путь надмирною рекой
Несет себя к туманам отдаленным.

Ни ветерка, ни звука, ни души,
Снега, снега повсюду под луною.
Забытый скит. Свеча в окне дрожит.
Следы зверей, еще незримых мною.

Величие мертво без тишины,
Она таит пути Богопознанья.
Созвездия застыли у сосны,
Снежинки озаряя ликованьем.

Из этих мест до Вечности – рукой.
Ее дыханье за ближайшим стогом...
Святая ночь! Блаженство и покой.
Стою один. И сердце знает Бога.

14 февраля 1994 г.
Скит Ветрово

* * *

Хочу молчать, за всех и вся смиряясь,
Вбирать в себя целительную боль.
Не словоблудить, знаньем надмеваясь, –
Кровоточить безмолвно пред Тобой.

Язык мой косен. Спутаны напевы,
Любое слово ложью отдает.
Обвисли четки безнадежно в левой,
Но сердце чует, знает Твой приход.

Мое неутолимое Желанье!
Прими немое воздеянье рук.
Слова, понятья поглотит молчанье,
Лишь Ты и я, и никого вокруг.

О тишина! О мрак Богопознанья,
Затмивший жалкий человечий свет.
Истаял я от Твоего дыханья,
И изнемог: Тебя уж боле нет.

14 февраля 1994 г.
Скит Ветрово

* * *

Любая крайность – в пагубу дорога.
Как много говорящих обо всем.
...Мне жаль людей, не ведающих Бога,
И жаль людей, всезнающих о Нем.

О, богослов, в запретной выси роясь,
За мудрованье Царства не лишись.
...Кто после правды продолжает поиск,
Тот ищет лжи.

15 февраля 1994 г.
Скит Ветрово

* * *

Се Жених грядет в полунощи,
Ублажая ожидающих.
Недостоин унывающий,
Ожидание оставивший.
Сохранись и ты, душе моя,
Да не сном отяготишися,
Да не будешь смерти предана,
И вне Царства затворишися.
Воспряни, зовуще к Господу:
Свят, Свят, Свят еси, Создателю,
Богородицей помилуй нас.

15 февраля 1994 г.
Скит Ветрово

* * *

Не поминай ни хорошо, ни плохо,
Любая крайность выявляет ложь.
Душе нести до самого издоха,
Что прошлого, увы, не зачеркнешь.

Не осуждай, покрой мои увечья,
Больную птицу не брани за то,
Что не стремится с братией далече,
А смотрит на летящих из кустов.

Она и так наказана довольно:
Не зреть ей ныне теплой стороны.
С одним крылом, в отшельстве поневоле,
Ей только б выжить, выжить до весны.

Весна придет – Пасхальная предтеча,
И оживет, возрадуется мир.
И кто тогда напомнит об увечьи
Летящей вдаль над бранными людьми?

15 февраля 1994 г.
Скит Ветрово

* * *

Мой старый вяз, тебя уж нет,
А сколько зим, и сколько лет
У дома моего стоял,
Обрыв корнями охранял.

Я залезал к тебе в дупло,
Смотрел на рвы и на село.
За царской школой, невпопад,
В соломе, дранке крыши хат.

Под горкой Яковской вдали –
Десна или ее разлив.
И Брянский лес, и горизонт –
Не перечислить всех красот.

Мой старый вяз, ведь это ты
Дарил мне столько красоты.
Но как бы жизнью не служил,
Позднее больше удружил.

Пример особый, навсегда
Своею смертью преподал:
Тем, кто тебя четвертовал,
Тепло души своей отдал.

16 февраля 1994 г.
Скит Ветрово

* * *

Внимая Божьему веленью,
Его Десницей одарен,
Поэт приходит на мученья
В земной удел – Лифостротон.

Не воспевать земные краски,
Не восхвалять мятежный путь, –
Боренью ночи Гефсиманской
Открыть в уединеньи грудь.

Страданьем отзеркалив бисер,
Небесным отсветом сиять,
И с высоты Голгофской выси
К Творцу народы призывать.

Но здесь известные препоны
Чинит ему известный льстец,
Как судия Лифостротона
Дает лавровый свой венец.

– Прими! Мой долгожданный сыне,
Освободись ненужных пут,
Иначе славящие ныне,
Тебе иное поднесут.

Взглянул певец на подношенье,
Не сразу на него взглянул...
И в час великий искушенья
О Боге он не помянул.

И тотчас лесть коснулась слуха,
Как лист – мрачнеющего лба,
И сыновство Святого Духа
Меняет на ярмо раба.

Забыты прежние стремленья,
Во тьму направлены стопы,
И глохнет Божие веленье
В рукоплескании толпы.

19 февраля 1994 г.
Скит Ветрово

* * *

„День Смерти лучше дня Рожденья!“
О, Соломон, когда б изрек
Сие в последнее мгновенье, –
Словес твоих бы не отверг.

Кто умирал, тот разумеет:
Как не прискорбно житие,
Никто приблизить не посмеет
Мольбой отшествие свое.

Достойна плача доля наша,
И ты скорбями не забыт.
Но как ни горькородна Чаша,
Ее отъятие – мертвит.

О чем просить, о чем молиться?
Кто от удушья оградит?
...Дай Бог немеющей десницей
Не рвать рубаху на груди.

21 февраля 1994 г.
Скит Ветрово

* * *

А на этой земле никому не успеть,
Богатящийся много оставит.
Ублажаю тебя, сотаинница Смерть,
Ублажаю живыми устами.

Если Смерть избавляет от бо́льших утрат,
Если всяк пораженьем помечен,
Слава Богу, никто не вернется назад,
Слава Богу, никто здесь не вечен.

Все не наше кругом, все чужое окрест,
Не сродниться нетленному с тленом.
Вот и рвется душа из земных этих мест,
Тяготясь кратковременным пленом.

Загостилась она. Не пора ли домой?
Покаянье спровадит в дорогу...
У исхода явися, Хранителю мой,
Тих и радостен, буди подмогой.

5 марта 1994 г.
Скит Ветрово

* * *

Вся Россия стала полем Куликовым.
Ополчился ворог. Быть нам иль не быть?
Но не слышно клича Дмитрия Донского,
Некому Отчизну нашу защитить.

И зовут к покаянью перед вражьим мечом словоблуды,
И в князья норовят, кто в холопах седины стяжах.
Да разыдется тьма! Умолчите, иуды!
Бог не в силе, а в правде, правда в верных сердцах.

На земле родимой – Родина в опале.
Разгулялась погань – и просвета нет.
Где ты, Старче Божий, Сергие Всехвальне?
Под твоей десницей каждый – Пересвет.

Так подымем хоругви, помолясь крепко Богу.
И за Веру, за Русь станем все, как один.
Нет ни Сергия ныне, ни князя Донского,
Только образ Пречистой, да Спас впереди.

28 июня 1994 г.
Скит Ветрово

* * *

Нас куда-то несет в непроглядную темь,
И погибельным вехам не видно конца.
Ложь и Смута окрест. Обратитесь в детей!
Обратитесь в детей, и услышите голос Отца.

И зовут купола к неземной красоте,
Но толпе по нутру больше злато тельца.
И коснется ль кого? Обратитесь в детей,
Обратитесь в детей, и услышите голос Отца.

Так доколе себя хоронить в суете?
Пусть несут мертвецы своего мертвеца.
Заклинаю живых: обратитесь в детей,
Обратитесь в детей, и услышите голос Отца.

6 июля 1994.
Скит Ветрово

Памяти матери моей
монахини Зосимы.

Да претворится эта скорбь
И глас надгробного рыданья
В неизреченный Твой покой
Во гробе ждущей оправданья.

Ты взял Свое, возьми ж Себе,
Не даждь виновнику проклятья,
Новопреставленной рабе
Отверзи Отчие объятья.

Молю безропотной мольбой:
Всели ее в места прохлады,
Прими в Превечную Любовь,
Оставь на мне ее неправды.

Спроси с меня – не потому,
Что я смогу Тебе ответить, –
Уж лучше мне идти во тьму,
Чем той, что ближе всех на свете.

11 июля 1994 г.

Не сохранила Божье, не сумела...

* * *

Не сохранила Божье, не сумела,
И страстию, и гордостью дыша,
Поземленела ныне, почернела
Моя белообразная душа.

Потерянная драхма при дороге,
Священное достоинство в пыли...
Душе моя, воспомяни о Боге,
Слезя и плача, Спаса умоли.

...И посрамился вселукавый враг мой,
Поругана Тобою темнота,
Ты осветил потерянную драхму,
Сияя на подсвечнике Креста.

27 июля 1994 г.
Скит Ветрово

* * *

Великоросс! Какая высота
В одном именовании твоем!
Но помни, ты без Бога – сирота.
Ужели и теперь не сознаем?

Великоросс! Сорви с себя ярмо,
Заморский хлам, личины, бубенцы!
Доколь плутать? Иди стезей прямой,
Которой шли и деды, и отцы.
Святые наши деды и отцы!

Великоросс! Хулу и грязь сотри,
Охальников своих перешагни!
Пусть ад кругом! Россия – Третий Рим!
И соль земли, и свет! Молись! Храни!

Великоросс! Куда еще нас бить?
От головы до пят сплошная боль!
Решай, не медли, быть или не быть?
Кто на тебя, когда Господь с тобой?

10 декабря 1994 г.
Скит Ветрово

* * *

Две головешки жалобно чадили,
Но люди торопливо проходили.
Вдруг налетел случайный ветерок,
Взметнулись искры, ожил огонек,
И путник одинокий отогрел
Озябшие ладони на костре.

Присловица закончена уже,
Напрасно в ней выискивать усмешки:
Коль нету Духа Божьего в душе,
Талант и труд – простые головешки.

11 декабря 1994 г.
Скит Ветрово

* * *

Печерский инок (кажется, Мирон)
Перекрестился, глядя на иконы,
И стал молиться на грядущий сон,
Читать неспешно и творить поклоны.
Бесенка затошнило от старанья,
Сует под нос грехов рукописанье.
Послушник глянул – помутился свет,
Одна тоска, молитвы больше нет.
– О, этот грех! Да как я только мог!
А этот помысл? Ну, куда годится!
Да как такого только слышит Бог?
Да слышит ли такого проходимца?
Вскочил на ноги, к Старцу припустил,
Чтоб на уход отсель благословил.
С улыбкой молвил Старец: – Отдышись, –
И глянул на послушника с любовью. –
Сначала сам с собою умирись,
И умирятся Небо и Земля с тобою.

12 декабря 1994 г.
Скит Ветрово

* * *

А в отчий дом меня уже не тянет:
В других местах мои отец и мать.
Пока живу, язык мой не престанет
Молитвенно их души поминать.

Свободен я от сыновства земного!
Готов нести иное сыновство.
Светоприемлю у холма сырого:
Господь живых! Я без остатка Твой!

14 декабря 1994 г.
Скит Ветрово

* * *

Когда меня убьют – порадуйтесь со мною:
Я вымолил себе такой конец.
Пойду от вас иною стороною,
Где Дух Святый, и Сын, и Бог-Отец.

Исполните (прошу не без причины:
Прорифмовал монашество свое) –
Отпойте как простого мирянина,
Пусть остальное вьюга допоет.

Поставьте Крест, сиренью обсадите,
Простите стихоплету за грехи.
И, наконец, в молитву претворите
Из Вечности идущие стихи.

14 декабря 1994 г.
Скит Ветрово

* * *

А мне остался поворот, и только,
А далее – прямая и простор.
Обозревая мутные истоки,
Обозреваю устью приговор.

О, воды, воды! Бурные от века,
Не оправдает вас рассудок мой:
Кормили и поили человека –
И отпускали по миру с сумой.

И, разделив налево и направо
Две стороны, как друга и врага,
Текли себе, не мудрствуя лукаво,
Соединяя все же берега.

Река моя, душа моя, отныне
Не торопи движение воды,
Не потопляй последние святыни,
Не порушай остатние мосты!

15 декабря 1994 г.
Скит Ветрово

* * *

При слове „сорок“ что-то оборвалось,
Пошли под склон промоины, бугры.
А может, и дороги той осталось
Всего – обрыв.

О путь-дорога! Не проехать мимо,
Не обойти – ты всюду под ногой,
Бранима, ненавистна и любима...
Я не хотел бы шествовать другой.

Душе моя! Довольно посмешили,
Забыв Фавор, взирая на Парнас...
И все-таки скорбели о вершине,
Заглядывая в пропасти не раз.

Я вызвал нарекание в народе
То четками, то лирой на груди.
Но шел, как мог, и при любой погоде
Святошам все равно б не угодил.

Не мерил героические маски,
И грешен тем, что, на свою ж беду,
Кровавые и гнойные повязки
Стирал у проходящих на виду.

Здесь что-то от ущербности? Вы правы.
Но лучше в поношенье пребывать,
Чем смрад и гной тщеславно и лукаво
Нарядною рубахой прикрывать.

16 декабря 1994 г.
Скит Ветрово

* * *

Что во имя свое сотворил – беспощадно порушу
И, восстав поутру, побреду, умаляя молву.
Золотым омофором молитвы окутаю душу,
Огнезрачным венцом покаянья украшу главу.

Суесловие мира и прелесть его отметая,
Стану днем скоморошить и досыта плакать в ночи:
– Препояши меня целомудрием, о Пресвятая,
И вино очищенья Своею мольбой источи.

Напои, убели, оживи! Сотвори мя готовым,
Грехоплетство мое милосердно из сердца изгладь.
Начертай в нем навеки Сладчайшее Имя Христово,
О Пречистая Дево, молящихся Чудная Мать.

17 декабря 1994 г.
Скит Ветрово

* * *

Луна и снег. И шорохи вдали,
Искрят покойно липы вековые.
Окошки от мороза поросли
Невиданною, сказочной ковылью.

Обилие и полногласность звезд.
Мерцание, созвучное хваленью.
И необъятен, и безмерно прост
Подлунный мир в полночном просветленье.

Во всем – отображенье Красоты,
Свечение Немеркнущего Света.
И сердце тает, тает в эту стынь
Благодареньем Первому Поэту.

17 декабря 1994 г.
Скит Ветрово

* * *

Как древле преслушаньем Ева
Печаль живущим привнесла,
Так послушаньем Приснодева
Вселенней радость процвела.

Пресветлым Облаком, Благая,
Именовал Тебя пророк:
Дождем от края и до края
Сошел Всемилостивый Бог.

Но, Божью Милость попирая,
Забыв святое житие,
Лежу, потерянно взирая
На помрачение свое.

В напасти ввержен, окаянный,
Греховной сластию томим,
К Тебе взываю непрестанно –
Будь Заступлением моим.

Души порочной прегрешенье
Лечбою мудрой исцели,
Утиши ветхое стремленье,
Врагов спасенья устрели.

Нет сил ни плакать, ни молиться,
В делах любви и слеп и нем.
Взыщи Сама, о Всецарице, –
Иной Помощницы не вем.

20 декабря 1994 г.
Скит Ветрово

* * *

Блажен, кто, наполняясь тишиной
И внемля ей благоговейным слухом,
В обыденном постигнет мир иной –
Дыханье созидающего Духа.

В любой букашке и любом листе,
В мерцаньи звезд и на земле унылой,
Куда ни глянь – повсюду и везде
Таится Оживляющая Сила.

Царю Небесный, Ду́ше Всеблагий!
Тобой живится всякое творенье!
Пошли, да не похвалятся враги,
Лицу России Воду Обновленья.

22 декабря 1994 г.
Скит Ветрово

* * *

Настроясь на высокую волну,
Омыв уста от праздного глагола,
Я снова осязаю тишину
Под лунным убывающим осколом.

Как отрешенно-чутки дерева,
Не шелохнут Рождественской фатою.
Попыхивает инеем трава,
Перекликаясь с дальнею звездою.

Природа помнит звание свое,
К небесному подъемля человека.
Молчание зовущее ее
Восходит к Тайне Будущего Века.

О, Источивый Чудо-Бытие
В Любви Безмерной к суетному люду!
Ты создал Велелепие сие
И дал нам око радоваться Чуду.

Молчание овеяно Тобой,
И потому весь мир светоликует.
Кто говорит, что спит земля зимой?
О Милости она благовествует.

22 декабря 1994 г.
Скит Ветрово

* * *

Не утешаюсь тем, что вынужден оставить.
Какое в проходящем утешенье?
Скорбит душа во временном пристанье,
Источнике утраты и лишенья.

О Вечности скорбит, о Постоянстве!
Мятется дух, не находя покоя, –
Так пойманная птица без пространства
Глядит на небо, исходя тоскою.

Освободи! Открой ее темницу –
Расправить крылья в радостном паренье...
Земная жизнь – не клетка, мы – не птицы,
И все же – только в Горнем утешенье.

26 декабря 1994 г.
Скит Ветрово

* * *

Полоскают меня други ближние,
Убеляют старательно дальние.
Как бы ни было – может, выживу,
Да и выжил бы, если б оставили.
И залижет пурга беду мою,
Позакроет, что было вчера еще.
Сяду я за стол да подумаю
Пред своей свечой догорающей.

Ах, метель-пурга, хата выстыла,
Ни луны, ни звезд – тьма кромешная.
Я давно не жду неба чистого,
Я уже привык к небу снежному.
Дерева снегами загружены,
До земли дымящейся склонены.
И пути мои позавьюжены,
И следы мои похоронены.

Небольшая скорбь? Разумеется,
И она не навеки впишется.
Скоро, стало быть, развиднеется,
Но следы мои не отыщутся.
Не о том печаль – дело Божие,
Все покроется Высшей Милостью...
А свеча моя – с вашей схожая,
А моя уже задымилася.

29 декабря 1994 г.
Скит Ветрово

* * *

Как мы жили? Себя похабили,
Не искали другого метода.
Воровали, блудили, грабили –
Хлебанули мы, больше некуда.
Лагеря не считали карою,
На этапах по-разному тешились:
Кто картишками, кто гитарою,
Шумно дрались и тихо вешались.

Жен своих (если были) отвадили
И дома позабыли отчие,
Стаю волчью винили и хаяли
В том, что сами выли по-волчьему,
Волю вольную спьяну отдали,
Измеряли в карцерах метрами.
Согласились и стали уродами,
Несогласные стали жертвами.

Э, да что теперь. Жизнь протопали,
И винить-то особо некого,
Но, однако ж, крылами не хлопали,
Если сверху нам кукарекали.
И когда поколеньям выпало
Умиляться серпом и молотом,
Кривда в наши края и не рыпалась,
Не терпя голодухи с холодом.

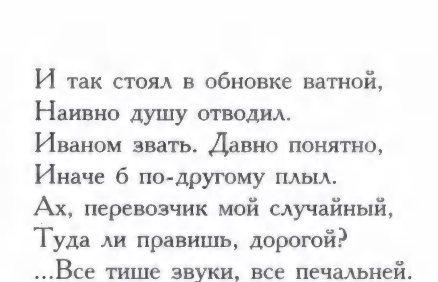
И пускай лизоблюды безродные
Распинателей Родины славили,
И в неволе мы были свободнее,
Потому как мы – не лукавили!
Бог лукавых не терпит – слышали?
Кто продался – уже не выстоял.
Ну, а мы не случайно выжили,
Веру в Высшую Правду выстрадав!

30 декабря 1994 г.
Скит Ветрово

* * *

Я проплывал на старой барже
Под колокольный перезвон.
Налево – люд, направо – башни,
А дале – чистый небосклон.
Мне говорил рыбак пропитый
О том, о сем – похоже, врал –
И головою непокрытой
Мое молчанье одобрял.

Кричал на ухо одесную,
Мол, окрещен, хоть нет креста.
Рукой, что помнит мать родную,
Иконку стертую достал,
И, показав, вложил обратно,
И замолчал, и закурил.
Болтало от волны накатной,
И он опять заговорил.

И так стоял в обновке ватной,
Наивно душу отводил.
Иваном звать. Давно понятно,
Иначе б по-другому плыл.
Ах, перевозчик мой случайный,
Туда ли правишь, дорогой?
...Все тише звуки, все печальней.
Вот и умолкло за спиной.

31 декабря 1994 г.
Скит Ветрово

* * *

Когда часы пробьют двенадцать,
Напоминая о былом,
Не торопитесь подвизаться
За шумным праздничным столом.

Не призываю к воздержанью:
Глухим призванья ни к чему.
Иная жизнь, иное званье, –
Дай, Боже, выплыть самому.

Но призадумайтесь, кто слышит,
(Все не убудет коньяку), –
И мальчик радуется лыжам,
Не зная, что свернет башку.

Но что слова? Гремит гитара,
И кто-то пляшет от души.
А новый год – брательник старым,
Давай, губерния, пляши!

А в пляске той – ан показалось? –
Веселости – на медный грош.
Что ж, хоронясь за разудалость,
Об пол ногой с тоскою бьешь?

Угомонитесь, в самом деле!
Гулянье катится к утру.
Ах, это бурное веселье,
Как говорится, не к добру.

Затихнут гульбища мирские,
Когда последнее допьют...
И если праздники такие,
То что же будни? Бедный люд!

1 января 1995 г.
Скит Ветрово

* * *

Похоже, осень возвратилась,
Последний снег прибрал туман.
И ночь на землю опустилась,
Как та египетская тьма.

Мир полунощный затаился,
Во мраке чая белый свет.
Стоит ветряк, отлопотился:
В моем Ветрове ветра нет.

И это – первый месяц года?
И это – первое число?
Погода – зеркало народа:
И по делам, и поделом.

1 января 1995 г.
Скит Ветрово

* * *

Видать, до гробового вздоха
Душой на перепутье стыть.
Мне хорошо, когда мне плохо,
Кого винить?

О, переменчивость природы –
То этот дождь, то этот снег.
Что клеветать на непогоду?
Она – во мне.

Не сам ли сеял у дороги?
Что ж от кручины издыхать?
Чего глазеть на злак убогий?
Готовься жать.

О, непролазное беспутье,
О, двоедушное нутро!
А роковое перепутье –
Как мир старо.

2 января 1995 г.
Скит Ветрово

* * *

Да будет все по милости Господней!
Что сотворим в теперешнем году?
Еще одно движенье к преисподней?
Иль покаяньем отвратим беду?

Грядущее отнюдь не осчастливит...
Кто ищет счастье в золотом тельце,
Наверняка последнее отымет –
Не нынче, так когда-нибудь, в конце.

Что впереди? Смятение, разруха?
Иль Божий гнев обыдет стороной?
Но вижу я – и ужасаюсь духом:
Несется Бледный Всадник надо мной.

Который Ангел протрубил вселенней?
Какая чаша пролилась на нас?
Ослепшее земное поколенье,
Не в этом ли году прииде час?

Все может быть! Жнивье давно готово.
Но верного – ничем не одолеть.
Кто разлучит ны от любви Христовой?
Ни теснота, ни нагота, ни смерть.

2 января 1995 г.
Скит Ветрово

* * *

Исполнился мой дом нечистоты и мрака.
Хозяин занемог и ночь зело темна.
Не потому ль вчера так безутешно плакал
Какой-то сирый птах у моего окна.

Ах, как он изводил тугою и томленьем,
Затронул, защемил раскаянной струной.
В чем горюшко твое, о чем твое жаленье,
Что надо мной пропел мой плакальщик ночной?

Я подошел к окну – дыханием горячим
Убрал причуды льда, узорную листву.
И вспомнил о Творце... Душа коснулась плача.
И тотчас замолчал нечаемый певун.

3 января 1995 г.
Скит Ветрово

* * *

Земное воплощенье чистоты,
Дыханье вод, божественный цветок.
О, лилия! Благословенна ты:
Из всех цветов тебя возвысил Бог.

Невинность, непорочность – всепокой.
Мой белый цвет, склоняюсь над тобой.
Ты беззащитна пред любой рукой,
Доверясь, как дитя, руке любой!

Я отплываю молча, не дыша,
Веслом волнуя зыбкие листы.
Хвала Творцу! Жива моя душа,
Пока еще взыскует Чистоты.

31 мая 1995 г.
Скит Ветрово

* * *

Изнемогая от потерь,
Взываю слёзною мольбой.
Не верь мне, Господи, не верь,
Непостоянен голос мой.

Подобно Лотовой жене
Пытаюсь кары избежать.
Спешу к желанной стороне,
Взирая, окаянный, вспять.

Прости меня, когда, молясь,
В земных поклонах бью челом,
Перебираю четок вязь
И стыну соляным столпом.

5 августа 1995 г.
Скит Ветрово

* * *

Горит свеча. Псалтырь на аналое.
Благословен молитвословья час!
Лобзай, душе, стояние ночное
Пред Образом Молящейся о нас.

О Чистый Цвет! Благоуханный Крине!
Земле Надежда! Небесам Хвала!
Сладчайшая Святейшая Святыня!
Не отступи, изгладь мои дела.

Потоком льется лунное свеченье,
Мир полуночный покаянно тих.
Твержу без слов, забыв о псалмопенье:
«Прости, прости, мне не к кому идти».

О Милосердный! В келии безлюдной
Ты дал блаженство мне не за труды.
Молчать и плакать пред Иконой Чудной,
Благоговеть до утренней звезды.

6 августа 1995 г.
Скит Ветрово

* * *

Земную твердь луна оголубила,
Голубизной природу напоив.
И мой забытый край не позабыла, –
Исходит светом возле лип и нив.

Подлунный мир сорастворился с вышним.
Куда не глянь – покой и благодать.
Таинственная ночь. Слова излишни.
Молчание ничем не передать.

Молчание всегда превыше слова,
И тайное – глубиннее, чем явь.
Внимай себе, коли душа готова, –
Приемли сокровенность бытия.

Безмолвие. Ни шороха, ни скрипа.
Торжественна мерцающая пыль.
Парит луна, раскинув крылья липы,
Парит душа, земное позабыв.

6 августа 1995
Скит Ветрово

* * *

Я пойду, где стоят корабли,
Поплыву просто так, в никуда.
От прекрасной, но чуждой земли,
По прекрасным и чуждым водам.
Под табачный угар и галдеж
Непонятно счастливых людей,
Я начну выковыривать ложь
Неустроенной жизни моей.

Буду я отрешенно глядеть,
Всем ветрам подставляя лицо,
Ощущая в такой красоте
На глазах своих влажную соль.
Каюсь я, не всегда собирал,
Не желая отнюдь расточать.
И теперь запоздало познал:
Много пел я – пора б замолчать.

Я старался держать по прямой,
Невзирая на сложность пути.
И таранил подчас головой,
То, что было б легко обойти.
И не знал, не хотел, не умел,
Как порою поладить с собой:
Иль соленым столпом каменел,
Или плакал кровавой слезой.

Я не ставил чины ни во грош,
Потому состоял в гордецах.
Высоко не летал, ну и что ж?
Но зато не ходил в подлецах.
И когда на всемирном торгу
Кто трухой, кто душой торговал,
Слава Богу, я не был в долгу:
Никого не купил, не продал.

Замерзая, пытался согреть
Теплотою озябшей души.
И готов был за всех умереть,
Не умея для каждого жить.
Я пресытился раем земным,
Надышался красотами всласть.
И душа исстрадалась одним:
В этом рае так просто пропасть.

Ах, какая луна поднялась
Развевать непроглядную темь.
И звезда, одиноко искрясь,
Говорит об иной Красоте.
Как давно, как давно я мечтал
Кроме звезд ни на что не взирать...
Я свое на земле отжелал,
Мне теперь бы свое отстрадать.

1–2, 21 ноября 1995 г.
Патмос–Афины–Ветрово

Господам лицедеям

Что есть правда, что ложь, господа лицедеи?
Чем таскать не свое, отвечайте – и дело с концом.
Что бы я ни пропел, вряд ли ваши ряды поредеют –
Это праздный вопрос к потерявшим лицо.

Ты в героях ходил: к сожалению, только на сцене.
Остроумьем чужим то и дело срывая хлопки,
Чем прославился сам, чем Отечеству ценен?
Знать, героем быть в жизни – совсем не с руки.

Ну, а ты потешал, в скоморошье вживаясь обличье.
Корчил рожицы всласть, не жалея своей седины.
Кушал хлеб шутовской и прославился до неприличья...
Лишь бы славы твоей не стыдились, взрослея, сыны.

А тебе чем хвалиться? Кафтан негодяя был впору.
И пришлась по душе эта новая гнусная роль.
Процветал в подлецах, был завистником, шулером, вором.
И кого ж обокрал ты? Себя – недостойной игрой.

О тебе бы молчать! Ты Офелию ныне сыграла.
Хоть сродни Клеопатре, но сцене позор – не в позор.
Не скорбит ли нутро, что его к чистоте приближала
Не твоя добродетель, а зрелый в неправде гример.

Как же вы, господа, жемчуг свой разменяли на блестки?
Или смерть не для нас? Иль она подождет на земле?
Что собрали душе, подвизаясь на этих подмостках?
Что вы дали бессмертной, раздирая на клочья ролей?

От себя не уйти, как бы рампы слепить не пытались!
Разве ваши партнеры уже не оставили вас?
Так побудьте собой, отыщите свое, что осталось,
Ведь еще предстоит повстречаться с душой без прикрас.

15 декабря 1995 г.
Скит Ветрово

* * *

Луна. Мороз. И никого вокруг.
Блаженная пора уединенья.
Благословляю воздеянье рук
В молитвенном полночном обновленьи.

Мне больше не осталось ничего.
Но эта малость – зримая подмога:
Быть одному. Размолвиться с молвой,
И понимать, что не отринут Богом.

Потрескиванье слабое свечи,
Лампады голубое угасанье.
Я постою, я помолчу в ночи,
Благодаря за светлое молчанье.

В моем окне, в единственном окне
Вовсю искрит студеное цветенье.
Как мало нужно и тебе, и мне:
Молчать пред Богом, опустив прошенья.

О чем просить? О чем еще жалеть?
Что умножать безумные глаголы?
...Несет упокоение земле
Дрожащая лампада за Престолом.

30 декабря 1995 г.
Скит Ветрово

* * *

Мой старый друг. Когда на склоне дня
Устану петь, сомкну глаза свои,
Запеленай в безмолвие меня,
Водою умиленья напои.

И положи, прошу, в сосновый челн,
И отпусти на тихое теченье.
Я поплыву, не мысля ни о чем,
Вручив себя Христову Всепрощенью.

О лилии! Не следуйте за мной.
Давным-давно я вами отнедужил.
Небесною, святой голубизной
Уврачевав мятущуюся душу.

Я не вернусь, я больше не вернусь.
Прощай, земля, и этот край болотный.
Как тесно жить в твоих просторах, Русь,
Одна утеха – умирать вольготно.

Безветрие. Неведомый покой.
Зеркальна гладь. Любвеобильны дали.
Пустынной, безымянною рекой
Плыву по небу, в Небеса впадая.

1 января 1996 г.
Скит Ветрово

* * *

Умирать в постели нам не светит.
Кто про что, а я опять про это.
Если убивают на рассвете –
Я жилец до первого рассвета.

И хотя считал я сны за бредни,
Высмеяв наивные приметы.
Как паломник ждет своей обедни,
Ожидаю своего рассвета.

Я приму любое обвиненье,
Лобызая строгость приговора...
Но пока, Господь, пошли прощенье
Ждущему рассвета из затвора.

2 января 1996 г.
Скит Ветрово

* * *

Жизнь прожить – не поле перейти.
Жизнь моя! Как будто и не жил!
Что-то я сегодня загрустил,
Стоя одиноко у межи.

Был я никудышным ходоком,
Падал, разбивался, ковылял.
Не припомню дня без спотыко́в,
Но одним доволен – не вихлял.

Никого локтями не толкал,
И не урывал кусок большой.
Да и что от этого куска,
Если все окончится межой?

Не скакал на белом скакуне
И не красил клячи в белый цвет.
Я любил при полной тишине
Радоваться молниям комет.

Отходил, отпа́дал, отследил.
Поле Жизни, я не твой, прости...
А лазурь такая впереди,
Что не жаль прошедшего пути.

16 января 1996 г.
Скит Ветрово

* * *

А зимний лес особенно торжествен,
Надмирен и величественно тих.
Сказать бы – уподобился невесте,
Но чистота сегодня не в чести.

Деревья преисполнились покоя,
Их не тревожит дятлов разнобой.
Как хорошо, оставив все мирское,
Придти сюда, побыть с самим собой.

Застыть на миг. Коснуться опушенья
Рукой благоговейною своей.
Благодарить за чудопревращенье,
За этот снег, что сыплется с ветвей.

И замолчать под пологом небесным,
Светлея запорошенным лицом.
И предстоять с собранием древесным
В великом аллилуйя пред Творцом.

21 января 1996 г.
Скит Ветрово

* * *

А завтра – Вознесение Христово.
Душа живет возвышенной волной.
Омоется туманами Ветрово,
Омоюсь я молитвою ночной.

Застыну перед Ликом на Убрусе,
Едва шепча молитвенный напев.
Благодарю, Сладчайший Иисусе,
За это чудо – пребывать в Тебе.

О, Благодать ночного Единенья!
О, Таинство, дарованное всем!
Приди и пей из Чаши Умиленья,
Сорастворись Божественной Росе.

Блаженна ночь, когда она – Христова.
Блаженно всё, что тянется к Нему.
О, Обещавый Духа Всесвятого,
Пошли и нам, да не отыдем в тьму.

22–26 мая 1996 г.
Скит Ветрово

* * *

Люблю смотреть на звездное скопленье
Под ликованье потаенных птиц,
И проникать в созвучное моленью
Свечение Туманного Пути.

И ожидать у нощи на исходе,
Когда луна над миром отпарит,
В зеленоватом ясном небосводе
Сиреневые полосы зари.

Отходит ночь. Богохвалебным ладом
Истаевает сотворенный лик.
И дышится, как плачется – отрадно,
От примиренья Неба и Земли.

23 мая 1996 г.
Скит Ветрово

* * *

О Сербия – ведомая к пропятью!
Лампада в окружении ночи.
Россиюшка! Не наши ль это братья?
Братушки сербы, что же мы молчим!

И ложь и зло со славою творится!
Не от кадильниц – от пожарищ дым.
О Сербии кричать или молиться.
Братушки сербы, что же мы стоим?

Рассвет.
26 мая 1996 г.
Скит Ветрово

* * *

Доколь искать пленительное счастье?
Что даст оно страдающей душе?
Разменивая целое на части,
Мы и в духовном плачем о гроше.

О, причитанья, полные лукавства –
О славе, чести, о богатых днях.
Имеешь Бога? Бог твое Богатство.
Ужель и с Ним ты все-таки бедняк?

Не удостоился ученых званий?
И вообще не знаешь ничего?
Ты знаешь Бога! Выше всяких знаний
Немеркнущая Истина Его.

И если уж достиг подножий Царских,
Забудь о рабстве, помяни родство.
Не мелочись, выпрашивая цацки,
Не оскорбляй Величие Его.

О, Милосердный! Припада́я долу,
Готов поклясться волею своей, –
Все отыми, пусти по свету голым,
Но только будь Одеждою моей.

Есть только Ты, все прочее излишне.
И Жизнь, и Смерть проходят суетой.
Возьми, что есть, и сродников, и ближних, –
Я при Тебе не стану сиротой!

Нужны ль дары скорбящему о большем?
Твоим Дарам Тебя не заменить.
Подай просящим, Милостивый Боже,
А мне с Тобою непреложно быть.

Утро.
26 мая 1996 г.
Скит Ветрово

Сиреневый рассвет

Ночное пенье многих оживило.
Закончу Службу, ощущая Свет,
Задую свечи, погашу кадило
И попаду в сиреневый рассвет.

Ликует мир, Тобою Сотворенный,
Благовествует радость бытия.
И птахи славословят антифонно
По знаку канонарха соловья.

И восторгаясь Богозданным Храмом,
Стою один у радостных ветвей,
Где липовым сладчайшим фимиамом
Кадит рассвет Премудрости Твоей.

26 мая 1996 г.
Скит Ветрово

* * *

Когда земля исполнится порока
И правый не отыщется нигде,
Пошлет Всевышний Своего пророка,
Дабы хоть кто-то спасся из людей.

И ты придешь, благовеститель Божий,
Посмешищем у сильных и шутов.
И твой народ, от ближних до прохожих,
Не облечется плачем и постом.

И побредешь скитаться одиноко,
Постясь и плача за погибший край...
О ты, напоминающий о Боге,
Не умолкай!

26 мая 1996 г.
Скит Ветрово

* * *

Ах, как птицы поют! Так в неволе не спеть!
Ублажаю тебя, Божье слово – Свобода!
Соловьи, соловьи! Я б хотел умереть
Под Акафист подобного рода.

Не ищите во мне злоязычества суть,
Кто ж меняет Творца на творенье?
Отложите пока человеческий суд,
Распахните сердца на мгновенье.

Так ликуй же, ликуй, непогоде на зло,
Окажи зде живущим услугу.
Совершай до утра прославленье без слов,
Призывай Благодать на округу.

Что вас ма́нит сюда из заморских широт,
Там гораздо сытней и красивей.
Или воля не та, или воздух не тот?
Знать, и вам не прожить без России.

Где ж вы, судьи мои? Я пред вами стою,
И готов головой заручиться,
Что, покуда у нас так пред Богом поют,
Ничего на Руси не случится!

29 мая 1996 г.
Скит Ветрово

* * *

Не омрачить бы ненароком совесть,
Не обрести злосилие в руке.
На Троицу в зеленую веселость
Я окунусь душой в березняке.

Не поломаю ветки ни единой,
Не трону животворные листы.
Я стану здесь родным, не господином,
Роднясь со всеми Духом Всесвятым.

Я надышусь березовым настоем,
И нагляжусь на чудо Торжества.
И радостью великою святою
Наполнит боготканная листва.

30 мая 1996 г.
Скит Ветрово

* * *

Всезнайства ослепляющие блики.
Безумен, кто идет по острию
И льстит себе, цитируя великих,
Их правду выдавая за свою.

Всезнайство говорит о мелководье,
О скудости несудоходных рек.
Слывущий мудрецом в простонародьи,
Что знаешь ты, о гордый человек?

Бог судит не по знанью – по смиренью.
Что наше знанье? – тягостный обман...
Господь взыскует нашего горенья,
А не потуг холодного ума.

Не потому ль так тянется прохожий
На огонек, светящийся в ночи.
...Огарок, но горящий, мне дороже
Большой непламенеющей свечи.

1 июня 1996 г.
Скит Ветрово

* * *

Царю Небесный! Творческая Сило!
Уте́шитель! Источник всяких благ.
Дух Истины, Который не вместила
Земля, не сотворенная для зла.

Ты подаешь просящим обновленье,
И напояешь души Красотой,
И призываешь вся к соединенью...
Кто слушает Тебя, о Дух Святой?

Иным, иным наполнены народы,
Оземленев, окаменев нутром.
И воздыхает о царях природы
Земная тварь пред Истинным Царем.

Одна она о вечном изнывает,
Всегда верша служение свое,
И, чая избавления, играет
Коленцами незримых соловьев.

2–3 июня 1996 г.
Скит Ветрово

* * *

Пойду за поля, в перелески,
Туда, где овраги и рвы.
Зароюсь в зеленые блестки
Березовой шумной листвы.

Внимая благому струенью,
Забуду и сан и лета.
И там задохнусь от волненья,
Лицом припадая к листам.

День Святого Духа.
3 июня 1996 г.
Скит Ветрово

* * *

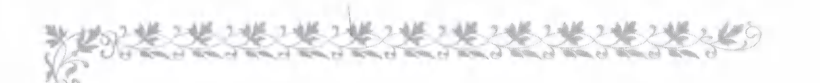
Я не ходил по жизни недотрогой,
Хоть изнывал под ношею Креста.
Я видел смерть – благодаренье Богу,
Омылся кровью – тоже не роптал.

Я понимал, за что мне наказанье
И, не вступая с Судиею в суд,
Как воду пил болезни, оплеванья,
Но милостей Твоих я не несу.

Царю Небесный! Всяк Тобой живится!
Не премолчи, душа моя слепа.
Не сто́ю я и малыя крупицы,
Что так смиряешь Своего раба?

Не утешай, Единственная Радость.
Познав Тебя, о чем еще жалеть?
Молю о горьком. Отыми усладу.
Оставь мне плакать на моей земле.

3 июня 1996 г.
Скит Ветрово

Молись, народ!

Мне говорят (уж эти богословы!) –
Господь один, да разные пути.
Пора забыть оплошности былого,
И вместе ко спасению идти.

Даешь любовь! Да здравствует терпимость!
Никто не прав! Никто не виноват!
Вне всяких вер над всеми Божья Милость!
Все хорошо, и Ангел бесу брат!

Несутся отовсюду кривотолки,
Кто, дескать, может Истину объять?
Мол, зеркало разбилось на осколки,
И наша цель – все заново собрать!

Лукавый люд! Почто блукать словами?
(Да сгинут Православия врази!)
Ведь зеркало, составленное вами,
Обезобразит, но не отразит.

О, древней башни новые прорабы,
Кому на пользу вавилонский лад?
Я и гроша за истину не дал бы,
Которую сплели из полуправд!

Неслыханное прежде ослепленье,
Подмен или измен угарный дым:
Величить отступленье просвещеньем,
Гордиться отступлением своим!

Охальники родимого порога,
Доколе околесицу пороть?
Да, Бог один. Откуда ж истин много?
Или уже не Истина – Господь?

А тьме и Свету – не соединиться!
Не прогадай, благовеститель лжи.
Коль издыхал у собственной пшеницы, –
Спасешься ли у сорняков чужих?

О, сеющие пагубное семя!
Не за горами воздаянья час!
Что широта, возлюбленная всеми?
Бог уготовал узкий путь для нас.

Экуменизм – постылая блудница!
Она душой о чадах не болит.
И дом ее со срамом разорится
Погаными, с кем пред детьми блудит.

О, кривовер! Не сам ли раздвоился,
Головушкой вертя по сторонам?
Иль позабыл? – Христос не разделился,
И вера благодатная – одна!

Молись, народ, о Чистоте радея,
От Храма Божьего не отврати лица.
Не отпадай, внимая блудодеям,
Но стой за Православье до конца!

12 августа 1996 г.
Скит Ветрово

* * *

Дорогие мои, это все!
Отовсюду хула и глумленье!
Нас теперь только чудо спасет,
Да хотим ли мы сами спасенья?

Где народ мой? Ау! Что со мной?
Я не вижу родимого люда.
Потому-то и правят страной
Подлецы, проходимцы, иуды.

Наши души пускают на слом.
Нам шипят, указуя на стойло.
И молчим, позабыв обо всем,
Все меняя на горькое пойло.

И не чуя особых утрат,
Мы таскаем чужие обноски,
И в припадках заходимся в лад
Жеребцам и кобылам с подмостков.

Окропить бы Крещенской водой
Одержимых безудержной корчью.
Русь моя! Боль моя! Что с тобой?
Кто навел эту тяжкую порчу?

Горе, горе над Русской Землей!
Разгулялись в открытую бесы.
Размелькались, под хохот и вой,
И рога, и копыта, и пейсы.

О народ мой! Довольно дремать.
Помолись перед Подвигом Богу.
Православная Родина-Мать!
Двери ада тебя не возмогут!

16 января 1997 г.
Скит Ветрово

* * *

Смири себя. И Бог тебя простит.
И у́зришь естество в ином звучаньи.
И Звездный мир и дол сорастворит
В непостижимом таинстве молчанья.

Молчание, зовущее горе́...
Великим ладом полнится творенье,
И в свете звезд, и в чуткости дерев –
Во всем я *узнаю́* Богоявленье.

Как *близок* Бог! Умом не разуметь.
Глаголом не коснуться дивной сути.
И только сердце не престанет петь,
Что Благ Господь! И Милостив! И Чуден!

19 января 1997 г., Крещение Господне.
Скит Ветрово

* * *

Дорогие мои! Что же мы натворили, наделали?
Опорочила все, растерзала Отечество гнусь!
Триединая Русь! Русь Великая, Малая, Белая,
Кто тебя разделил, неделимая Русь?

Отстрадали отцы, отошли во обители лучшие.
Нам бы Веру и Мужество их в искупительный час!
А братаясь вовсю с палачами безвинно замученных,
Попираем отцов-матерей, убиенных за нас.

Триединая Русь! Ты земное подобие Троицы.
И прискорбна душа за напо́енный ложью народ.
Возрождайся, ликуй перезвоном воссозданной звонницы,
Триединая Русь, Православный Оплот.

14 мая 1997 г.
г. Полоцк

* * *

Поревновав лукавой воле,
Я снова от Тебя отпал.
Доколе, Господи, доколе
Не наказуеши раба.

Вонми безумному моленью
Поверженного на краю.
Оставь другим долготерпенье,
А мне воздай по житию.

Не отымай Крестоношенья.
Познал я то, что не вместить:
Ты в силах воздвигать Прощеньем,
И Милосердием казнить.

24 мая 1997 г.
Скит Ветрово

* * *

Искусство. Творчество. Два брата-близнеца?
Да не прельстит вас пагубное сходство.
Один во власти падшего уродства,
Другой внимает Красоте Творца.

Двум Господам служить никак нельзя.
Искусство тешит ветхое творенье,
А Творчество взывает к обновленью.
Искусство – идол, Творчество – стезя.

Куда стезя? Отнюдь не на Олимп.
Служенье музам смертоносно многим,
А Творчество смиренное о Боге
Явит Адама первозданный лик.

21 октября 1997 г.
г. Санкт-Петербург

* * *

Не все, что движется – живет.
Не всякое ученье – впрок.
Не всяко сборище – народ.
Не всяк пророчащий – пророк.

1 января 1998 г.
Скит Ветрово

* * *

Не отмолить прошедшего пути.
Не оправдаться в Страшный Судный час.
О Ты, Пришедый грешников спасти,
От них же первый окаянный аз.

Я заковал в железо плоть свою,
Я спал в гробу в бесовском дерзновенье.
Но не стяжал заслуг по житию:
Не принесло железо примиренья.

И, спотыкаясь всюду, как слепой,
В полубреду просил себе мученья...
Когда же я заплакал пред Тобой,
Тогда Ты дал мне даром отпущенье.

9 января 1998 г.
Скит Ветрово

* * *

За что, за что сие, не знаю,
Видать, чтоб исцелить нутро,
Мне дал Господь в пустынном крае
Внимать, что́ есть *зело добро.*

И я познал в уединенье
(Не из прочитанных страниц)
И благость Божьего творенья,
И Милость, Милость без границ.

О, Христокрасная пустыня,
Боголюбезные места!
Здесь все мне видится святыней,
От звезд до кочки и листа.

Здесь все исполнено свеченья,
Здесь все напоено́ мольбой.
Здесь нет греха. Здесь – отпущенье,
И все живет одним Тобой.

И мир души не отзовется,
Не потревожится мечтой.
И только сердце в плаче бьется:
За что мне, Господи, за что?

13 января 1998 г.
Скит Ветрово

* * *

Как пусто было б без Тебя,
(Помыслим, если б что-то было.)
Никчемность, глупость бытия,
Где мир – вселенская могила.
Как пусто было б без Тебя!

И как бы жить да и к чему
Без упования рождение?
Переходить из тьмы во тьму,
Ложиться в землю удобреньем?
И как бы жить, да и к чему?

И что за кара мудрецу
Во тьме выглядывать просвета,
Порой завидовать глупцу,
По гроб не находить ответа.
И что за кара мудрецу?

Кто был бы счастлив под луной?
И в чем пленительное счастье?
В хотениях души больной?
В застолье, пляске, сладострастье?
Кто был бы счастлив под луной?

О счастье! Где тебя искать?
Тобой покорены народы.
Твое отличие – пленять.
Но что за счастье без свободы?
О счастье! Где тебя искать?

Печальным был бы наш удел
В служеньи временному веку.
Никто б и права не имел
Именоваться Человеком.
Печальным был бы наш удел.

Но жив Господь! И ад бежит!
И все премудро во вселенной.
И Смерть уже не устрашит
Того, кто вырвался из плена.
Но жив Господь! И ад бежит!

21 января 1998 г.
Скит Ветрово

* * *

Вбираю в себя откровенье
Болотной своей стороны:
Полночную радость моленья
Лампады, свечи и луны.

Пред тайной душа замирает.
Стою, затаясь, у окна.
Мерцает, горит и сияет
Лампада, свеча и луна.

О, дивное светозвучанье!
Тебя языку не возмочь.
И стынет в великом молчаньи
Такая трисветлая ночь.

Не чудо ль свечение это?
Гляжу, от всего отрешась.
И славит Создателя светов
Объятая светом душа.

21 января 1998 г. Ночь.
Скит Ветрово

* * *

Я чадо Церкви и России
И вышел в путь в последний час.
Мой голос плачем Манассии
Коснулся каждого из вас.

Реку не в гордом исступленьи,
Что толку о себе кричать?
Я видел злобу, умиленье,
Но равнодушных не встречал.

О зависть, зависть человеча,
Всепоядающая ржа!
Я отошел от всех далече,
И все ж кому-то помешал.

Но в тишине изгнал досаду,
Не тратя в оправданье пыл.
Да, все кругом спасали стадо,
А я, как водится, вредил.

Но что мусолить передрязги,
Храни меня, мой чудо-скит –
Не превращать святыни в цацки,
Не путать Божий дар с людским.

О Мати Церковь – свет России,
Взыскание души моей!
Я счастлив тем, что блудным сыном
Рыдал на паперти твоей.

Я знаю высшую награду,
Которая сынам под стать:
Жить на Руси в преддверьи ада
И с ней кровавить за Христа!

17 февраля 1998 г.
Скит Ветрово

* * *

Святится полночь тайной мирозданья.
Играют снеги, отражая высь.
И в небесах над Северным Сияньем,
Похоже, все созвездья собрались.

О, небеса! Никто вас не отымет.
Глубинный свет мне сызмала знаком.
Сияние миров! Но кто обымет
Безмерный космос мерным языком?

О, наша ограниченность плотская!
О, заземленность – смертоносный лик!
Мы гасим свет, земному потакая,
И множим притяжение земли.

Но что душе земное тяготенье!
Она летит в мерцающую синь,
И славит Бога, дивного в твореньях,
Что все премудро сотворил еси.

18 февраля 1998 г.
Скит Ветрово.
Было Северное Сияние.

* * *

Мы к золотой середочке не гожи,
Оборотились к похотям своим.
Одни рисуют роги у прохожих,
Другие – нимбы мертвым и живым.

И то, и сё сдается неким блудом,
Мы все, увы, предвзятостью больны.
От ваших нимбов я святей не буду,
Но и рога мне даром не нужны.

Я не виню незрелость и зеленость
Желающих на лаврах почивать.
Но так претит, претит самовлюбленность,
Что я готов ей роги рисовать!

Не поклонись кумиру – час неровен,
Не превращай спасение в игру.
Но ты молчишь, сурово хмуря брови,
Над головой вычерчивая круг.

18 февраля 1998 г.
Скит Ветрово

* * *

Был я молод, как все под луной.
Впрочем, что оправданья плести?
Еле выплыл на берег родной,
Да родных растерял по пути.
И беда – не по нраву мой путь:
Слишком он отличался от всех.
Да и спину никак не согнуть,
Что совсем непростительный грех.

Все мы, все мы премудры потом,
А пока норовим по прямой.
Все мы тычем на небо перстом,
Увязая в земле с головой.
Но, которые нам не чета,
Нас по-своему могут понять –
Кто поверит торчащим перстам,
Если наших голов не видать?

В личном деле у нас – лепота́!
Не придраться, хоть очи разуй.
Благодарности сыпят с листа –
Словом, заживо нимбы рисуй!
Там и милость, глядишь, обрели,
Прозябать не придется в глуши...
Так бы души свои берегли,
Иль бумага дороже души?

Гибкоспинность у многих в чести,
Так и мерят на этот аршин.
Но вихлявой ходьбой не дойти
До сияющих Правдой вершин.
Теплохладность – погибель душе.
Я ж другого, живого искал!
Без страдания все мы в парше́,
И отправился к тем, кто страдал.

Был я другом воров и убийц.
Не судил осужденных судьей.
И любую из падших девиц
Называл нелукаво сестрой.
Бросьте камень в меня, господа,
Если вам уж совсем невтерпеж.
Дело право у вас, как всегда,
Но цена вашей правости – грош.

Я повсюду твердил об одном:
Наши души – поваленный сад.
И спускался на самое дно,
Чтоб оттуда взывать к Небесам.
Ах, опять же вы пра́вы сполна,
Отметая опасную дурь.
Только чу! Кто-то вто́рит со дна,
Знать, кого-то коснулась Лазурь!

Жизнь, как старая вязь, мудрена,
Не уложишь листом на столе.
Можно падать до самого дна
И при этом не вязнуть в земле.
И никто Красоты не лишён,
Даже если он ходит в слепых.
Вот и я не напрасно пришел
Поделиться Лазурью с любым.

19–20 февраля 1998 г.
Скит Ветрово

* * *

А что не по плечу – не понести.
Не призывай напрасно воздаянья:
Лишь только до единого простив,
Достойны мы высокого страданья.

Закон об Искуплении не нов,
Как жажда оправдания извечен.
Страдание – отличие сынов,
Блажен, кто этой метою отмечен.

И наша жизнь не стоит ни гроша,
Коль нету кровоточин в жизни нашей.
Чем тоньше, благороднее душа,
Тем бóльшую она приемлет Чашу.

Не отврати от Милости лица,
Не отвергайся Божьего с досадой.
Страдание всегда о двух концах:
Доводит до Престола или ада.

Нежданно подношение Ее,
Не торопи, не прилагай стараний:
На тело неомытое свое
Не возлагай священных одеяний.

20 февраля 1998 г.
Скит Ветрово

* * *

Как важно знать свои границы,
Порой невидимую нить,
И в нужный миг остановиться,
Не наступить, не преступить.

Чужое – ничего не значит,
Родные земли распаши
И накорми того, кто алчет
Пшеницей собственной души.

А коль не так – иную долю
Самонадеянно пожнешь:
Загубишь сорняками поле,
Да и себя едва ль спасешь.

21 февраля 1998 г.
Скит Ветрово

* * *

Хоть богословская наука
Нужна, чтоб малых защищать,
Но для меня такая скука
Рассудок в скальпель превращать!

И я нырнул бы, словно в омут,
Да вот сломался на одном:
Не обращаться, как к Живому,
А только рассуждать о Нем.

И о Едином на потребу,
Как о прохожем говорить.
Но алчущему свойством Хлеба
Желанный Хлеб не заменить.

А может, это наказанье,
Немеримое измерять,
И на заумном заседаньи
Зевки ладонью прикрывать?

Нет, не по мне сие веселье,
Ступеня явно не моя.
Уж лучше я закроюсь в келье,
Та любит неучей, как я.

И буду ждать в уединеньи,
В безмолвном воздеяньи рук –
Кто выше всех определений
И человеческих наук.

21 февраля 1998 г.
Скит Ветрово

* * *

А Ироду спасения не чаять:
За злодеянье милостей не ждут.
Младенцы, умерщвленные мечами,
Доныне у Престола вопиют.

Их много тысяч! Страшное счисленье!
История свершённое хранит.
Которое по счету поколенье
Царя жестокосердого клеймит?

О нем ли речь! Что нового на свете!
Поистине, Терпенье без границ.
О, матери! Прости меня, Содетель,
Что называю так детоубийц!

И все-таки! О, матери! Доколе!
Я заклинаю! Ради всех святых!
Не убивайте жмущихся от боли
Незрячих, безголосых, но живых!

Не умножайте горя над страною!
Не слушайте губительных речей!
Но лекари недаром белизною
Задернули обличье палачей!

О, Родина! Ты словно в исступленьи
Себя решила извести совсем.
Какого мы хотим благословенья?
На каждый день – кровавый Вифлеем!

Кровавит мир! Кровь все-таки водица!
По всей земле великий недород!
О, Пресвятая Дево! Как молиться?
Стал иродом-народом мой народ!

Но жив Господь! Любое преступленье
Несет с собою высший приговор:
Родившиеся станут отомщеньем
За убиенных братьев и сестер!

22 февраля 1998 г.
Скит Ветрово

* * *

Двадцатый век почти на издыханьи.
Без двух минут, и он уже в пути.
Ну что ж, прощай. Тебя бы не стихами –
Вселенской панихидой провести.

Ты был жесток, нещаден на расправу, –
Еще бы – силы ада поднялись! –
И, называя правое неправым,
Водил низы на Голубую Высь.

Нас страшно покорежило в те годы,
Да и поныне на виду рубцы.
Но многие от нашего же рода
Сплели себе нетленные венцы.

А где венцы – там, значит, и победа!
Повержен ад, и смерть, как тать, бежит!
И Русь моя, исполненная Света,
Пред Божиим Престолом предстоит.

И как бы мир не собирал каменья,
Не призывал идти в последний бой,
Русь устоит и в будущих сраженьях,
Встречая верных в Выси Голубой.

23 февраля 1998 г.
Скит Ветрово

Родителям

Я с детства на табак косился букой.
Но, если бы ввели такой предмет,
Пущал бы кольца, следуя науке,
Травился б самосадом с малых лет.

Но есть отрава – на уничтоженье!
Да умолчит глашатай сатанин,
Внедряющий пособие блуженью
Для заполненья адовых глубин!

Вы слышите, имеющие уши?!
Не допускайте растлевать детей!
Не отдавайте голубины души
Заезжим блудодеям всех мастей!

Отверзите невидящие очи!
Над юным поколением – беда!
Какие нравы силятся упрочить
Помеченные бесами блуда?

Они явились, рукоделы клятвы,
С печатью преисподней на челе,
Возвестники антихристовой жатвы
На нашей обескровленной земле.

Но вы-то, вы! Куда же вы глядели,
Дав узаконить в детских душах срам?
И что потом? Назвать страну панелью
На радость обреченным школярам?

24 февраля–1 марта 1998 г.
Скит Ветрово

* * *

Лазурь! Лазурь! Заветная лазурь!
Цвет ликованья, Чистоты, Прощенья.
Сдается мне – Кто сотворил красу
Зовет народы ею к обновленью.

Лазурь! Лазурь! – молитвенно шепчу,
Вобрав душой небесные разливы.
Ах, если б все прияли, хоть чуть-чуть
Твое молчанье и твои призывы.

Лазурь! Лазурь! Спасительный залог.
Зеркалят воды голубым свеченьем.
Знать, на Синае неслучайно Бог
Тебя оставил людям в утешенье.[1]

25 февраля 1998 г.
Скит Ветрово

---

[1] Исх 24:10

Крестный ход

Я шел один. Свеча и Крест в руке.
Десная фимиамом воскуряла.
И столько было силы в огоньке,
Что тьма, обуревая, не объяла.

Я пел Христу об ангельской хвале,
О том, что Небеса полны свеченья,
О том, чтоб чистым сердцем на земле
И нас сподобил славить Воскресенье.

– Христос воскресе! – осенял Крестом,
В таком безлюдье отклика не чая,
Но роща и река, и эта топь,
– Воскресе! – тихим эхом отвечали.

Выходит, не один взирал горé?
И не один стремился Крестным ходом?
Со мной, благоговейно замерев,
Встречала Праздник Божия природа.

Места мои! В забытой стороне,
Познал я, лобызая Воскресенье,
Что Ангелы слышнее в тишине,
И ближе Небо в здешнем отдаленьи.

19–20 апреля 1998 г.
Скит Ветрово

А мне зима все более по нраву...

А на Белой Руси

А на Белой Руси – снега,
Там уже, говорят, намело.
Не пыли́, не страши, пурга,
Мне всегда у сябров тепло.
И камин, и свеча впопад
Разгоняют густую тьму.
И хозяин приезжим рад,
Как хозяюшка рада ему.

Ой, ты, Белая, Белая Русь!
Я как будто в Полесье рос.
Я давно о тебе молюсь,
Да услышит меня Христос!

А на Белой Руси – Кресты
Охраняют покой дорог,
Чтоб всегда с неземной высоты
Призирал на сябров Бог.
Я зайду в недостроенный Храм
С непокрытою головой.
И скажу я своим сябрам –
Я приехал к себе домой.

Ой, ты, Белая, Белая Русь!
Я как будто в Полесье рос.
Я давно о тебе молюсь,
Да услышит меня Христос!

6 декабря 1998 г.
Минск–Петербург

Сванетии

Есть вечная тайна в горах,
Которая ждет откровенья.
Вершины парят в небесах,
Забыв о земном притяженьи.

Послушай молчание гор,
Замри перед Божьим твореньем.
Не нам ли, не нам ли в укор
Надмирное это паренье?

О горы, зовущие ввысь,
Хранители Благословенья...
Душа, воспари, прикоснись
К великому Богохваленью.

20 декабря 1998 г.
Скит Ветрово

* * *

Не знающий большего плачет о малом,
Ища утешенья в слезах.
О том ли, о том ли душа горевала,
Утратой затмив Небеса?

О наши утраты, о наши потери,
Глашатаи Надбытия.
Куда б не отпали, в земном богатея, –
Вернемся на круги своя!

Доколе, доколе невидящим оком
Святые Суды постигать?
Мы все потеряем по здешним дорогам –
Не дай, Бог, Тебя потерять!

21–22 декабря 1998 г.
Скит Ветрово

Странник

Шел по земле я запыленным странником,
Все нажито́е навек отребив,
Духом взирая на огненных всадников,
Чающих грозного гласа трубы.

Я обходил окаянные площади,
В чистых туманах встречая рассвет.
В спину глядели мне грустные лошади,
Глупый теленок тянулся вослед.

Видел повсюду одно разорение,
Видел – Неправда вершила суды,
И одиноко в полночном молении
Плакал от горечи русской беды.

Что же ты, Русь, сиротою бесправною
Молча глядишь на поруганный край?
Горе мое, сторона Православная,
Словно ордою промчался Мамай!

Где же вы, люди, ау, безответные!
Есть кто живой, отзывайся на крик!
– Что ты блажишь? – оборвал неприветливо
Черный от жизни, усталый старик.

– Старче, прости за такое приветствие,
Что тут за погань изводит края?
– Ежли бы токмо от погани бедствие,
Главные вороги – наши князья!

Знамо, такая уж долюшка бедова,
Помер бы – нету грошей схоронить!
Хлопнула дверь. И пошел я, не ведая,
Быть нашей Родине или не быть.

22–23 декабря 1998 г.
Скит Ветрово

* * *

Какие горы без вершин?
Камней собранье.
И что, живущий без души?
Одно названье.

Зима без снега – не зима,
Природы хворость.
Душа без веры – грех и тьма,
Геенский хворост.

А без цветения весна –
И глянуть жалко.
Без Православия страна –
Людская свалка.

Нас вырубали столько лет! –
С рубак не спросят.
Смолчит о вырубке поэт,
Любитель просек.

Полуразваленные пни –
На месте бора.
О, окаяннейшие дни –
У власти свора.

Мы оскудели неспроста
Под игом Зверя.
Приобретенье без Христа
Всегда – потеря.

Что о потерях говорить –
Их слишком много.
Но как оплакать, искупить
Потерю Бога?

Не оттого ли вся беда
И эта ки́пень?
...Без обретения Христа
России – гибель.

25 декабря 1998 г.
Скит Ветрово

Слушай, Русь!

Слушай, Русь! Снеговая Рахиль!
Пал Израиль, блуждая в гордыне.
И сего изблевав за грехи,
Аз на Север воззрел из пустыни.

Там нашел Я тебя, там омыл,
Одарил одеянием белым,
Освятил от языческой тьмы,
И поставил Последним Уделом.

Много крат сквозь огонь проводил
И споборствовал присно в сраженьях.
Как дитя к материнской груди
Ты ко Мне припадала в моленьях.

И любил Я тебя, как никто.
Всей душою и ты прилепилась.
И назвал тебя Русью Святой,
Дабы ведали – с Кем обручилась.

А теперь? Что глаголешь в ответ?
Оправдайся у края издоха!
Не сама ли отринула Свет,
И пошла за звездою Моло́ха?

Окровавила брачный хитон,
Позабыла о Праведном Гневе.
Слышишь ли обличающий стон
Сонмов душ, убиенных во чреве?

Что за ворог тебя ослепил?
Что за тати влачили в Египет?
Обрастая Крестами могил,
Ты себя обрекла на погибель.

Где народ твой? Низвергся с высот.
Разбавляет сике́рой усталость.
Взвесил Святость – и легче пустот
Пред Очами Моими предстала.

Горе, горе поверженной ниц.
Воскури золотое кадило.
Злые поросли богоубийц
На века отжени от Кормила!

Слушай, Русь! Преисполнен фиал!
Я навел на тебя поношенье.
И уже б до конца покарал
За великие грехопаденья.

Но взошел до Меня фимиам
От угодников русского рода.
И помедлю еще. Не воздам.
Да узрю покаянье народа.

27–28 декабря 1998 г.
Скит Ветрово

* * *

Окончу радостью о Боге,
Каков бы ни был мой конец.
Уже сверкнул на полдороге
Мой окровавленный венец.

Не опасаясь нареканий,
Что больно много возомнил,
В часы полночных предстояний
Об этом только и молил.

Не мне просить венец в награду:
И сам не тот, и жизнь не та.
Но, может быть, вменится в Правду,
Что жаждал смерти за Христа?

28 декабря 1998 г.
Скит Ветрово

* * *

Россия – Свет! Россия – Предстоянье!
И Грех, и Плен, и все же – Божий Дом!
Россия – Православное дыханье,
Препона плоти на пути земном.

И, как бы отовсюду не грозили,
Не ужаснемся тучам грозовым.
– Спасение приидет от России! –
Сказал великий Старец Серафим.

И если мир отвержется спасенья,
Подвигнется с мечом, как на парад, –
Нам со Христом и смерть – приобретенье!
Им без Христа и жизнь – кромешный ад!

29 декабря 1998,
Скит Ветрово

* * *

Земля моя! Пыреи да бурьяны!
Лазурь моя! Сычи да воронье!
Откуду стану плакать, окаянный,
Взирая на Отечество свое?

Ни оку, ни душе отдохновенья.
У поднебесья стынет песий лай.
Каким постом, каким богомоленьем
Оживоносить омертвелый край?

Народ лежит! Толпа в ожесточеньи!
За Всенощной пусты́ монастыри.
Правитель юн умом до помраченья,
Лазутчики бегут в поводыри!

Страна моя! Такого не знавали
Ни прадеды, ни деды, ни отцы.
Тебя живьем кусали да кромсали
Ядущие с тобою подлецы!

Ты пала без единого сраженья.
Твое «авось» усвоили врази.
Невиданное прежде посрамленье
Покрыло лик моей Святой Руси.

Но черный плат, увы, не без причины
На обреченных очесах твоих:
Не ты ль отвергла Божии глубины
И не презрела про́пастей чужих?

О, Родина! Вставай без промедленья!
Гони христопродавцев и ворье!
Бог обратит великое паденье
В великое восстание твое!

29 декабря 1998 г.
Скит Ветрово

* * *

Как быстро почки распустились,
Закону Божьему верны.
Сады цветеньем обновились –
Нарядом радостной весны.

Как быстро лето наступило,
Ветра сорвали лепестки.
И солнце рябью ослепило
Стрекоз полуденной реки.

Как быстро листья пожелтели,
Уже и жáтва позади.
И снова хлопья полетели
От стужи землю оградить.

И на глазах, в одно мгновенье,
Следы поземка замела.
Пришла зима, неся забвенье...
Как быстро эта жизнь прошла!

29–30 декабря 1998 г.
Скит Ветрово

* * *

Незатейлив деревенский быт.
На рассвете принесу дрова.
И под гласование трубы
Стану петь Давидовы слова.

Сколько жизни в чудо-словесах!
Сколько покаянной глубины!
«От конец земли к Тебе воззвах,
Просвети Лице Твое на ны...»

Много ль нужно нам с тобой, душа?
Это ль не блаженная юдоль? –
От всего на свете отрешась,
Править дух Божественной водой.

30 декабря 1998 г.
Скит Ветрово

* * *

Кто корит времена, кто судьбу обвиняет.
Кто грозит невпопад, позабыв, что всегда
Без вины и без пользы никто не страдает.
Значит, в нас и от нас, разумейте, беда.

Не по сердцу сие? А какое лекарство по сердцу?
Может, сладким лечить? – Я не против причуд.
В этот пагубный век все приемый спасется,
Обративый страданье в благодарность Врачу.

30 декабря 1998 г.
Скит Ветрово

* * *

Печаль не навсегда, и горе не навечно.
Все отойдет, замрет, утихнет эта боль.
Что изводить себя кручиною сердечной? –
Выдь ночью к небесам, побудь сама с собой.

Увидишь, над землей – созвездья Милость прочат,
И тайну Млечный Путь из вечности несет.
Открой глаза слезам – вода и камень точит,
Не утирай ее – Господь слезу утрет.

Благословенье вам – зовущие к святому!
Мерцайте до утра, напутствуя рассвет.
Когда б не ваша явь, светящая любому,
Кто мог бы восприять Тот Невечерний Свет?

30–31 декабря 1998 г.
Скит Ветрово

* * *

Желающий чести напьется печали.
Желающий власти напьется вдвойне.
Вершины нещадно в снегах погребали
Идущих любою тропой к вышине.

Ужели труды – чтобы в свете купаться,
И полнить карманы алмазами льда,
На звуки земные порой отзываться, –
Пуская лавины забытым стадам?

31 декабря 1998 г.
Скит Ветрово

* * *

А я под солнцем места не нашел.
Какое место страннику под солнцем?
Не бьет бока полупустой мешок,
Где сухарей на раз не наберется.

О, воля, воля! Скудным языком
Не описать паломнический праздник!
Молдавским домотканым рушником
Красуется у пояса подрясник.

Мой путь от родника до родника,
От Храма к Храму, от села к селенью,
Иду, благословляя облака,
Лачуги, облаченные сиренью,

Старух и стариков, кого ж еще? –
Их семя по распутьям да темницам, –
И пастуха с оборванным плащом,
С одною думой – где б опохмелиться?

О, Родина! Упасть и зарыдать!
Но, Слава Богу – колокольный позыв.
Гляжу на поределые стада,
И вновь бреду, отталкивая посох.

И в лад ходьбе, по четкам, не спеша,
Тяну молитв словесную обнову.
Земля – Господня, потому душа
В любом краю – у очага родного!

31 декабря 1998 г. – 1 января 1999 г.
Скит Ветрово

Спас

Отгородясь от всех паломников,
Молитвой дело освятил.
На доску паволоку ровненько
Горячим клеем закрепил.

Затем, разгладив седмерицею,
Совокупил и клей, и мел.
И, как крещальною срачи́цею,
Левкасом девственным одел.

Потом неровности продольные
Поправил лезвием ножа.
Тер наждаком, хвощем, ладонями –
Доска готова отражать.

(Так и душа, Водой омытая,
Стоит, являя Красоту.
Но, Божьим Духом не повитая,
Легко теряет Чистоту).

Под краски взял вино прозрачное,
Желтка живую благодать.
Творю санкирь – основу брачную,
И приступаю выплавлять.

Сначала первое охрение,
Румянцы сразу (не в конце!),
Подбивка, сплавка, наложение
Светлейших бликов на Лице.

Еще плавление от дробности,
Движки и опись в самый раз.
...И вот уже с великой кротостью
Глядит Нерукотворный Спас.

Несу в Алтарь на место Горнее,
На свет лампадного огня,
Чтоб Источенье Животворное
Касалось полночью меня.

...Внимая правилу вечернему,
Гляжу, не насыщая глаз.
О, Красото Неизреченная!
О, мой Всемилостивый Спас!

1–2 января 1999 г.
Скит Ветрово

* * *

Пожаловался голосом плачевным
Знакомый мой, отнюдь не юных лет:
– Обидно мне, что я такой никчемный,
Ни богомаз, ни певчий, ни поэт.

Я посмотрел с немалым удивленьем:
– У Бога нет лишенцев. И, прости,
Выходит целомудрие, смиренье,
Уже никак к дарам не отнести?

Мирская честь – опасная услада.
Стремиться к ней – приваживать беду.
Скажи, какая гению отрада,
Когда душа находится в аду?

Основа – жизнь. В поделье мало проку.
И главного Всевышний не лишил:
Пиши поэму житием высоким,
Возобновляй иконный Лик души.

2 января 1999 г.
Скит Ветрово

* * *

Вы помните, молился фарисей,
Превозношась у Самого Престола?
«И праведно живу, не то, что сей».
И прочие безумные глаголы.

Как издалеча воздыхал мытарь,
На Небо очи возвести не смея?
«Будь милостив ми, Боже, не оставь...»
И в перси бил, от горечи немея.

Иная правда – аспид на груди!
Воистину, и оправдаться нечем.
И мы довольно стынем впереди,
Забыв о тех, кто плачет издалеча.

2 января 1999 г.
Скит Ветрово

* * *

Отчего все поет ключевою водой,
И светло, и покойно в природе?
Это Свет Рождества Вифлеемской звездой
Над Голгофой России восходит.

Нам смеются в лицо. Скоморохов не счесть.
И поносят, поносят без меры.
Называют пещерными – нам это в честь:
Что дороже Христовой Пещеры?

По-над Родиной Свет. На душе Благодать!
Оживают глаголы у сердца.
И готов вместо хлеба солому жевать,
Лишь бы в яслях увидеть Младенца!

3 января 1999 г.
Скит Ветрово

* * *

Благовестил Наперсник Божий
Любви безмерной глубину.
– Во время оно приведоша
К Нему неверную жену.

И книжники, и фарисеи,
Поставив жертву посреди,
Судом жестоким Моисея
Хотели падшую судить.

Се Моисеевы глаголы!
Так Боговидец повелел!
(А Иисус, преклонься долу,
Перстом писаше по земле.)

Опять к нему, тая надежду...
Но Сердцеведец опалил:
– Кто без греха – брось камень прежде.
(И вновь писаше на земли.)

И вдруг в наземном начертаньи
Узрели собственную тьму.
И, обличаемые в тайном,
Поразошлись по одному.

Тогда Господь воззрел смиренно,
И кротко у жены спросил:
– Где обличающие, же́но?
Никто тебя не осудил?

– Никто, – ответила, рыдая,
Боголюбезная душа.
– И Аз тебя не осуждаю.
Иди, и впредь не согрешай.

О, Милость! Милость Совершенства!
Христова Царская печать!
Познал бы мир сие блаженство –
Такого Бога повстречать!

3 января 1999 г.
Скит Ветрово

* * *

Маловерие – мати кручины.
Отжените его поскорей.
Посмотрите на сельные крины,
Затмевающих славу царей.

Как бы мы не бесценили цену,
Богатея не в душу, а в плоть,
Мы не меньше обычного сена,
И о нас попечется Господь.

Не предстать бы пред Ним маловером,
Не забыть о законе святом:
Нам отмерится нашею мерой,
Нам осудится нашим судом.

3–4 января 1999 г.
Скит Ветрово

* * *

Рече Господь: «Светильник телу око».
Воистину – Аминь! Аминь! Аминь!
Живущему лукаво мало проку
В обилии намоленных Святынь.

Душа, душа! Не ты ли оком правишь,
Препотыкая на любом шагу?
Не ты ль своим желанием ввергаешь
То в мрак, то в свет покорного слугу?

Сия покорность обратится боем.
Некосно воздаянье по делам.
Биение достанется обоим,
И оправданье тоже пополам.

4 января 1999 г.
Скит Ветрово

* * *

Где бы не искали день вчерашний –
Возвратимся из чужих краев.
За морем веселье, да не наше,
А у нас и горе, да свое.

Нет нигде такой заветной выси,
Нам и в оскуденьи – Благодать.
Ничего, что голо – нечем высечь,
Налегке удобней выплывать.

На чужбинке словно в домовинке,
Здесь же – неоглядные поля.
И крестьяне мыслят по старинке:
Русским Богом держится земля!

4 января 1999 г.
Скит Ветрово

* * *

О, Господи! Своим Благословеньем,
Как в одеянье царское облек –
Пить воду родника уединенья
В наш суматошный окаянный век.

О, чудных вод покойные глубины!
Без вас бы я зачах, осиротев.
Здесь лилии – Евангельские крины,
В Евангельской застыли Чистоте.

Шумят дубы мамврийскою листвою,
Стоят стога, что Моисеев стан.
И раз в году, Крещенскою порою,
Моя речушка – тоже Иордан.

5 января 1999 г.
Скит Ветрово

* * *

Разве я обделен в отдаленьи своем?
Благовонье – с Афона Святого.
И лампада горит, освящая мой дом
Благодатью от Гроба Христова.

Благодатный Огонь – Знак Победы побед
Слепотствующий мир не вмещает.
Ниспадая с Небес, Воскресения Свет
Православную Пасху венчает.

Так гори же, гори в ледовитых краях.
Гость далекий желанен особо.
...И в болотах скобских, в непролазных снегах,
У лампады стою, как у Гроба.

6 января 1999 г.
Скит Ветрово

* * *

Непогода вчера, как с цепи, сорвалась,
А сегодня остыла немного.
И природа стоит, до зела затаясь,
Ожидая Рождения Бога.

А деревья молчат, распрощались с листвой.
Лихолетье зимой небольшое.
С каждой ветки звучит – Рождество! Рождество! –
Безголосые славят душою.

Все в едином родстве. Первозданная связь!
Нет чужих среди близких и дальних,
Небеса и Земля у Яслей обручась,
Сторожат Вифлеемскую Тайну.

6 января 1999 г.
Скит Ветрово

* * *

И в душе, и вокруг – просветленье,
По-иному трезвонит звонарь.
Ночь поста миновала мгновеньем,
Вот и Праздник – всему Господарь.

Постаралась вовсю снеговея,
Показала свое мастерство.
Так бело – не бывает белее –
Рождество! Рождество! Рождество!

И леса, и пустыни, и степи
Отражают небесную водь.
Благодать и в разбойном вертепе,
Если там возлегает Господь.

6–7 января 1999 г.
Скит Ветрово

* * *

Говорим, что чуто́к охромели дорогой.
Неподсудная малость? Отнюдь.
Как легко оттолкнуть Всемогущего Бога!
Как непросто обратно прильнуть!

Теплохладная хворь пострашнее проказы –
Гасит искры на самом лету.
Открывая Стучащему в двери *не сразу*,
Запускаем *потом* пустоту.

И глухи, и слепы. Нам светелка – темница.
И не прост этот мир голубой.
Не встречая Его Материнской Десницы –
Нам не встретиться даже с собой.

Круговерть под луной! Пожалеем скитальцев.
И самим не попасть бы в беду.
Жить на стылой земле без тепла Жизнодавца,
Означает – застыть на ходу.

6–7 января 1999 г.
Скит Ветрово

* * *

Наконец-то и снег заскрипел,
Словно белая жесть под ногами.
Патриарший клобук на трубе –
Рождество на Руси со снегами.

И мороз подрядился на пост
Легким инеем нежить былинки.
Аки меньшая братия звезд
Заискрились на окнах снежинки.

Благо есть и моим камышам –
Полыхают, а все ж – не сгорают.
До чего же Земля хороша,
Коль она Небеса отражает!

8 января 1999 г.
Скит Ветрово

* * *

Язык народа мудростью красив.
Одрагоценен поэтичным слогом.
Комета, говорили на Руси,
Метет путину Млечную пред Богом.

Идет Господь с возмездием Святым,
Несет земле и водам наказанье.
Веками огнезрачные хвосты
Живущих призывали к покаянью.

Но миру призыванья не впервой.
Живем и умираем, как придется.
Не потому ли огненной метлой
Опять путина Млечная метется?

9 января 1999 г.
Скит Ветрово

* * *

Как полынью обдало,
Аж душа заныла:
Горе поверху несло,
К берегу прибило.

Берег мой бедой подмыт,
Обнажился Камень.
Дом на Камне Том стоит –
Подмывай веками.

Было горе – унесло,
Скатертью дорожка.
Видно, время не пришло –
Поживем немножко.

9 января 1999 г.
Скит Ветрово

* * *

Дразнить гусей монахам не пристало,
Но провести подобие возьмусь.
От Сотворенья дважды заблистало –
Святый Израиль, и Святая Русь.

Соединить – ни нашим, и ни вашим,
(Ходить за Правдой – жить на острие),
И на весах всегда по разным чашам –
Благодаренье Богу за сие!

Никто не может верностью хвалиться,
До одного забыли Божий Страх.
Святый Израиль стал богоубийцей,
Святая Русь хромела на глазах.

Да, мы на дне, в великом потрясеньи.
Достиг высот ветхозаветный сын.
По-человечьи – поднялся над всеми,
По-Божьему – взгляните на весы!

Пустопорожность праведности мнимой
Оборотилась страшной высотой.
Крепка стопа, да пешеходит мимо:
Закон пред Благодатию – ничто!

Что первородством проданным кичиться?
Оно у нас со Спасова Креста.
За власть над миром – эту чечевицу –
Отверг Благословение Христа!

Господь и ныне – Камень преткновенья.
На Камне Сем и строим, и стоим.
Исав, Исав! Твое ожесточенье
Клеймит Сион проклятием твоим!

9–10 января 1999 г.
Скит Ветрово

* * *

В духовной жизни все иначе.
Духовность плоти не чета.
Над гневом властвующий паче
Того, кто вземлет города.

Далек от праведности лживый,
Язык его испепелит.
Всегда в скитаньях нечестивый,
Никто не гонит, а бежит.

Любезны сердцу угощенья,
Но огради разлукой грудь:
Кто учащает посещенья –
Готовит ненависти путь.

Муж скудоумный, яко нива,
Оставь – травою порастет.
И разве прав многоречивый?
В молчаньи мудрость и почет.

Не устрашайся поношенья –
Злодею праведник нечист.
Смиренномудрому – цветенье.
А грешник изсшет, аки лист.

10 января 1999 г.
Скит Ветрово

* * *

За окном – бахрома, бахрома.
Все под солнцем играет, искрится.
Белоризица наша зима,
За морями сие не приснится.

О, лазури великая звень!
Чудо-липы мерцают порошей.
В царской шубе довольный плетень
Притулился до Праздника тоже.

Праздник-Батюшка третий денек
Православную Русь украшает.
Ясну радугу враз истолок,
И по лику земли рассыпает.

Снегирям и в мороз весело́,
На кустах, на снегу полыхают.
Святорусью и в Святки тепло:
Святорусье Господь согревает.

10–11 января 1999 г.
Скит Ветрово

* * *

А мы идем по лезвию ножа.
Кого сюда, кого туда бросает.
Поэты головой не дорожат,
И потому легко ее теряют.

Какую песню думаем пропеть
До помраченья в пустоте копаясь?
Что голова – душой бы уцелеть,
Не продаваясь и не покупаясь.

Вбирай в себя страны недужной боль,
Не распыляй дары по белу свету.
Увы! Поэты возятся с собой,
И только носят звание поэтов!

Но мало проку звание носить,
Дышать и жить одною похвальбою.
Поэт, кто верен Богу и Руси,
И пишет песню собственной судьбою.

11 января 1999 г.
Скит Ветрово

* * *

Блажен живущий в отдаленьи
Без треволнений и забот:
Кто не отринул попеченья,
Тот кротости не соберет.

Что толку слыть анахоретом,
Забрав в затвор мирскую сеть?
Душа заботная без света,
Увязшей птице не взлететь.

Закон безмолвия известен –
Навек умолкнуть для всего.
Не домогаться глупой чести,
Не знать, не слышать ничего.

Молитвой отогнать кручину,
Постом живот опоясать,
Собраться духом воедино,
И так до гроба пребывать.

Ночами возглашать стихиры,
Служеньем разгоняя тьму...
О, удаление от мира,
О, приближение к Нему!

12 января 1999 г.
Скит Ветрово

* * *

Огонек от свечи восковой,
Запах ладана с келией дружен.
Никого у меня, никого.
И, по правде, никто мне не нужен.

Хорошо отродясь не иметь
Ни супруги со чады, ни друга.
Лучше нет – на Иконы смотреть
В освещенный лампадами угол.

Отражает лампады киот,
Чуть светлеет резное Распятье.
Что мне мир, если сердце живет
Тем, Кто знает меня до зачатья!

За окном ничего не видать,
Только ветер над крышею бредит.
Благодать у меня, благодать,
Потому что никто не приедет.

12 января 1999 г.
Скит Ветрово

* * *

А все написано до нас.
Но кто за жемчугом ныряет?
Не потому ли Божий Глас
Вдали от наших уст витает?

Не оттого ли без конца
От собственных глубин воротит,
И нашим каменным сердцам
Любезно, что любезно плоти?

Творцы словес! Поводыри!
Почто выискивать замену,
И, выдувая пузыри,
Слепить глаза жемчужной пеной?

Не лучше было бы нырнуть,
Оправдывая сан поэта,
И миру Красоту вернуть,
Подъемля Божий жемчуг свету?

13 января 1999 г.
Скит Ветрово

* * *

Друзьям и недругам, и прочим,
Кто посещал мои края –
Любой спасается, как хочет.
Как не хочу – спасаюсь я.

Мне по душе дерев забвенье,
Когда в снегах стоят сады.
Вам, разумеется, цветенье,
И обязательно плоды.

Нет, не могу кривить душою,
И говорить обиняком.
Мудрить – достоинство большое,
Но мы привыкши – прямиком.

Что понапрасну сад тревожить,
Коли ни яблока в саду?
«Я вас любил. Любовь быть может...»
Но только не в моем скиту...

13 января 1999 г.
Скит Ветрово

* * *

Что, душе, дала тебе пустыня?
Что познала ты в уединеньи?
«Прежде сокрушения – гордыня,
Прежде дарования – смиренье».

Лобызаю авву Исаака,
Впитывая каждую страницу.
Кто какой слезою должен плакать,
И какого плача удалиться.

В дивной книге – отраженье Неба,
В каждом Слове – чудо-наставленье.
«Скорбь не может причинить ущерба,
Кто отверг покой и наслажденье».

Словно в келье воскурили ладан,
Слышу отзвук Богохвальной песни.
«Всяк, идущий по дороге Правды,
Повстречает горе и болезни».

Льется в сердце сладостным мотивом,
Что потом послужит в укрепленье:
«Кто желает жить благочестиво,
Тот претерпит многие гоненья».

13–14 января 1999 г.
Скит Ветрово

* * *

Весна – ликующая просинь.
А лето – торжество дремы́.
Прискорбное прощанье – осень.
Трезвение – удел зимы.

Приемлю все – весенний, летний, –
Любого времени разгар.
Но по душе – удел последний,
Безмолвию Небесный дар.

Давно деревья отшумели,
Забыты птичьи голоса.
Что́ им неверные капели?
Они узрели Небеса.

Стоят, прошедшему пеняя,
Открытые семи ветрам,
Мерцаньем звездным отгоняя
Озноб древесного нутра.

Остолбенели горемычно,
Никто взмолиться не успел.
А Богу миловать обычно –
В одежды белые одел.

14 января 1999 г.
Скит Ветрово

* * *

И метет, и метет, и метет.
Спит камыш, наяву коченея.
Не приедет никто, не придет, –
Благодарность тебе, снеговея.

Полюбил я тебя привечать,
Слушать сердцем твои величанья.
Хорошо просто так помолчать, –
Что целебней простого молчанья?

Светит праздник во мне целый день,
Неспроста снеговея кружится.
Отмела от зверья, от людей,
Чтоб сильнее к Творцу прилепиться.

15 января 1999 г.
Скит Ветрово

* * *

Вот и солнце взошло. Хорошо!
Без него и зима метит о́бок.
И стою, обнимая душой
Голубые проталины облак.

О, лазурь! О, Святая Краса!
Без тебя и земля захворала.
Только радости ей – Небеса.
Впрочем, это, наверно, не мало.

Ничего утверждать не берусь,
Но узрел в торжествующей выси –
Не оставлена Господом Русь,
Коль она в Богородичной ризе.

16 января 1999 г.
Скит Ветрово

* * *

А жизнь моя достойна плача,
Скажу, пред миром не тая.
Но ты, конечно, жил иначе –
Достойна смеха жизнь твоя.

Не много выиграл, однако,
Но гордости не занимать.
Что лучше – Ангелу оплакать,
Иль сатане обхохотать?

Разумно ли корить пред светом
За монастырскою стеной?
Судить во мне и то, и это,
Не слыша хохот за спиной?

17 января 1999 г.
Скит Ветрово

* * *

После Храма – ни мыслей, ни слов.
Наши помыслы – наши мытарства.
На душе и тепло, и светло,
О, Молчанье, – вхождение в Царство!

Мир не знает твоей Красоты.
Мир живет по иным измереньям:
Пьет сикéру дневной суеты.
Заедая всенóщным блуженьем.

Но не все ж ему мертвую пить.
Что увидит в конце перепоя?
Ах, ему бы тебя приютить,
И склониться пред Богом с тобою!

17 января 1999 г.
Скит Ветрово

* * *

Иордан! Иордан! Небольшая река!
Что тебе в полноводье великом?
Ты вместила Того, Кто обдержит века,
Облачила собою Владыку!

Иордан! Иордан! Палестинская синь.
Нет тебя ни роднее, ни ближе.
Ты услышала Глас: «Се – Возлюбленный Сын!»,
И увидела Голубя свыше.

Иордан! Иордан! Во́дам – Батюшка-царь,
Нам – явленная Божия Милость.
И поныне лежишь у Подножья Творца,
Словно та Иоаннова милоть.

18 января 1999 г.
Скит Ветрово

* * *

Липы мерно росою трясут
В безмятежном своем отрешеньи.
До снежинки убрали красу –
Чистоте ни к чему украшенья.

Им тепло под небесной полой,
В ожидании Дня Освященья.
Поснимали рубахи долой –
Кто ж в одежде приемлет Крещенье?

Не остудно стоять босиком
Тем, кто жаждет великую Малость –
Чтобы облачко Свет-Голубком
Из Отверстых Небес показалось.

18 января 1999 г.
Скит Ветрово

* * *

А мне зима все более по нраву.
Старею ли, смиряюсь? – Не понять.
Люблю смотреть на стылые дубравы
И ничего ни от кого не ждать.

Ночь. Полнолунье. Божья Благостыня.
Душа вбирает неземной покой,
Где светлая безмолвная пустыня
Искрит над головой и под ногой.

Царит луна в прозрачности великой.
Ей хорошо с премирной высоты
Пылающей хрустальною веригой
Одаривать деревья и кусты.

Стою, гляжу на чудное свеченье
Прилунного морозного столбца...
Прекрасен мир! Зело добро творенье!
Но что сказать о Красоте Творца?

30–31 января 1999 г.
Скит Ветрово

* * *

И хотелось бы петь по-другому,
Но, увы, эта хворь не проста.
Наши души черней чернозёма,
А ведь были белее холста.

Что-то с нами издре́вле случилось,
И теперь уж себя не отмыть.
Слава Богу, есть Божия Милость,
Та, что жаждущих жаждет цели́ть.

В Крестной ноше ее узнавайте,
Хороните от взоров чужих.
Сокровенную боль сокрывайте,
Как зерно в чернозёме души.

Будет время – умрет и восстанет,
Всё когда-то должно умереть.
И кого-то собой напитает
Наша боль, претворенная в снедь.

31 января – 3 февраля 1999 г.
Скит Ветрово

У поля Косова

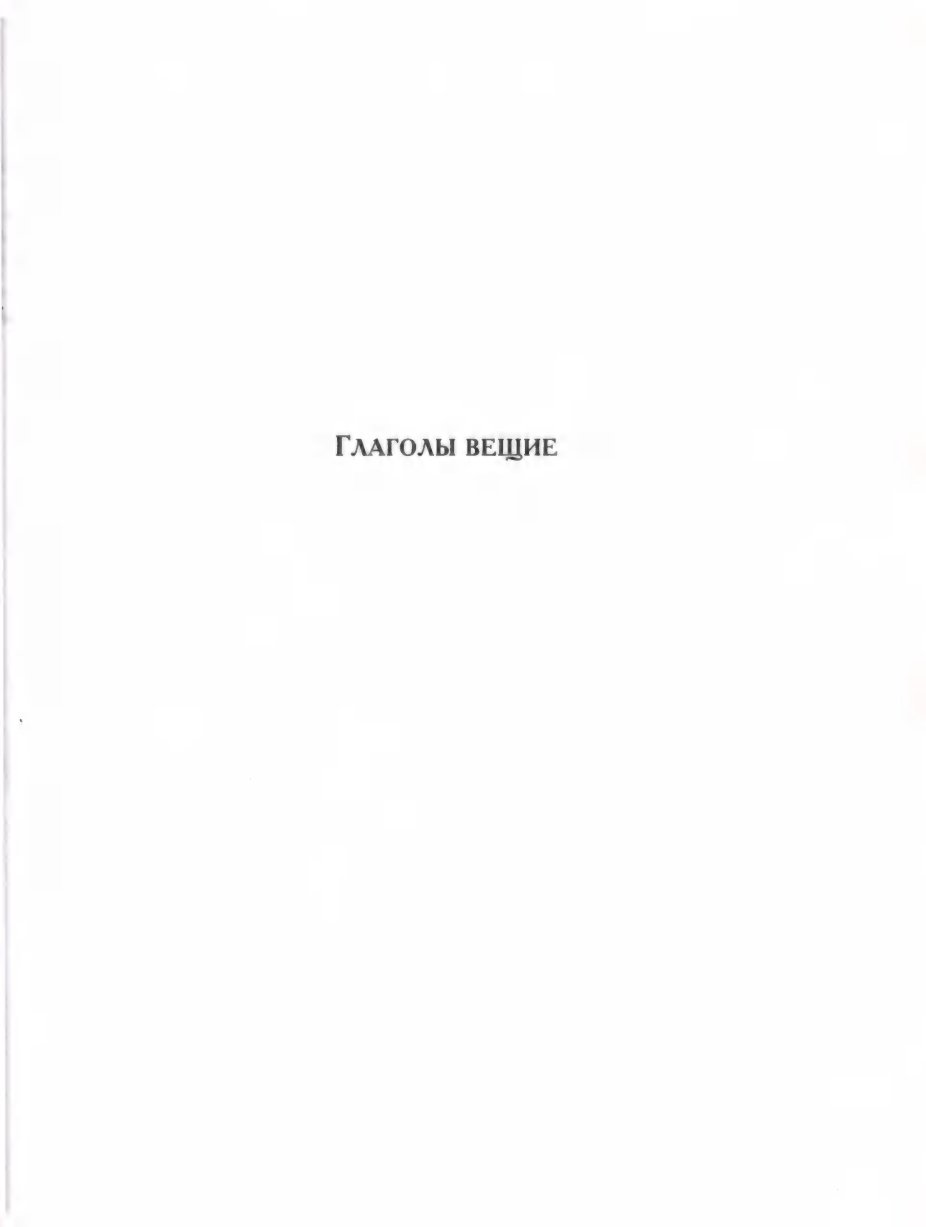
Я гляжу на Великий Погост,
Исполняюсь звучаньем особым.
Здравствуй, Косово! Я твой гость.
Отчего же прискорбны оба?

Этой встречи так долго ждал!
Но прости, собирался не споро.
И на столько веков опоздал,
Что не умер в блаженных просторах.

Чудо-Косово. Райская цветь.
Что сказать мне в свое оправданье?
Жаждал песню заздравную спеть,
Да душа в погребальном рыданьи!

Но напрасно злорадствует враг,
Отымая и горы, и долы.
Сердце Сербии, сербский стяг!
Ты уже у Христова Престола!

26 июня 1999 г.
Гргетек, Сербия

Глаголы вещие

Какая обреченная луна!
Молчит земля тревожно и сурово.
И в Вечность устремилась тишина,
Внимая Откровенью Богослова.

1

Аз, Иоанн, по Бозе общник ваш,
Бых на молитве в Дусе в день недельный.
И слышах глас, яко труба гласящ:
– Аз есмь Грядущий, Первый и Последний.

И обратихся видети – застых,
И видех седмиогненник единый,
И посреде светильников златых –
Подобно Человеческому Сыну.

Глава Его и власи, яко дым,
Белее свежевыпанного снега.
И опоясан поясом златым
Живый во веки, Альфа и Омега.

2

Отверзе Агнец дланию десной
Печати, возглашая: – Виждь и внемли.
И белый конь, и рыж, и вороной,
Почуяв волю, понеслись на землю.

И Он отъял четвертую печать –
Аз имя Смерть прочел на лике бледном.
И бледный конь сидящего помчал,
И глад за ним, и ад идяше следом.

Егда отверзе пятую печать –
Под Олтарем увидех избиенных,
И даша им за велию печаль
Белы одежды – облаченья верных.

А за шестою – скорби не вместить.
Аз обозрех смятение в народе.
И велий трус, и солнце мрачно бысть,
И, яко кровь, луна на небосводе.

Падоша звезды, якоже листва,
И небо отлучися, яко свиток,
И всякая гора, и острова
Пучиной восхотели быть сокрыты.

И вся языки, в горы устремясь,
Теснясь в пещерах, вопияли, плача:
– Падите, горы, и покрыйте нас,
Кто может стати против гнева Агнча!

3

Снята печать Десницею Святой.
И бысть безмолвье, яко на немного.
И Ангел ста с кадильницей златой,
И воскурил молитвами пред Богом.

И фимиам святых прияше Бог.
И ангел, исполняя послушанье,
Олтарний огнь в кадильнице возжег, –
Послал земли и громи, и блистанья.

4

И первый Ангел воструби горе –
И град, и огнь, и кровь поверг на землю.
И третия часть древа погоре,
И всякий злак свое утратил семя.

И он преста, и воструби вторый,
И се – гора, огнем жегома, пала.
Погибе третья часть судов и рыб,
И третия часть моря кровью стала.

И третий глас звезду Пелынь низверг,
И та паде свещой горящей в воды.
И третья часть источников и рек
Пелынью ста и смертию народам.

И третия часть солнца, звезд, луны
Затмилася четвертою трубою,
Светила, не имущие вины,
За человеков уязвились тьмою.

И пятый Ангел возгласи трубой –
Паде звезда, и бысть открыта бездна.
И взыде дым, и прузи над землей,
Имущи жала мучити неверна,

Подобны конем, на главах венцы
И лица, яко лица человечи.
И в тыя дни взыскуют смерти вси
И не обрящут – убежит далече...

И вostруби шестый, и слыша глас,
И разрешиша Ангел при Евфрате,
Да будут лето, месяц, день и час
Часть третью человеков избивати.

5

И знамение велие познах:
Жена явися, в солнце облечена.
И под ногама – полная луна.
И на главе венец от звезд вечерних.

И змий великий, чермен, седмиглав,
Стояше пред хотящею родити.
И видех, сей неистово желах
Рожденное Женою погубити.

Но восхищен к Престолу Сын Ея,
Имущий упасти жезлом языки.
Жена бежа в пустынные края.
И сотвориша битву змий великий,

Хотяше устоять любой ценой.
И Михаил, и Ангелы святии,
Сразились с древним змием-сатаной
И Агнчей Кровью победиша тии.

О небеса! Вас Кровию спасли,
И потому ликуй, на них живущий!
Но горе вам, на мори и земли,
Низвержен к вам рыкающий и лгущий.

6

И видех, стоя на морстем песце,
Из моря зверя мерзка восходяща.
Десятирог, и кийждо бех с венцем,
И на седми главах хулу носяща.

Подобен рыси, львиные уста,
Ногой медвежьей брег морской отмерил.
И змий, своею силой напитав,
Даде престол и власть, и область зверю.

И видех аз израненную зле
Главу едину на могучей вые.
Но язва смерти чудом исцеле,
И поклонишася народи змию.

И зверь уста отверзе на хулу,
И хули Ангел и Того, Кто свыше.
И вся колена потекли ко злу,
И гна святых, и многих победиша.

И и́ный зверь, исшедший от земли,
Имеяше два рога, яко агнча.
И гласом змия лесть свою изли
И огнь с небес тому, кто лести алчет.

Клеймяще на деснице иль челе
Звериный знак, тому, кто убоится.
И купля, и продажа на земле –
Печать имущим, верный истребится.

Кто имать ум, внимай. Зде мудрость есть
Число зверино изочти, считая.
Число его шестьсот шестьдесят шесть.
Не поклонись, погибель обретая.

7

И видех Агнца на горе Сион,
Пред ним – поющих в ризах непорочных.
И сии вси не знающие жен,
И на челех имуща Имя Отче.

И Ангела, паряща в небеси,
Глаголюща ко племенам воззванье:
– Воздайте славу Богу, Богу Сил,
Прииде час Суда и воздаянья.

И Ангел ин глагола вслед его:
– Паде, паде град Вавилон великий,
Что от вина безумья своего
Любодеяньем напои языки.

И третий глас услышах слух земной:
– Кто поклонился зверю – станет слева.
И имать пити ярости вино,
Вино нерастворено в чаши гнева.

И будет огнь безжалостно палить
Запечатленных смертною печатью.
И дым мученья вечно восходить,
И пеплом отзываться на проклятья.

8

И видех облак светел над собой
И Сына человеческа седяща,
Имеяй на Главе венец златой,
И острый серп десницею держаще.

Изыде Ангел и возвыси глас
– Приспе пора, Царю и Господине!
Посли свой серп и жни, прииде час,
Зане трава земная изше ныне.

9

И видех ино знамение аз:
Се море, яко сткляно и горяще,
И Агнчу песнь поюще чудный глас
Имущих гусли, на мори стоящих.

Они не отступиша от Творца,
Попраша образ злый и начертанье.
И посему взывали без конца:
– Благословен Дающий оправданье!

10

И велий глас от скинии воззвал,
Глаголющ седмим Ангелам: – Восстаньте!
Идите и излийте седмь фиал
И яростию землю напитайте!

И иде первый Ангел и изли
Златый фиал на горе всем живущим.
И бысть гной зол и лют по всей земли
На людех, начертание имущих.

Вторый на море излия фиал,
И кровью сташа волны голубые.
И третий ангел кровью напитал
И реки, и источники водныя.

Четвертый Ангел солнце поразил,
И бысть ему дано огнем вредити.
И велий зной народи опалил,
И не престаша Господа хулити.

И пятый Ангел гнев изли во тьму
На царство зверя и престол треклятый.
И жваху языки своя от мук,
И хулиша Творца от чаши пятой.

И излияся Ангелом шестым
Фиал в Евфрат послушною десницей.
И сотворися путь царем земным,
Да шествуют по дну на колесницах.

И ста седмый, и на воздух изли.
И быша гласи, громи и блистанья,
И трус велик, и град зело велик.
И хулиша, забы о покаяньи.

11

И видех любодейцу на водах
Безстыдну и презревшу наказанье.
И ца́ри, и раби, забыша страх,
Упишася ея любодеяньем.

И дмяся, в червленицу облачась,
Покрыша срам порфирой позлащенной,
И златом, и каменьями гордясь,
Держаще чашу с мерзостью и скверной,

Седяще на исполненном хулы
Червленем звери о десяти розех.
И пеша племена слова хвалы
Пияной сей кровьми святых о Бозе.

И Ангел тайну зверя возгласи:
– Зверь бе и несть, от бездны изыдоша.
Седмь глав – суть горы и жена на сих,
И царие седмь суть, и пять падоша.

И воды, иже видел, – племена.
И розе зверя – царие, и сими
Огнем погибнет велий град – жена,
Имуща царство над цари земными.

12

И с небеси явися Ангел ин,
И землю просвети своею славой.
И возопи: – Паде кромешный сын,
Паде великий Вавилон кровавый,

Бесом жилище и нечистых птиц.
Дошли до Бога вси его неправды,
Зело вознесся и повержен ниц,
Да всяк обрящет пепел вместо града.

13

И отворися небо, и по сих –
В червленой Кровью ризе Царь явися,
И видех коней белых и на них –
Небесных воев, облеченных в виссон.

И ста на солнце Ангел, возопи,
Глаголя орлям заповедь Владыки:
– Летите, соберитеся на пир,
Да снесте плоти малых и великих.

И видех зверя, и царей земных,
На брань текущих, и пророка лжива.
И убиени быша вои их,
А зверь и лгущий в огнь внидоста жива.

14

И прейде небо, и земля сгоре,
И ново небо, и земля явися.
И град сходящий свыше обозрел,
И в граде сем нескверн и свят вселися.

И Агнец, Херувимами носим,
И тьму, и смерть отъя – не стаста боле!
Аз, Иоанн, свидетельствую сим –
Грядет Воскресший, мзду носяй с Собою.

* * *

Внимай, душе, коль можешь понести:
Сегодня ближе, нежели чем было.
И кровью напоенный вещий стих
Уже коснулся скорбного светила.

Об авторе

Иеромонах Роман (Александр Матюшин) родился в 1954 году, в семье сельской учительницы. Учился в университете, преподавал в школе. В 1983 году принял монашеский постриг, в 1985 рукоположен в иеромонахи. Служил в одном из приходов Псковской области, сейчас живет в скиту Ветрово, недалеко от Пскова.

Стихи и песнопения иеромонаха Романа широко известны читателям и слушателям, записаны на пластинки и кассеты. Вышли книги «Благословен идущий к Богу» (1991), «Камни святых алтарей» (1991), «Стихи покаянные» (1992), «Избранное» (1995), «Внимая Божьему веленью» – первые два издания (1997 и 1998); было множество публикаций в журналах «Москва», «Русский паломник», «Народное творчество», «Русская провинция», «Урал», «Златоуст» и др.

Алфавитный указатель

А

Б

В

Г

Д

К

Л

М

Н

О

П

Т

У

Х

Оглавление

Раскрою я Псалтырь Святую...

Слава Богу, снова я один...

Радость моя,
наступает пора покаянная...

Я нарисую старый дом...

В келии лампаду затеплю...

В минуту скорбную сию...

Припади, душе, к Отроковице...

А мне в России места не нашлось...

Плач

Святая ночь

Не сохранила Божье, не сумела...

А мне зима все более по нраву...

73

Благочестивый читатель! Помяни в своих молитвах грешных рабов Божиих, работавших над изданием сей книги.

Религиозное издание

Иеромонах Роман

ВНИМАЯ БОЖЬЕМУ ВЕЛЕНЬЮ

Стихи. Духовные песнопения

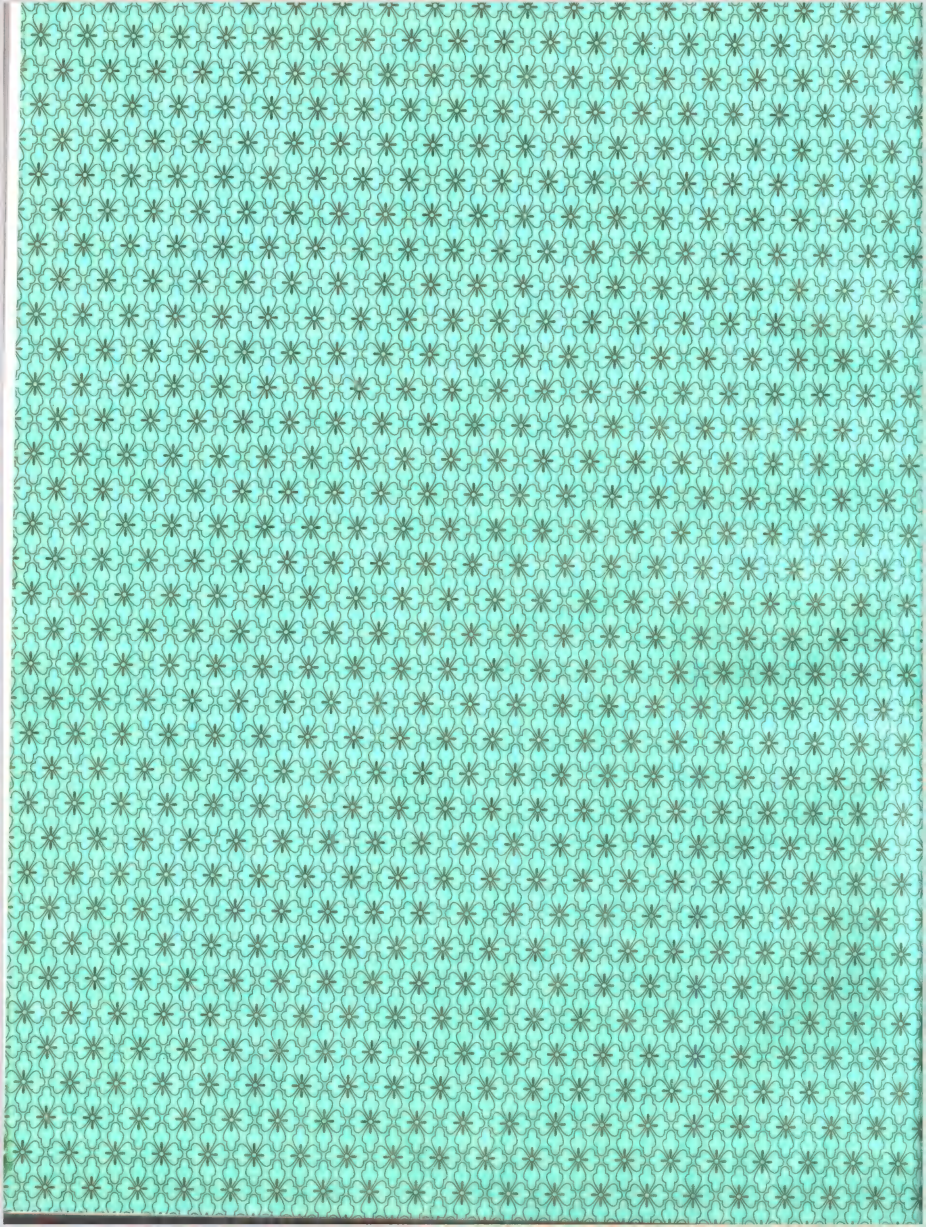
Издано при поддержке
Департамента внешних связей Белорусского Экзархата

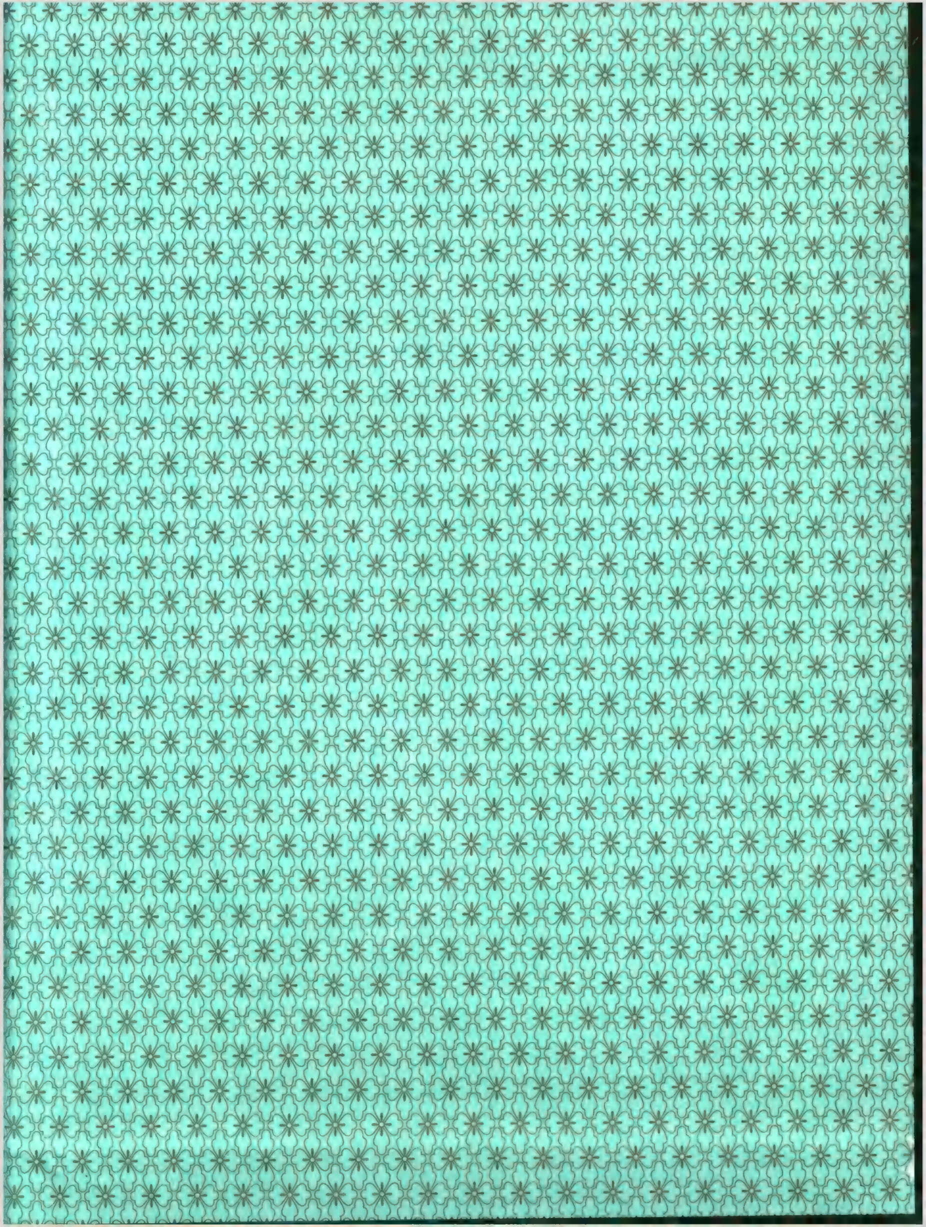
Ответственные за выпуск: Александр Вейник,
Владимир Грозов

Подписано в печать 20.02.2000. Бумага офсетная. Формат 70×108 1/32.
Печать офсетная. Усл.печ.л. 23,80. Тираж 10 000 экз. Заказ 406.

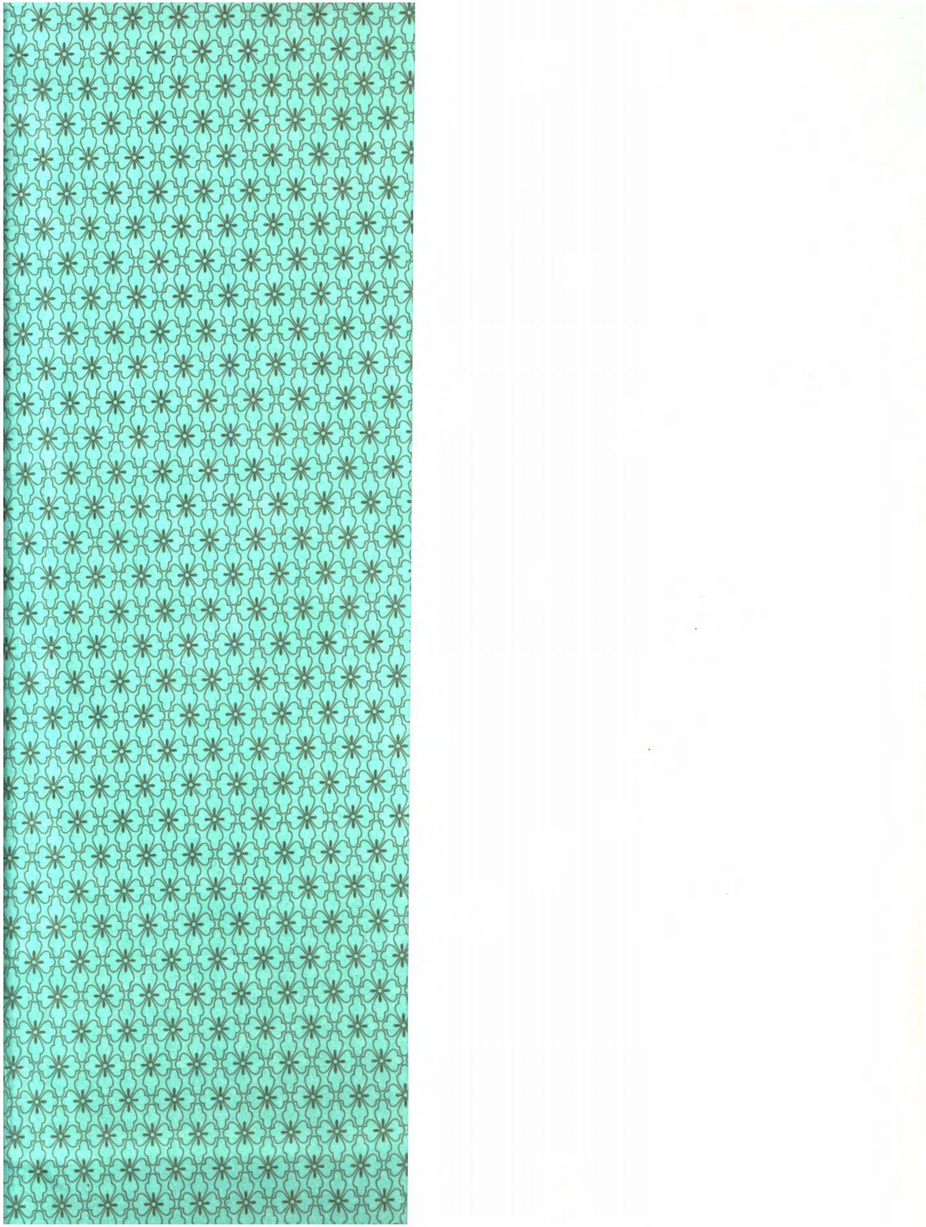
Издательство Белорусского Экзархата, лицензия ЛВ № 300 от 6.5.98. 220004, Беларусь, Минск, ул. Освобождения, 10. Тел. (017) 227-83-60; 258-72-49.

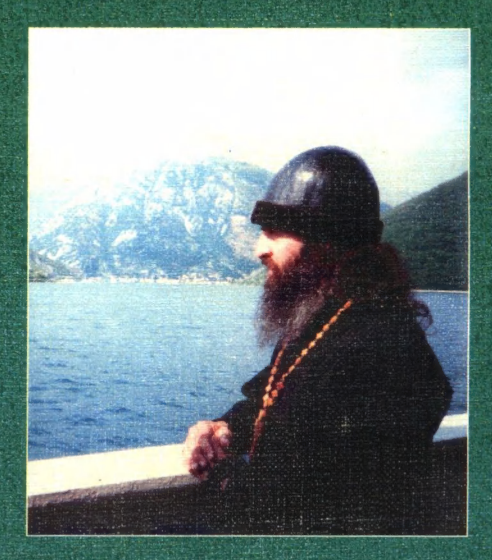
Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика на ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинате ППП им. Я. Коласа. 220005, Беларусь, Минск, ул. Красная, 23.

В третье издание книги «Внимая Божьему веленью...» вошли новые произведения известного русского поэта и песнопевца иеромонаха Романа.

Иеромонах Роман

Внимая Божьему веленью